

Осенняя научная сессия КГПУ им. В.П. Астафьева
«Система педагогического образования –
ресурс развития общества»

ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЯЗЫКЕ И ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

**Сборник статей по материалам
IV Международной
научно-практической конференции,
посвященной 100-летию со дня рождения
профессора В.Н. Роговой**

Красноярск, 30 октября 2024 г.

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. Астафьева»
Педагогический университет Внутренней Монголии
Эрляньский международный колледж
Институт Секола Тинги Бизнес Руната Республики Индонезия

Осенняя научная сессия КГПУ им. В.П. Астафьева
«Система педагогического образования –
ресурс развития общества»

ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЯЗЫКЕ И ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

**Сборник статей
по материалам IV Международной
научно-практической конференции
посвященной 100-летию со дня рождения
профессора В.Н. Роговой**

Красноярск, 30 октября 2024 г.

Электронное издание

КРАСНОЯРСК
2024

ББК 81.411.2
Д 466

Редколлегия:

С.П. Васильева (отв. редактор)

А.Д. Васильев

Т.В. Мамаева

Д 466 Динамические процессы в языке и языковой картине мира: сборник статей по материалам IV Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора В.Н. Роговой. Красноярск, 30 октября 2024 г. [Электронный ресурс] / отв. ред. С.П. Васильева; ред. кол. – Электрон. дан. / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2024. – Систем. требования: РС не ниже класса Pentium I ADM, Intel от 600 MHz, 100 Мб HDD, 128 Мб RAM; Windows, Linux; Adobe Acrobat Reader. – Загл. с экрана.

ISBN 978-5-00102-722-5

ББК 81.411.2

ISBN 978-5-00102-722-5

(Осенняя научная сессия КГПУ им. В.П. Астафьева
«Система педагогического образования –
ресурс развития общества»)

© Красноярский государственный
педагогический университет
им. В.П. Астафьева, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

К 100-летию В.Н. РОГОВОЙ.....	5
-------------------------------	---

ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Васильева С.П.

ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ГАСТРОНОМИЧЕСКОГО КОДА В ГОВОРАХ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ (ТЕМАТИЧЕСКАЯ ГРУППА «ВЫПЕЧКА»).....	12
---	----

Еркина В.С.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КАРТИНА МИРА В.П. Астафьева В «ОДЕ РУССКОМУ ОГОРОДУ» В АСПЕКТЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ПЕРСОНОЛОГИИ	18
---	----

Османова А.М.

ПРИМЕТЫ И СУЕВЕРИЯ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ.....	22
--	----

Савельева П.А.

КОНЦЕПТ «ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА МЛАДШЕГО ШКОЛЬНИКА.....	26
---	----

Сазончик Е.С.

СИМВОЛИКА ЖИВОТНЫХ В КОРЕЙСКИХ И РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ: АНАЛОГИИ И РАЗЛИЧИЯ.....	30
--	----

Шароглазова Ю.В.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОБРАЗ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА ПИСАТЕЛЯ: КУЛЬТУРНОЕ И ИНДИВИДУАЛЬНОЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В.П. Астафьева)	34
---	----

КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКА

Васильев А.Д.

ПРОЯВЛЕНИЯ «ЯЗЫКОВОЙ ЛЕНИ» В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ	41
---	----

Осетрова Е.В., Петрова Е.В.

РЕЧЕВОЙ ЖАНР СПОЙЛЕРА (НА ТЕКСТОВОМ МАТЕРИАЛЕ РОССИЙСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ)	47
---	----

Торжок А.Г.

К ВОПРОСУ О СИНЕРГЕТИКЕ ТЕКСТА.....	52
-------------------------------------	----

Шибеев М.В., Кипчатова А.В.

«УБЕЖДЕНИЕ УБЕЖДЕННЫХ» – ДИСКУССИОННЫЙ АСПЕКТ ПЕРИФЕРИИ ПОЛЯ ВЕРБАЛЬНОЙ ПРОПАГАНДЫ ТЕРРОРИЗМА	56
--	----

Антипина Е.П.

НАБЛЮДЕНИЕ НАД РЕЧЬЮ БОГУЧАНЦЕВ И КРАСНОЯРЦЕВ.....	60
--	----

Антонова Д.Ю.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ СИТУАЦИИ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ СЕНДАП-КОМЕДИИ	64
--	----

Гурова М.С. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА БИЗНЕС-ТРЕНЕРА (НА МАТЕРИАЛЕ СТАТЕЙ И ИНТЕРВЬЮ И. Хакамады)	68
Лан Жуй ФУНКЦИИ И ВЛИЯНИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ НА МЕЖКУЛЬТУРНУЮ КОММУНИКАЦИЮ	73
Куколева Е.С. ЯЗЫКОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	79
Седова А.В. О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ТЕКСТОВ, СГЕНЕРИРОВАННЫХ ChatGPT (НА ПРИМЕРЕ ТЕМЫ «ЛЕГКО ЛИ БЫТЬ МОЛОДЫМ» ИЗ УМК М.М. Разумовской, 8-й КЛАСС)	82
Струзик А.А., Цатурян Г.А. ТРИГГЕРНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫМ МНЕНИЕМ	86
Шахура К.Н. СОДЕРЖАНИЕ ОБЩЕНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ ТЕКСТОВ О РУССКОМ ЯЗЫКЕ	90

ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА И РКИ

Потылицына Д.С. АСПЕКТЫ СОДЕРЖАНИЯ УЧЕБНЫХ ПОСОБИЙ ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ	95
Ревенко И.В. ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ РУССКОЙ И ИНДОНЕЗИЙСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА.....	99
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	104
СВЕДЕНИЯ О НАУЧНЫХ РУКОВОДИТЕЛЯХ.....	106

К 100-летию В.Н. РОГОВОЙ

ВАЛЕНТИНА НИКАНОРОВНА РОГОВА,
доктор филологических наук, профессор
(1924–1989)

Валентина Никаноровна Рогова родилась 14 октября 1924 г. в городе Красноярске в семье служащих.

С 1932 по 1942 г. училась в средней школе № 35 г. Красноярска. В летние месяцы работала вожатой в пионерских лагерях. В 1942 г. была воспитательницей детского сада № 41 Красноярского военного гарнизона.

После окончания школы в 1942 г. В. Рогова поступила на факультет русского языка и литературы Красноярского педагогического института. В 1944 г. под руководством Н.А. Цомакион написала первую курсовую работу.

Студенческое исследование было посвящено проблемам исторической лексикологии и лексикографии. С 1944 по 1946 г. одновременно с учебой В.Н. Рогова работала сначала воспитательницей детского сада, затем старшим лаборантом кафедры русского языка.

В сентябре 1946 г. стала ассистентом кафедры, преподавала историческую грамматику и диалектологию. Позже читала лекционные курсы по современному русскому языку, а также вела семинары по лексике. Разработанный ею спецкурс по вопросам изучения лексики художественных произведений советской литературы пользовался большой популярностью у студентов.

В середине 70-х гг. В.Н. Роговой был освоен курс чешского языка. Она начинает вести спецкурс по сравнительной грамматике славянских языков, преподает чешский. С 1949 по 1953 г. В.Н. Рогова училась в аспирантуре Института языкознания АН СССР в Ленинграде, где все эти годы возглавляла партийную организацию. С 1953 г., после защиты кандидатской диссертации, которую она выполнила под руководством профессора А.П. Евгеньевой, В.Н. Рогова продолжила работу в Красноярском государственном педагогическом институте.

В 1973 г. Валентина Никаноровна успешно защитила диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук. Объектом ее докторского исследования была словообразовательная система русского языка XVI в. 27 июня 1975 г. В.Н. Роговой было присвоено ученое звание профессора по кафедре русского языка. В.Н. Рогова не раз выезжала в длительные служебные командировки за рубеж.

Впервые она была направлена Министерством просвещения РСФСР на два года в ГДР (1957). Преподавала русский язык в Эрфуртском пединституте. В 1964 г. Валентина Никаноровна вновь проводит занятия со славистами ГДР. Новая встреча с немецкими коллегами у В.Н. Роговой состоялась в начале 80-х гг., когда она в качестве преподавателя русского языка 3 года работала в Дрезденском университете.

Кроме того, в 1975–1977 гг. она также преподавала на летних курсах учителей русского языка в ЧССР. Находясь за границей, В.Н. Рогова писала методические пособия, участвовала в подготовке и проведении международных конференций, редактировала сборники статей советских специалистов, выступала с докладами на симпозиумах МАПРЯЛ, на защитах диссертаций, редактировала словари и пособия советских и немецких коллег. Перевела на русский язык вузовский учебник по русской лексикологии, а рецензию на этот учебник поместила в сборнике МАПРЯЛ, изданном в Потсдаме.

С 1970 по 1987 г. Валентина Никаноровна Рогова заведовала кафедрой русского языка Красноярского государственного пединститута. Все эти годы она активно занималась общественной и научно-организационной работой. Являлась ученым секретарем Совета по аттестации научных кадров, членом Ученой комиссии по русскому языку ГУВУЗа Министерства просвещения РСФСР, членом оргбюро зонального объединения кафедр русского языка вузов Западной Сибири, председателем Проблемного объединения говоров Сибири, Урала и Дальнего Востока. В начале 80-х гг. В.Н. Рогова возглавила исследовательскую группу историков языка, которая представила доклад на Международный симпозиум (АН СССР, Москва, 1984 г.).

Не раз В.Н. Рогова по направлению Министерства просвещения РСФСР оказывала помощь кафедрам русского языка пединститутов Тобольска, Южно-Сахалинска, Лесосибирска. В архиве КГПУ и до сих пор хранятся благодарственные письма в адрес В.Н. Роговой.

В.Н. Рогова всю свою жизнь посвятила работе в Красноярском государственном пединституте. Очень часто от нее можно было услышать слова: «Это важно в интересах дела». Именно интересы родной кафедры, родного вуза, города и страны были для нее самым главным в жизни.

На протяжении ряда лет под руководством В.Н. Роговой проводились диалектологические экспедиции студентов и аспирантов кафедры, собиравших материал для словаря русских говоров южных районов Красноярского края. В 1967 г. под ее редакцией вышло в свет первое издание «Словаря русских говоров южных районов Красноярского края», в 1988 г. – второе, существенно исправленное и дополненное.

Под руководством Валентины Никаноровны защитили кандидатские диссертации 15 аспирантов из различных педагогических институтов (Бурятского, Ишимского, Красноярского, Кызыльского, Уссурийского, Читинского, Южно-Сахалинского), а также Красноярского государственного университета. Среди них пятеро впоследствии стали докторами наук: Т.И. Бытева, А.Д. Васильев, С.П. Васильева, О.В. Фельде (Борхвальдт), Т.Б. Юмсунова. Многие из бывших учеников В.Н. Роговой сегодня возглавляют кафедры, занимают ответственные посты в учебных и научных учреждениях.

Научно-педагогическая деятельность В.Н. Роговой была высоко оценена. Она награждена медалями «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина» (1970), «За трудовую доблесть» (1971), «Активист социалистического труда» (1981), а также значками «За отличные успехи в работе» (1973), «Победитель соцсоревнования 1974 г.» (1975), «Победитель соцсоревнования 1980 г.» (1981), «Отличник народного просвещения» (1983).

В 1982 г. Обществом германо-советской дружбы В.Н. Рогова была удостоена медали Гердера. 29 июля 1989 г. после тяжелой продолжительной болезни, которую переносила очень мужественно, Валентина Никаноровна скончалась в окружении своих учеников.

* * *

Из воспоминаний...

А.Д. Васильев

Первое мое знакомство с Валентиной Никаноровной было заочным: мама, Людмила Александровна Шаферова, передала мне от В.Н. Роговой (коллеги по факультету) научно-популярную книжку Л. Успенского «Слово о словах» (я был в возрасте 9 или 10 лет). Эта книжка мне очень понравилась и во многом предопределила интерес к изучению лексики и выбор будущей профессии.

Надо сказать, что во время своего обучения в ленинградской аспирантуре Валентина Никаноровна была секретарем аспирантской парторганизации. Это происходило в трудное послевоенное время, после Великой Отечественной войны, время героического восстановления страны и ее шествия к новым грандиозным свершениям. И в достижении этих успехов значителен вклад русистов: и педагогов, и исследователей. Сама советская система образования воспитывала творцов нового, лучшего будущего и обеспечивала рост и совершенствование их личностей. Единственной политической партией, конституционно руководящей, была коммунистическая. А среди аспирантов-коммунистов тогда значительное число составляли бывшие воины, победители в Великой Отечественной. Вероятно, Валентина Никаноровна была хорошим парторгом: ведь и спустя много лет отношения между бывшими аспирантами оставались дружески теплыми. Об этом можно судить по тому, как хорошо и заботливо нас, аспирантов В.Н. Роговой, принимали в научно-исследовательских институтах и вузах Москвы и Ленинграда, Новосибирска и Томска бывшие ее соученики.

Под руководством Валентины Никаноровны защищены 15 кандидатских диссертаций. Этот впечатляющий результат был получен благодаря и ее требовательности, и тому, что имя В.Н. Роговой как научного руководителя служило гарантией качества диссертации.

Валентина Никаноровна состояла в научно-методическом совете Министерства просвещения РСФСР.

В течение многих лет В.Н. Рогова возглавляла кафедру русского языка нашего вуза. Следует сказать, что в то время кафедра, в соответствии с официальным законодательством, выступала как основное научно-педагогическое звено вуза. Поэтому пост заведующего кафедрой был тогда структурно-организационно весьма значительным. Валентина Никаноровна была хорошим заведующим, умело сочетала соблюдение строгой трудовой дисциплины со вниманием к повседневным заботам сотрудников, отстаивая их интересы на разных административных уровнях.

Само ее поведение в ситуациях рабочего общения служило примером для членов кафедры. Всегда доброжелательная, отзывчивая и справедливая, а при этом, когда необходимо, и взыскательная, – такой была Валентина Никаноровна Рогова.

P.S. В качестве научного руководителя В.Н. Рогова не нацеливала своих аспирантов на запрограммированный результат, а, отлично понимая динамизм явлений языка, постоянно говорила: «Будь внимателен к фактическому материалу, и материал сам тебя поведет». И это ее наставление, обычно вполне оправдывавшее себя, стараюсь передавать своим учащимся.

Т.П. Жильцова

Валентина Никаноровна Рогова была моим научным руководителем.

В течение двух лет моего пребывания в аспирантуре она работала в Дрездене, поэтому наше общение, как сейчас бы сказали, было дистанционным.

В письмах из Дрездена от моего научного руководителя я получала и поддержку, и важные советы, и научные рекомендации. Вот, например, фрагмент письма, которое я получила в канун Нового 1983 года: «...Вы имеете правильные суждения о главных проблемах Вашего исследования. Ну а сомнения бывают у всех. Только факты поведут за собой, подскажут правильный путь. Важны обобщения как результат расклассифицированных фактов и увиденных конкретных закономерностей».

Думаю, советы Валентины Никаноровны не утратили своей актуальности и будут полезны тем, кто планирует заниматься научной работой.

А.В. Кипчатова

Слово об Учителе

Валентина Никаноровна Рогова...

В моей памяти это человек, обладающий абсолютными знаниями в области лингвистики. Поражала прежде всего ее разносторонность – от знаний иностранных языков до глубин знаний в истории русского языка. Как настоящий ученый она смогла создать научную школу, в рамках которой выкристаллизовалась ее идея о демократизации русского литературного языка в период его формирования в XVI–XVII вв.

Правда, я отношусь к тем научным «отщепенцам», которые отступили от этой проблематики, поскольку тема моей работы, подсказанная С.И. Котковым, была связана с изучением народно-разговорных памятников. Поразительно то, что Валентина Никаноровна не испытала при этом никакой научной «ревности»: признавая абсолютный научный авторитет С.И. Коткова, она сразу же согласилась с указанным направлением. Помню только ее фразу: «Ну, если Сергей Иванович сказал...».

Замечательным было и еще одно качество Валентины Никаноровны: всем своим ученикам она проложила дорогу в «большую науку». Именно поэтому нас называли «наши девочки» и в Институте русского языка В.В. Виноградова, и в Институте языкознания в Санкт-Петербурге. Именно Валентина Никаноровна заставляла нас, неопытных и «зеленых», выступать со своими незрелыми научными опытами на больших научных форумах в наших столицах. Да и сама она была центром притяжения для многих ученых, которые «слетались» на конференции в наш далекий сибирский вуз. Г.А. Богатова, Г.П. Смолицкая, В.Д. Бондалетов, Е.Н. Смирнова, И.А. Попов... – список известных лингвистов можно продолжить.

К сожалению, Валентина Никаноровна не дожидая до защиты моей кандидатской и ее имя на титульном листе значится в траурной рамке. Но вспоминается и еще один момент. Гуляя со мной по больничному парку и обсуждая перспективные научные проблемы, она время от времени останавливалась и произносила: «Вот-вот, это может быть темой твоей докторской диссертации...». Как ей хотелось видеть успешными своих учеников!

Светлой памяти дорогого учителя посвящаю эти небольшие заметки.

С.П. Васильева

Каким человеком была Валентина Никаноровна? Прежде всего, человеком дела, и эти слова: «Это нужно для дела» – не пустой звук. Дело ее до сих пор живет, начатая ею работа по созданию картотеки говоров Приенисейской Сибири и по созданию словарей южных и северных говоров Красноярского края продолжена ее учениками. Материалы картотеки легли в основу 5-томного словаря русских говоров центральных районов Красноярского края. Есть план на материале картотеки создать лингвокультурологический словарь говоров Красноярского края. Во время диалектологической практики студенты с удовольствием знакомятся с диалектным произношением, особенностями лексики и грамматики говоров, с региональной культурой, обращаются к словарям и картотеке, выполняя курсовые и выпускные квалификационные работы.

Валентина Никаноровна была требовательным и заботливым руководителем. Поскольку сама она отличалась ответственностью и пунктуальностью, было невозможно не выполнить задание в срок или опоздать на консультации, которые зачастую проходили у нее дома. Иногородные аспиранты часто во время командировок жили у Валентины Никаноровны месяцами. Она считала это удобным, волновалась, чтобы аспирант не отвлекался на бытовые проблемы и был сосредоточен на научной работе.

Валентина Никаноровна была знакома со всеми членами семей своих аспирантов, знала всех их детей, любила делать подарки к дню рождения или по каким-то другим важным поводам.

Нам, молодым тогда, хотелось ей подражать, быть на нее похожими не только потому, что она уважаемый человек, научный руководитель, но и потому, что выглядела она всегда элегантно и к месту одетой, на полках в ее квартире было много интересных предметов, привезенных из-за границы, подарков ее друзей, которых у нее было великое множество не только в СССР, но и за рубежом, где она преподавала русский язык.

Ее спокойная уверенность часто помогала аспиранту на защите собраться, взять себя в руки и достойно представить доклад по диссертации, невозможно было подвести своего научного руководителя.

Великая вещь – память! Она позволяет снова и снова прикасаться к воспоминаниям тех далеких дней, когда мы были молоды и все только начиналось, и рядом были те, «кто нас выводит в люди, кто нас выводит в мастера».

Т.М. Григорьева

Мне не пришлось много общаться с Валентиной Никаноровной, но любая из немногочисленных встреч запомнилась ее умением решить все разумно, быстро и с предельным тактом.

А.В. Михайлов

Будучи студентом 3-го курса и только начав свой путь в историю русского языка (это было в Поволжье, в Чувашском государственном университете в г. Чебоксары) в начале 1980-х гг. я старательно изыскивал сборники научных трудов по разным аспектам, заказывал по межбиблиотечному абонементу (тираж их был крайне невелик, а интернета тогда не было...). Уже тогда называли нам наши преподаватели с уважением имя В.Н. Роговой как специалиста, чьи работы необходимо изучить, если желаешь быть в курсе научных исследований по лексикологии, фразеологии, развитию лексики и словообразовательной системы, понимать, как строить свою парадигму. После того как я познакомился с этими и другими работами Валентины Никаноровны, других историков русского языка (в частности, Н.Д. Русинов, Б.И. Осипов, Л.П. Клименко), с работами Б.А. Ларина, С.И. Коткова, М.А. Соколовой, В.В. Колесова, мне стала более понятной стратегия региональных центров русистики – на материалах диалектов, региональных памятников письменности, строить конкретные и обобщающие труды, складывающиеся в единое целое русской исторической науки о языке. А уже когда я взял в руки словари русских говоров Красноярского края, созданные под руководством В.Н.Роговой, я ощутил, насколько мощная традиция была сложена в Красноярске усилиями Валентины Никаноровны. Тем отраднее, что ее ученики и ученики ее учеников в педагогическом университете помнят о корнях своей учености и чтут учителя...

**ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА**

ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ГАСТРОНОМИЧЕСКОГО КОДА В РУССКИХ ГОВОРАХ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ (ТЕМАТИЧЕСКАЯ ГРУППА «ВЫПЕЧКА»)

LINGUISTIC IMPLEMENTATION OF THE GASTRONOMIC CODE IN THE RUSSIAN DIALECTS OF YENISEI SIBERIA (THEMATIC GROUP “BAKING”)

С.П. Васильева

S.P. Vasilyeva

Ключевые слова: *русские говоры Приенисейской Сибири, гастрономический код, выпечка, тематическая группа, лексико-семантическая группа.*

Аннотация. В статье рассматриваются способы выражения гастрономического кода культуры тематической группы «Выпечка», выявляются донорские зоны гастрономического кода.

Keywords: *russian dialects of Yenisei Siberia, gastronomic code, baking, thematic group, lexico-semantic group.*

Abstract. The article examines the ways of expressing the gastronomic culture code of the thematic group “Baking”, identifies donor zones of the gastronomic code.

Современные исследования русских говоров все чаще рассматривают лексику с позиций передачи кода культуры.

Ю.М. Лотман, опираясь на теорию семиосферы, подошел ко всей культуре как к знаково-коммуникативной системе, отождествив культурные коды и язык: «Язык – это код плюс его история» [Лотман, 2010, с. 15].

Процедуры кодирования и декодирования в семиотическом анализе наделяются важнейшими функциями, создающими в любом тексте некий каркас, в рамках которого передающий сообщение использует знаки с определенным смыслом, а затем получающий сообщение интерпретирует, «распаковывает» эти смыслы, понимая, о чем идет речь в сообщении.

Обращаясь к анализу кодов культуры в языке, исследователи, как правило, выделяют следующие: соматический (телесный), пространственный, временной, предметный, биоморфный, зооморфный, духовный и другие коды.

Значение исследований кодов культуры отмечает в своем определении М.В. Пименова: «Это макросистема характеристик объектов картины мира, объединенных общим категориальным свойством; это некая понятийная сетка, используя которую носитель языка категоризует, структурирует и оценивает окружающий его и свой внутренний мир» [Пименова, 2017, с. 275].

В исследованиях подобного рода ставятся задачи выявления стереотипных образных ассоциаций и ценностного отношения к объекту номинации с опорой на знания о традиционном укладе, образе жизни народа, к ним относятся труды В.В. Красных, Д.Н. Гудкова, М.В. Ковшовой, М.В. Пименовой, В.Н. Телия, Г.Н. Токарева и других.

К исследованию гастрономического кода (кулинарный, пищевой, гастрономический, глуттонический) обращались многие исследователи: С.А. Арутюнов, А.К. Байбурин, Т.Б. Банкова, Р. Барт, Е.Л. Березович, М.В. Гаврилова, Г.Д. Гачев, Е.В. Капелюшник, М.Л. Ковшова, К. Леви-Строе, Н.И. Толстой, С.М. Толстая, В.Н. Топоров. Ученые считают его одним из основных в культуре народа.

Приготовление пищи является частью национальной культуры, «становится основой концептуализации мира, наполняется культурно-символическим содержанием, обретая обрядовый, ритуальный, мифологический, сакральный смысл, особое аксиологическое значение» [Капелюшник, 2012, с. 3].

Цель исследования – выявить донорские зоны кодов культуры, лежащие в основе номинации лексики тематической группы «Выпечка» в русских говорах Красноярского края.

Методика анализа заключается в определении донорской зоны, обуславливающей привычное, стереотипное восприятие именуемого объекта на основе знаний и опыта человеческого коллектива. По терминологии М.В. Пименовой, донорская зона – это та основа, признаки, свойства и значимые характеристики которой переносятся на другую, реципиентную зону [Пименова, 2017, с. 280].

К способам извлечения информации кода культуры относится поиск внутренней формы слова, мотива номинации, поиск квалификатора кода культуры, то есть семантического компонента, выраженного материально или имплицитно, содержащего информацию о донорской зоне кода культуры.

Тематическая группа «Выпечка» представлена лексикой, извлеченной из картотеки русских говоров Приенисейской Сибири и Словаря русских говоров центральных районов Красноярского края, сгруппированной в лексико-семантические группы (ЛСГ), мотивированные глагольной, предметной и признаковой лексикой, связанной с процессом приготовления выпечки.

ЛСГ, мотивированная глаголом *печь*

ПЕЧЕНЮШКА, *-и, ж.* Сдобная булка. – *Поставила квашню, завтра буду печенюшки стряпать; К чаю были печенюшки; Два подочка выкатала печенюшек.* – Распространено повсеместно в центральных районах Красноярского края.

Глагол *печь* – грамматический омоним существительному *печь*. Название образовано от отглагольного имени существительного *печенье* (*печенье*) → *печеный* → *печенЮШКа* путем присоединения уменьшительного суффикса –*ЮШК-*

ПЕРЕПЕЧКА, *-и, ж.* Пресная или кислая лепешка, испеченная в русской печи (**ПЕРЕПИЧКА**). – *Перепечки получались пышные и вкусные, ажно маленький Гришутка уплетал их за обе щеки. Илан. Ох, и вкусные были перепечки!* Дзер.

Название образовано приставочно-суффиксальным способом от глагола *печь*: **ПЕРЕпечКа**, где приставка, возможно, имела значение «испеченное после основного хлеба» (по аналогии: **ПЕРЕменКа**).

ПРИПЕКАНИК, *-и, м.* Лепешка из дрожжевого теста, покрытая слоем тертого картофеля и запеченная в русской печи. – *Лепешка с этой же муки с хлебной пекется в печке, понашему, лапун называли. Наверх накладали картошки вот*

таким слоем, прихлопываем. Запек в русской печке до розовой корочки – вот и припеканик. Овс. – В приставочно-суффиксальном названии отражен компонент значения «начинка, дополнение»: ПРИ-пек-А-НИК (например, блины с припеком).

ЛСГ, мотивированная глаголом *стряпать*

СТРЯПАНИНА, *собр.*, *ж.* Домашнее выпечное изделие (булка, печенье и т.п.). – *Всяку стряпанину принесет с морозу: глаза разбегаются – шаньги, розанцы, пироги, пряники. Оох! Аб. – Раньше летом-то большие на стряпанине сидели в праздники. Бер. – К празднику надо стряпаться, какой праздник без стряпанины. Ем., Бер.*

СТРЯПУШКИ, ПОСТРЯПУШКИ, *мн.* то же, что СТРЯПАНИНА.

Присущая говорам вариативность представлена суффиксальными образованиями от глаголов *стряпать* → *постряпать*. Существительное *стряпанИНА* с суффиксом собирательности, *стряпУШКИ*, *ПОстряпУШКИ* – выражают значение множества формой множественного числа.

ЛСГ, мотивированная украинизмом *ПАЛИТЬ* (печь, жечь)

ПАЛЕНИЦА, *-ы*, *ж.* Род сдобной булки. – *Раньше ўкусные поленицы стряпали. Пар. Фонетический вариант, отражающий оканье – ПОЛИНИЦА, -ы, ж. Пасхальный пирог. – Ох, и удачные полиницы получились. Тюх. – Раньше вкусные полиницы стряпали. Пар.*

ЛСГ, мотивированная глаголом *ВЕРТЕТЬ*

ВЕРТУНКИ, *мн.* Изделие из теста, хворост. – *Пресное тесто нарезают клинышками, в середине делают концом ножа дырку, в нее вывертывают тесто, жарят на масле. Это вертунки. Рб.*

Название отражает способ приготовления изделий от глагола *вертеть* с суффиксом *вертУНКИ*.

ЛСГ, мотивированная глаголом *ПРЯЖИТЬ(СЯ)* -жарить(ся)

ПРЯЖЕНИК *и, м.* Пирог, обжаренный в масле – *пряжениК*. То же, что приставочно-суффиксальный вариант – *ПОПРЫЖЕНИК и, м. Изжарили в масле попрыженики. Кч. – ПОпрыжЕНИК* – приставочно-суффиксальное образование, суффиксальный вариант – *пряженик*.

ПРЯЖИТЬСЯ, *несов.* Жариться в масле (СРНГ, т. 33, с. 82). В говорах распространены названия блюд от глагола *пряжить* – *ПРЯЖЕНИНА, ж.* – *Жаркое. Енис. (СРНГ, т. 33, с. 81).*

ЛСГ, мотивированная существительным *СОК*

СОЧЕНЬ, -и, м. 1. Корж с творогом. – *А на праздники мы сочни пекли. Распространено повсеместно. 2. Тонкая лепешка из пресного теста. – Чтобы сделать домашнюю лапу, надо раскатать тонкий сочень. Ем.; Сочень нарезают*

полосками на лопшу или выдавливают формой (чашкой, рюмкой) кругляшки для шанежек (ватрушек) или пельменей. Абан; Ну его делали – сочень – из теста для пельменей. Сух. 3. Жареная или печеная лепешка из кислого теста.

Фонетический вариант СОЧИН – *Я сегоднястряпала сочни*. Тс. – Лепешка из толченого картофеля и муки. *Я седни сочнойнастряпала*. Аб. *Мать, бывало, как напечет нам этих сочинов, – за уши не оторвешь*. Тс.

В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера отмечается: сочень образовано от сокъ (Фасмер, т. 3, с. 730), сок также: «заболонь дерева» (Фасмер, т. 3, с. 708). Слово сок общеславянское, в польском, верхнелужицком сок – «чечевица» (Там же).

В СРНГ находим слово сочало в значении: «приспособление в виде заостренной лопатки для сдирания коры с деревьев»: *Снимем (бересту) сочалом, зелиночка, или сочало, подколачивают, оттягают бересту и снимают* (Южн. Краснояр.). Судя по всему, сочалом называется тонкий, сочный, слой под верхним слоем коры, отсюда – сочень (СРНГ, т. 40).

Из данных сведений следует, что квалификатором кода, внутренней формой слова является слово сок «слой, находящийся под корой дерева, по которому движется древесный сок», из этого следует, что донорской зоной является растительный код.

ЛСГ, мотивированная существительным МУКА'

МУСНИК, -и, м. Пирог из ржаного теста (в названии отражено соканье).

– *Делают тесто ржаное, заципают кругленько и гороху в муку нахлопют. Это мусники*. Бм.

Фонетический вариант МУЧНИК, -и, м. То же, что МУСНИК. – *Матьстряпала мучник, да выходил он душистый*. Рб.

Фонетический вариант, отражающий шоканье:

МУШНИК, -и, м. Пирог из муки яровых культур. – *Возьмите на дорогу один мушник*. Ач.

Мука – молотое зерно.

ЛСГ, мотивированная названием конечного продукта

КВАСНИК, -и, м. Ржаная лепешка, используемая для приготовления кваса, пива. Ср.: КВАСЦЫ. – *А вот вы любите коврижки? А квасник наш был вкуснее*. Брз. *Кладу квасник в квас, и на солнышко: до вечера готово*. Бм. *Квасники это булки такие, их выпекали несколько раз, потом замачиваешь, они кисли, и из этой жидкости сусло делали*. Ем. *Квасники – лепешки из ржаной муки. Заваривают с сахаром и мукой, делают лепешки, складывают в кастрюлю с водой, ставят в печь. Вытаскивают, лепешки ломают и опять ставят в печь. Запекают несколько раз в печке, получается красная корочка*. Сх., Дзер., Тс.

КВАСЦЫ, мн. То же, что КВАСНИК. – *Стряпали квасники из ржаной муки. Из них варили пиво и квас делали. Квасцы – сухари из ржаной муки на квас*. Нз., Абан.

ЛСГ, мотивированная видом муки

КОВРИГА, -и, ж. Ржаной каравай. – *Коврига – эта аржаная булка. Абан. Ковриги стряпали, булки. Ковриги ржаные были, а булки пшеничные. Кч., Ир., Мн., Уж.*

В русских говорах слово употребляется в нескольких значениях:

2. Коврига, и, ж. 1. Островок на реке. *На ковриге высадились.* Сл.-Турин.Свердл. 2. Сопка, напоминающая по форме булку. Жигал.Иркут., 3. Коврига, и, ж. В названиях растений семейства бобовых, К о в р и г а красная; клевер луговой. Смол., К о в р и г а белая; клевер горный. Смол. (СРНГ, т. 14, с. 33).

Возможно, все эти слова объединяет представление о форме, круглой или овальной. Об этом можно судить по значению синонимичного слова –каравай.

КАРАВАЙ и КОРОВАЙ, -я. Буханка (н е обязательно круглая ?) ржаного или пшеничного хлеба. Ему дали целый хлеб (по нашему коровай) Белозер. Новг., Соколовы Калачи и каравай из мелкой муки стряпали, только белый хлеб – это калачи и каравай – и черный хлеб и белыи. Новосибир. (СРНГ, т.13, с. 65).

ЛСГ, мотивированная видом теста

Тесто могло содержать различные добавки, было сладким, сдобным, кислым, пресным.

Тесто на солоде

СОЛОДУХА, ед., ж. 1.Тесто, приготовленное на солоде. – *Тесто солодкое, кислое очень. Это и есть солодуха.* Ирб. 2. Кушанье из ржаных зерен, которые предварительно проращивают, а затем запаривают с сухой смородиной и запекают в русской печи. *Чтобы мы работать матери не мешали, она говорила: «Идите, у тетки солодуха есть». Мы и бежали.* Тс., Сух. *В войну солодуху тильки и ели.* Бм.

Сдобное тесто

СДОБНА, ед., ж.; собир. 1. Сдобная булка. *На праздник сдобну пекли.* Ем. *Сдобну и по праздникам и так пекем. У нас все сдобну любят.* Бер. СДОБЬЕ, -ья, с.; собир. То же, что СДОБНА. – *А стряпали че? Разные шанежки, сдобья.* Ир.

Тесто могло быть сдобрено молоком, яйцами, маслом, сахаром.

Из кислого теста

Как правило, кислое тесто замешивали на дрожжах.

ШАНЬГА, -и, ж. Уменьш.-ласк. ШАНЕЖКА – *Кислого теста (когда хлеб пеку) в отдельну посуду сделаю, добавлю маслица, сахарку, а потом из него булочки или лепешки раскатаю. Можно с начинкой разной, а то просто смажешь шанежки сметаной (сметаной с мукой).* Абан. *Да таки шанежки сварганила: намастырилась.* Бер. и повсеместно в центральных районах Красноярского края.

ШАНИК, -и, м. Изделие из дрожжевого теста круглой формы, смазанное сметаной, с начинкой или без нее. То же, что ШАНЬГА. – *Принеси муку на шаники. И сметану из погреба достань.* Ем.

Шаньга, шаник – словообразовательные варианты. Этимология неясна.

Из пресного теста

ПРЕСНАК, -и, м. Лепешка из пресного теста. Уменьшительное – ПРЕСНУШКА – *Не хватило хлеба на завтрак, так преснаки пекли. Нж. Помажь преснаки лоем (нутряное сало. Ред.), вкусней будут. Нж.*

В названиях видов теста реализован антропоморфный вкусовой код.

Таким образом, экспликация гастрономического кода в говорах Приенисейской Сибири данной тематической группы выражена в лексике семантического поля «Выпечка» и дает представление о культуре приготовления выпечки из злаковых культур: рожь, пшеница; о способах приготовления теста: кислое, пресное, сдобное, солодуха (из пророщенных зерен ржи).

Выявлены донорские зоны номинации выпечки: деятельностьный (печь, стряпать), растительный (мука из зерна ржи, пшеницы, сок), антропоморфный вкусовой (солодкий, сдобный, кислый, пресный).

Библиографический список

1. Капелюшник Е.В. Кулинарный код культуры в семантике образных средств языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2012. 22 с.
2. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. 704 с.
3. Пименова М.В. Коды культуры: метаязык описания // Термінологічний вісник 2017. Вип. 4. С. 274–281.

Список сокращений

Абан. – Абанский район

Бер. – Березовский район

Дзер. – Дзержинский район

Ем. – Емельяновский район

Илан. – Иланский район

Ир. – Ирбейский район

Нж. – Нижнеингашский район

Овс. – Овсянка

Пар. – Партизанский район

Сух. – Сухобузимский район

Тс. – Тасеевский район

Тюх. – Тюхтетский район

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КАРТИНА МИРА В.П. Астафьева В ПОВЕСТИ «ОДА РУССКОМУ ОГОРОДУ» В АСПЕКТЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ПЕРСОНОЛОГИИ

THE ARTISTIC WORLD PICTURE BY V.P. Astafiev
IN “ODE TO THE RUSSIAN GARDEN”
IN THE ASPECT OF SEMANTIC PERSONOLOGY

В.С. Еркина

V.S. Erkina

Научный руководитель И.В. Башкова
Scientific adviser I.V. Bashkova

Ключевые слова: В.П. Астафьев, языковая картина мира, художественная картина мира, персонология, образ человека, индивидуально-авторская картина мира.

Аннотация. В целях определения индивидуально-авторской картины мира В.П. Астафьева в повести «Ода русскому огороду» был проанализирован лексический класс названий лиц и лексика, характеризующая человека. С помощью описания лексических единиц в прямом и переносном значениях, объединения их в семантические микрополя автор приходит к выводу, что образ человека занимает центральное положение в повести и картине мира писателя. Образ человека представлен детально и подробно, оценивается по разным параметрам: интеллектуальное, физическое состояние, здоровье, внешность, национальность, территория проживания.

Keywords: V.P. Astafyev, linguistic world picture, artistic world picture, personology, image of a person, individual-author's world picture.

Abstract. In order to determine the individual author's picture of the world by V.P. Astafiev, in “Ode to the Russian Garden” the lexical class of names of persons and the vocabulary characterizing a person were analyzed. By describing lexical units in direct and figurative meanings, combining them into semantic microfields, the author comes to the conclusion that the image of a person occupies a central position in the novel and the picture of the writer's world. The image of a person is presented in detail, evaluated according to various parameters: intellectual, physical condition, health, appearance, nationality, territory of residence.

В современной лингвистике все больше внимания уделяется изучению образа человека. Н.Д. Арутюнова отмечает: «Почти в каждом слове можно обнаружить следы человека. Язык насквозь антропоцентричен. Присутствие человека дает о себе знать на всем пространстве языка» [Арутюнова, 1999, с.3]. Этим и объясняется большой интерес лингвистов к изучению лексики, описывающей человека.

И.В. Башкова в монографии «Русская семантическая персонология: теоретико-методологические основания» отмечает важность анализа данной лексики в художественном тексте. Благодаря ему можно определить индивидуально-авторскую языковую картину мира, поскольку «сообщая о каком-либо лице, говорящий, с одной стороны, должен его идентифицировать, индивидуализировать, с другой стороны, выразить свое отношение к нему» [Башкова, 2018, с. 126].

Облако слов, созданное по повести «Ода русскому огороду» В.П. Астафьева, показало, что главенствующая роль отведена человеку. Самое частотное слово в тексте – мальчик (всего 142 употребления), который находится в центре рассказа и является субъектом восприятия окружающего мира.

Для анализа лексико-семантического поля «Человек» в повести методом сплошной выборки было отобрано и проанализировано 210 лексических единиц: существительные, прилагательные и причастия, характеризующие человека.

Существительные были классифицированы на основе «Русского семантического словаря» под общей редакцией Н.Ю. Шведовой и разделены на 11 микрополей, которые наглядно демонстрируют основные статусы человека и степень их значимости в индивидуально-авторской картине мира [Русский..., 1998–2014].

Распределение лексических единиц по микрополям

Название микрополя	Кол-во лексических единиц
Общие обозначения человека	4
По физическому, физиологическому, психическому состоянию, свойству, действию	30
Названия собственно оценки	4
По личным, общественным связям	29
В сфере религии	3
По врожденному или приобретенному интеллектуальному или интеллектуально-эмоционально-физическому свойству, качеству	19
По внешним физическим свойствам	1
По отношению к расе, национальности, а также к территории, к месту жительства, по местонахождению	9
По профессии, специальности, роду занятий, характеру деятельности и связанным с ними действиями, функциями, отношениями	22
По сословному положению, по титулованию; по экономическому, правовому состоянию, по положению личного господства или зависимости, по обладанию собственностью	7
По характерному или разовому действию, поступку, функции	4

Самыми обширными микрополями в классификации существительных являются:

- 1) характеристика по физическому, физиологическому, психическому состоянию, свойству, действию (24 %): баба, дитя, женщина, больной, страдалец и т.д.;
- 2) по личным, общественным связям (20 %): бабушка, внук, дедушка, мама и т.д.;
- 3) по профессии, специальности, роду занятий, характеру деятельности и связанным с ними действиями, функциями, отношениями (17 %): доктор, ягольник, косец и т.д.

Таким образом, для автора первостепенны межличностные связи: родственные и дружеские, а также профессиональная деятельность человека.

Обширность лексики из первого микрополя вызвана акцентированием автора на внешней характеристике людей. Писатель в первую очередь обращает внимание на возраст, пол и физическое состояние человека, поэтому в тексте более 60 случаев употребления лексики из лексико-семантического поля «Части тела»: усы, чрево, сосцы и т.п.

Прилагательные и причастия, характеризующие человека, были разделены на три группы:

- 1) характеристика по внешним качествам (29 лексических единиц);
- 2) характеристика по внутренним качествам (31 лексическая единица);
- 3) иные характеристики (14 лексических единиц).

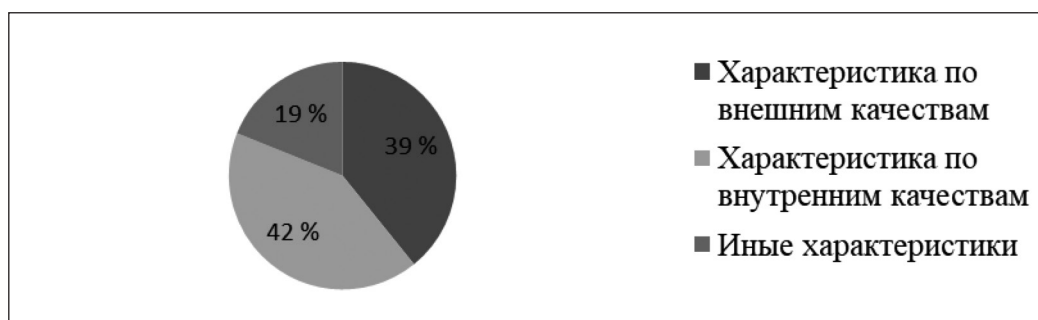

Рис. 1. Распределение прилагательных и причастий по микрополям

Самым частотным микрополем является характеристика по внутренним качествам. Оно составляет 42 % от всего количества рассматриваемых прилагательных и причастий.

Прилагательные и причастия, используемые для описания внешности человека, составляют 39 % от всего количества лексических единиц этих частей речи. Изучение лексики, относящейся к физическим свойствам человека, показывает, что языковая картина мира включает любые отклонения от обычного внешнего вида человека: худоба/полнота, веселый/сердитый, глупый/умный.

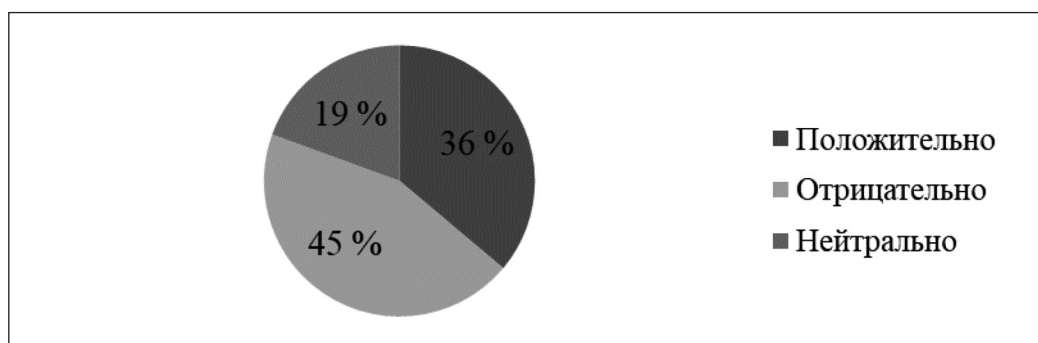

Рис. 2. Общая оценка прилагательных и причастий лексико-семантического поля «Человек»

В ходе семантического анализа было установлено, что большая часть микрополей в составе лексико-семантического поля «Человек» образует бинарные оппозиции с преобладанием лексических множеств, содержащих отрицательную оценку. З.И. Резанова отмечает, что преобладание негативной характеристики

человека свойственно картине мира людей, так как «чаще всего оценочные парадигмы организованы асимметрично с отклонением в сторону отрицательной оценки, с широким спектром эмоциональных реакций» [Цит. по: Грибовская, 2019, с. 293]. В отрицательной характеристике человека скрыто присутствует образ идеального человека: оценка со знаком минус отражает стремление видеть человека, лишённого этих недостатков.

Соотношение негативной и позитивной оценки у микрополей отличается: микрополе «Характеристика по внутренним качествам» имеет больше лексических единиц с положительной оценкой, а микрополе «Характеристика по внешним качествам», наоборот, имеет больше лексических единиц с отрицательной коннотацией. Это подчеркивает, что для В.П. Астафьева в первую очередь важны моральные и интеллектуальные характеристики человека. Именно в них он видит красоту русского народа.

Таким образом, В.П. Астафьев с помощью рассматриваемой нами лексики показывает свое отношение к человеку, его труду, а также выражает сопереживание и благодарность русскому народу. В произведении представлен детальный и подробный образ человека, несмотря на отсутствие имен собственных. Человек оценивается по разным параметрам: интеллектуальному, физическому состоянию, здоровью, внешности, национальности, территории проживания.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д., Левонтина И.Б. Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М.: Индрик, 1999, 422 с.
2. Астафьев В.П. Малое собрание сочинений. СПб.: АЗБУКА, 2021, 672 с.
3. Башкова И.В. Теоретические основания русской семантической персонологии: объект и метод: дис. ... д-ра. филол. наук: 10.02.01. Красноярск, 2018. 494 с.
4. Грибовская Н.Ю. Отражение характеристик человека в лексике тверских говоров // Лексический атлас русских народных говоров: материалы и исследования. 2019. №. 19. С. 287–297.
5. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 1998–2014.

ПРИМЕТЫ И СУЕВЕРИЯ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

THE OMENS AND SUPERSTITIONS IN THE LINGUACULTURAL ASPECT

А.М. Османова

A.M. Osmanova

Научный руководитель О.А. Гришина
Scientific adviser O.A. Grishina

Ключевые слова: лингвокультурология, приметы, суеверия, верование, метеорология.

Аннотация. В статье рассматриваются приметы и суеверия как важные составляющие народной культуры. Актуальными для современной лингвистики являются вопросы, касающиеся взаимодействия языка, культуры, восприятия мира и ментальности народа. К одной из таких проблем можно отнести описания языковой картины мира через анализ ресурсов лексической системы языка. Анализ проводится на материале русского и азербайджанского языков.

Keywords: omens, superstitions, linguoculturology, belief, meteorology.

Abstract. The article considers omens and superstitions as important components of folk culture. Issues concerning the interaction of language, culture, world perception and mentality of the people are topical for modern linguistics. One of such problems is the description of the linguistic picture of the world through the analysis of the resources of the lexical system of the language. The analysis is carried out on the material of Russian and Azerbaijani languages.

Язык служит выражением того, как люди воспринимают окружающую действительность и отражает их менталитет. Суеверия и приметы составляют значимую часть народной культуры. Основная задача нашего исследования заключается в анализе роли этих верований как культурно обусловливаемой лексической универсалии, способствующей формированию уникальной языковой картины мира определенного народа.

В данной работе в качестве исследуемого материала используются народные традиции и магические верования. Как подчеркивает лингвист Чжу Цзинтао, одной из важных составляющих сознания человека, которую ученые пытаются реконструировать, является способность прогнозировать будущее и выражать его при помощи языковых знаков, мотивированных народными приметами, суевериями, предсказаниями, предчувствиями [Чжу Цзинтао, 2016, с. 154].

Лингвокультурология – наука, возникшая на стыке лингвистики и культурологии, исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке. С точки зрения лингвокультурологии язык является продуктом культуры и результатом деятельности человека, с помощью которого определенный народ выражает свое особое видение мира и свою национальную ментальность [Хроленко, 2016, с. 184].

Приметы – это народные верования, связанные с определенными событиями, явлениями природы или действиями человека, которые, как считается, предвещают что-то хорошее или плохое. В Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой объясняется, как «явление, случай, которые в народе считаются предвестием чего-н.»: «Есть примета: просыпанная соль – к ссоре» [Толковый словарь, 1992, с. 594]. Важно отметить, что приметы не имеют научного обоснования и являются суевериями. Однако они могут иметь культурное значение и отражать определенные представления о мире. Приметы являются интересным аспектом народной культуры и могут служить напоминанием о том, как люди воспринимают мир и пытаются предсказать будущее.

Характеристики примет

1. Традиционные: приметы передаются из поколения в поколение и являются частью народной культуры.
2. Эмпирические: они основаны на наблюдениях и опыте, накопленном людьми в течение многих лет.
3. Суеверные: приметы часто связаны с верой в сверхъестественное или мистическое.
4. Символические: они часто имеют символическое значение, которое отражает культурные ценности и представления.
5. Контекстуальные: значение приметы может меняться в зависимости от контекста и культуры [Козина, 2009, с. 262–264].

Примеры примет

1. *Черная кошка перебежала дорогу – к несчастью.*
2. *Разбитое зеркало – к семи годам несчастья.*

Суеверия – это иррациональные убеждения, которые связывают определенные события или действия с сверхъестественными силами или случайностью. В толковом словаре русского языка под редакцией С.Л. Кузнецова представлено следующее определение термина «суеверие» – это «предрассудок, основанный на вере во что-л. сверхъестественное». [Большой..., 1998, с. 809]. Важно отметить, что суеверия – это часть культуры и традиций многих народов. Также могут приносить утешение и чувство контроля в непредсказуемых ситуациях.

Основные характеристики суеверий

1. Отсутствие научного обоснования: суеверия основаны на личном опыте и традициях, а не на фактах или логике.
2. Вера в сверхъестественное: суеверия предполагают существование невидимых сил, которые могут влиять на реальность.
3. Страх и неуверенность: суеверия часто связаны со страхом перед неизвестным и желанием контролировать случайные события.
4. Ритуалы и приметы: суеверия часто сопровождаются специфическими действиями или приметами, которые должны отвести неудачу или привлечь успех [Саенко, 2008, с. 201].

Примеры суеверий

1. *Число 13 приносит неудачу.* Суеверные люди боятся и избегают этого числа, считая его несчастливым.

2. *Чтобы не «сглазить», надо постучать по дереву.* Раньше люди верили в то, что деревянные предметы сохраняют связь с духами и силами природы. Данное суеверие также есть в азербайджанском языке *Pis gözdən qaçmaq üçün taxta döymək lazımdır.*

Следует отличать суеверия от реального мира и не позволять им ограничивать свои действия. В Оксфордском словаре слова «примета» и «суеверие» дословно означают: суеверие – это вера в нечто сверхъестественное. Примета – событие, которое является предвестником добра и зла. Следовательно, основное отличие в том, что приметы отражают реальность, на которую человек повлиять не может, а суеверия позволяют ему манипулировать реальностью. В древности предки ежедневно пользовались множеством подобных «подсказок». «Приметам-суевериям большинство людей не верят, а приметам, имеющим научное обоснование, – верят». Однако существует множество примет, которые научно не обоснованы, но установлены эмпирически при длительных наблюдениях. [Козина, 2009, с. 262–264].

В данной статье прослеживается отражение картины мира в народных русских и азербайджанских приметах, связанных с погодой. В связи с этим мы опросили взрослых, своих родителей, заглянули в просторы интернета и составили таблицу с азербайджанскими и русскими приметами.

Азербайджанские приметы	Русские приметы
Если ласточки летают низко, будет дождь – qaranquşlar aşağı uçsa, yağış yağacaq	Ласточки низко летают – к дождю
Повесить черепаху за ногу, пойдет дождь – tısbağanı ayağından asın, yağış yağacaq	Воробьи купаются в пыли – к дождю
Если закат красный, то днем будет солнечно и тепло – gün batımı çəhrayıdırsa, gün günəşli və isti olacaq	Красный закат – летом к ветреной погоде, зимой – к морозу
Дождь прекратится, если топор положить острием вверх – balta ucu uxağı qoyulsa, yağış dayanar	Лягушки громко квакают – к ясной погоде, тихо – к дождю

Отметим, что метеорологические приметы занимают второе место по частоте употребления. Обратимся более подробно к специфике использования погодных примет в русской и азербайджанской лингвокультурах. В русской культуре такого рода приметы деактуализируются, современные городские жители обращают мало внимания на природные закономерности. Среди носителей азербайджанского языка снижение интереса к наблюдениям за погодными условиями не так очевидно, это связано с тем, что жители сельской местности традиционно испытывают повышенное внимание к природе, поэтому в исторической памяти народа сохранилось немало различных погодных суеверий и примет.

В русском и азербайджанском языках можно обнаружить немало общих элементов в приметах и суевериях. Например: *Если ласточка летает низко – быть дождю*, т.е. когда «пахнет дождем», то высокая влажность, – крылышки у птичек

тяжелеют и тянутся к земле, вслед за кормом снижают высоту полета. Еще одна аналогичная примета гласит: *К хорошей погоде – звездное небо, а дымка обещает дождь*, также перекликается с азербайджанским *Если закат красный, то днем будет солнечно и тепло*. В этих приметах особенно важную роль играют оттенки цветов: серый ассоциируется с холодом и туманом, в то время как красный символизирует тепло и солнечную погоду.

Таким образом, приметы представляют собой важный источник информации для понимания культуры: они могут открыть доступ к этнографическим данным, выявить особенности жизни и мировосприятия людей, говорящих на данном языке, как в прошлом, так и настоящем.

Библиографический список

1. [Электронный ресурс]. – URL: <https://weekend.rambler.ru/read/42304380-10-narodnyh-primet-svyazannyh-s-pogodoy-kotorye-realno-rabotayut/> (дата обращения: 14.10.202).
2. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.azerbaijans.com/content_130_ru.html (дата обращения: 14.10.2024).
3. Большой толковый словарь русского языка С.А. Кузнецова. 1998.
4. Козина О.М. Приметы и суеверия как категория наблюдения-анализа в традиционной русской культуре // Аналитика культурологии. 2009. № 2. С. 262–264.
5. Саенко Ю. В. Психология суеверий. 2008. С. 201.
6. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 1992. С. 594/
7. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии: учебное пособие. М.: Флинта, 2016. С. 184.
8. Чжу Цзинтао/ Лингвосемиозис паремий с семантикой прогноза как народных примет и суеверий // Вестник Киевского национального лингвистического университета. 2016. Т. 19, № 1. С. 154–162.

КОНЦЕПТ «ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА МЛАДШЕГО ШКОЛЬНИКА

THE CONCEPT OF “HUMANITY” IN THE LINGUISTIC WORLD PICTURE OF A JUNIOR SCHOOL STUDENT

П.А. Савельева

P.A. Savelyeva

Научный руководитель Г.С. Спиридонова
Scientific adviser G.S. Spiridonova

Ключевые слова: языковая картина мира, детская языковая картина мира, концепт «человечность», ассоциативный эксперимент, ассоциативное поле, ассоциация, слово-стимул, младший школьник.

Аннотация. Статья посвящена специфике языковой картины мира младшего школьника, выявленной на материале концепта «человечность». В работе рассмотрены результаты ассоциативного эксперимента, проведенного в 3 классе МАОУ СШ № 159 в Красноярске в 2024 году. Сопоставляются детская и взрослая языковые картины мира. Мы выяснили, что концепты «человечность» у детей и взрослых различаются по объему, структуре и характеру оценочности.

Keywords: *linguistic world picture, children's linguistic world picture, the concept of "humanity", associative experiment, associative field, association, stimulus word, junior school student.*

Abstract. The article is devoted to the specifics of the linguistic world picture of a junior school student, revealed on the material of the concept of «humanity». The paper examines the results of an associative experiment conducted in the 3rd grade of MAOU Secondary School № 159 in Krasnoyarsk in 2024. Children's and adults' linguistic world pictures are compared. We found out that the concepts of “humanity” in children and adults differ in volume, structure and the nature of evaluativeness.

Каждая лингвокультура имеет собственную языковую картину мира, в соответствии с которой носитель языка организует содержание высказывания. Именно так проявляется специфическое человеческое восприятие мира, зафиксированное в языке.

Языковая картина мира означает исторически сложившуюся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженную в языке совокупность образов, понятий, стереотипов и символов, представляющую собой знания определенного народа об окружающем мире, которые на уровне сознания хранятся в виде концептов [Гончарова, 2012, с. 400].

В лингвистике понятие «концепт» впервые появилось в 1928 г., когда С.А. Аскольдов использовал его в статье «Концепт и слово». Данный термин ученый трактовал как «ментальное образование, замещающее в процессе мышления некое множество однородных объектов» [Аскольдов, 1928, с. 30].

Под концептом принято понимать содержание словесного знака, обобщенное представление о каком-либо элементе окружающей действительности, включающее понятие, эмоции, поведенческие культурные стереотипы, накопленный опыт.

Любой концепт имеет структуру. З.Д. Попова, И.А. Стернин выделяют такие его компоненты, как чувственный образ (наглядный образ, возникающий в сознании индивида), информационное содержание (когнитивные признаки, определяющие основные, наиболее важные отличительные черты концептуализируемого предмета или явления) и интерпретационное поле (когнитивные признаки, которые интерпретируют основное информационное содержание концепта, представляя собой некоторое выводное знание, либо его оценку) [Попова, Стернин, 2007, с. 24].

Именно из концептов и складывается языковая картина мира. Безусловно, образ мира, запечатленный в языке детей, отличается от картины мира взрослого. Чтобы в этом убедиться, мы провели свободный ассоциативный эксперимент.

Мы решили остановиться на исследовании концепта «человечность» в языковой картине младшего школьника. Наш выбор объясняется тем, что в обновленном ФГОС НОО (п. 41.1.2.) среди направлений воспитательной работы с обучающимися особое внимание уделяется духовно-нравственному, которое затрагивает вопросы формирования нравственных понятий и этического сознания. Формирование концепта «человечность» здесь выступает в качестве одного из аспектов духовно-нравственного воспитания младших школьников.

Цель эксперимента – описание концепта «человечность» в языковой картине мира современного младшего школьника в сравнении с тем же концептом в языковой картине мира взрослого. Нами был проведен направленный ассоциативный эксперимент в 3-м классе средней школы № 159 города Красноярска. В роли испытуемых выступили 54 человека: 27 детей в возрасте 9–10 лет (из них 14 мальчиков, 13 девочек) и 27 взрослых в возрасте от 35 до 40 лет (из них 20 женщин и 7 мужчин). Все они – носители русского языка.

Эксперимент проходил по следующей схеме: участников просили устно дать неограниченное количество ассоциаций на слово-стимул «человечность» в неограниченное время. Главное условие – называть то, что приходит в голову, не раздумывая. Максимальное время ответа составило 1 минуту 47 секунд, минимальное – 28 секунд. Всего было получено 129 ассоциативных реакций (62 детских, 67 взрослых) из них 57 разных. Формальная структура ассоциативного поля «человечность» в нашем эксперименте представлена 40 существительными, 4 прилагательными, 1 местоимением, 11 словосочетаниями и 1 предложением. По общим семантическим признакам реакции младших школьников, полученные в результате эксперимента, делятся на группы следующим образом.

1. *Реакции, обозначающие чувства, эмоции, – (26) 41,93 % (милосердие, сострадание, уважение, сочувствие, доброта, отзывчивость и др.).*

2. *Реакции, включающие в себя слова «человек», «люди», – (16) 25,81 % (человек, люди, компания людей, хороший человек и др.).*

3. *Реакции, обозначающие действия и качества, направленные на других – (8) 12,90 % (помощь людям, любовь к животным, забота, взаимопонимание, этикет и др.).*

4. Реакции, обозначающие качества и признаки человека, – (6) 9,68 % (трудолюбивый, умный, хороший и др.).

5. Реакции, обозначающие окружение человека, – (4) 6,45 % (окружение, мир)

6. Прочие реакции – (2) 3,23 % (душа, теплота).

Как мы видим, на первом месте по частоте оказываются реакции, обозначающие чувства и эмоции, которые проявляет человек, а на втором – реакции, включающие в себя слова «человек», «люди».

Мы сравнили реакции младших школьников с реакциями взрослых людей, которые также приняли участие в свободном ассоциативном эксперименте. По общим семантическим признакам реакции взрослых делятся на группы следующим образом.

1. Реакции, обозначающие чувства, эмоции, – (49) 73,13 % (доброта, отзывчивость, любовь, справедливость, уважение и др.).

2. Реакции, обозначающие действия и отношения, направленные на других, – (10) 14,93 % (помощь в трудную минуту, отношение к окружающему миру, взаимопомощь и др.).

3. Реакции, обозначающие качества и признаки человека, – (6) 8,96 % (эмоциональность, характер, спокойствие и др.).

4. Прочие реакции – (2) 2,98 % (вечность, сущность человека).

Вполне естественно, что у взрослых ассоциативное поле «человечность» оказывается более сложным. Взрослые употребляют больше словосочетаний, прецедентных выражений, строят целые предложения.

Выяснилось, что у взрослых, как и у детей, на первом месте по частоте оказываются реакции, обозначающие чувства и эмоции, которые проявляет человек. Но по сравнению с младшими школьниками данная группа реакций практически вдвое больше (49 реакций у взрослых, 26 у детей). На втором месте находятся реакции, обозначающие действия и отношение, направленные на других. У ребят младшего школьного возраста данная группа реакций стоит на третьем месте. На втором у них расположились реакции, включающие в себя слова «человек», «люди». Однако данная группа реакций не встречается у взрослых вообще. Также следует отметить, что у взрослых, в отличие от детей, нет группы реакций, обозначающей окружение человека.

Наиболее частыми реакциями на слово-стимул «человечность» у младших школьников являются: доброта, человек, люди, отзывчивость, мир (табл.). Встречаются реакции из выявленных нами трех основных групп, обозначающих чувства и эмоции, которые проявляет человек; включающие в себя слова «человек», «люди», реакции, обозначающие окружение человека. У взрослых на первом месте по частоте употребления также стоит реакция «доброта». Отзывчивость – на втором, тогда как у детей она на четвертом месте. Третью строчку занимает понимание, далее – помощь в трудную минуту и взаимопомощь. У взрослых наиболее частотными являются реакции, обозначающие чувства и эмоции, которые проявляет человек, а также действия и отношения, направленные на других, выражающиеся в первую очередь в помощи и взаимопомощи.

Наиболее частотные реакции на слово-стимул «человечность» (первые 5 позиций)

№	Реакции младших школьников	Реакции взрослых
1	доброта	доброта
2	человек	отзывчивость
3	люди	понимание
4	отзывчивость	помощь в трудную минуту
5	мир	взаимопомощь

Можно сделать вывод, что концепт «человечность» в языковой картине мира младшего школьника строится в основном на тех же представлениях, что и у взрослого человека. В основном эти представления совпадают в том, что человечность проявляется прежде всего в доброте и отзывчивости.

Однако детский и взрослый концепты «человечность» имеют также различия по своему объему, структуре и характеру оценочности. В ядерной части концепта младшего школьника оказываются такие ассоциации, которые не встречаются у взрослого даже на периферии. Скорее всего, это связано с тем, что дети идут по пути наименьшего сопротивления – называют однокоренные слова. Небогатый словарный запас не позволяет подобрать ассоциации более глубокие, осознанные.

Ядерные ассоциации взрослых у детей становятся периферийными. Это объясняется, по-видимому, принципиальной разницей позиции ребенка и взрослого в мире: дети получают помощь от взрослых в силу возраста и несамостоятельности, поэтому не нуждаются в ней дополнительно, тогда как взрослый человек должен позаботиться о себе сам, он не получает помощи со стороны по умолчанию.

Библиографический список

1. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская речь. 1928. С. 28–44.
2. Гончарова Н.Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания // Известия Тульского государственного университета. 2012. № 2. С. 396–405.
3. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 226 с.

СИМВОЛИКА ЖИВОТНЫХ В КОРЕЙСКИХ И РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ: АНАЛОГИИ И РАЗЛИЧИЯ

ANIMAL SYMBOLISM IN KOREAN AND RUSSIAN PHRASEOLOGICAL UNITS: ANALOGIES AND DIFFERENCES

Е.С. Сазончик

E.S. Sazonchik

Научный руководитель О.А. Гришина
Scientific adviser O.A. Grishina

Ключевые слова: фразеологизмы, пословицы, поговорки, зоонимы, культурные контексты, корейская культура, русская культура.

Аннотация. В статье рассматривается значение зоонимов, в частности фразеологизмов со словом «собака», в русской и корейской культурах. Автор подчеркивает, что фразеологизмы-зоонимы отражают культурные и исторические контексты, а также менталитет народа. Сравниваются положительные и негативные характеристики собаки в обеих культурах, основанные на фразеологических единицах. Статья отмечает, как языковые изменения повлияли на восприятие слова «собака» в корейском языке. Исследование показывает, что одно и то же животное может олицетворять как положительные, так и негативные качества в разных культурных контекстах, подчеркивая влияние культурных установок на восприятие животных.

Keywords: *phraseological units, proverbs, sayings, zoonyms, cultural contexts, Korean culture, Russian culture.*

Abstract. The article examines the significance of zoonyms, particularly phraseological units involving dogs, in Russian and Korean cultures. The author emphasizes that phraseological zoonyms reflect cultural and historical contexts, as well as the mentality of the people. Positive and negative characteristics of dogs in both cultures are compared based on phraseological expressions. The article notes how linguistic changes have affected the perception of the word “dog” in the Korean language. The study shows that the same animal can embody both positive and negative qualities in different cultural contexts, highlighting the influence of cultural attitudes on the perception of animals.

В любом языке фразеологизмы занимают особое место, так как отражают культурные и исторические контексты, в которых язык существует. Одной из наиболее интересных тем для исследования являются зоонимы, поскольку они представляют собой одну из самых больших тематических групп и наполнены глубокими символическими значениями, помогающими понять менталитет народа.

Фразеологизмы-зоонимы занимают особое место во фразеологическом фонде практически всех языков, так как человек и животное взаимодействуют уже долгое время. Ш. Балли отмечает, что «человек всегда стремится одухотворить то, что его окружает. Он не может представить себе, что природа мертва

и бездушна; его воображение постоянно наделяет жизнью неодушевленные предметы, но это еще не все: человек постоянно приписывает всем предметам внешнего мира черты и стремления, свойственные его личности» [Балли, 1977, с. 87]. Похожую позицию заняли авторы лингвокультурологического словаря «Русское культурное пространство». Составители словаря отмечают, что людям характерно сравнение качеств человека и животного [Брилева, Вольская, Гудков, 2004].

В данной работе мы используем широкое определение термина «фразеологическая единица», предложенное Н.М. Шанским. К объекту изучения фразеологии российский лингвист относит все устойчивые сочетания слов, включая единицы, эквивалентные слову, и единицы, в семантическом и структурном отношении соответствующие предложению [Шанский, 1996]. Таким образом, мы также рассматриваем пословицы и поговорки в качестве фразеологических единиц.

Фразеологические единицы, особенно зоонимы, играют важную роль в языке, поскольку они не только передают бытовые реалии, но и глубоко укоренены в культурных установках и мировоззрении народа. Изучение фразеологизмов с компонентом-зоонимом позволяет лучше понять, как различные народы воспринимают животных и какие качества приписывают им на уровне языка. В этом контексте особое внимание заслуживает образ собаки, который в славянской и корейской культурах играет символически значимую роль. Несмотря на культурные различия, оба народа связывает древняя дружба с этим животным, воспринимаемым как верный спутник и преданный друг.

В корейской культуре собака не только представляется животным с положительными характеристиками, считается, что через собак происходит реинкарнация предков. Тесную связь корейского народа с этим животным можно подтвердить данными и толкового словаря корейского языка *고려대 한국어대 사전*, в котором представлено 225 фразеологических единиц с зоонимом «собака». Другой толковый словарь корейского языка, *표준국어대사전*, включает в себя 106 единиц. Однако из 331 выражения, только часть из них передают четкую положительную характеристику, направленную на других. К таким единицам можно отнести выражение «개새끼도 주인을 보면 꼬리를 친다», которое можно дословно перевести как «даже щенок, увидев своего хозяина, начинает вилять хвостом». Другой фразеологизм, «옆집 개가 짖어서 도적 면했다», который можно перевести как «даже собака знает своего хозяина», имеет тот же смысл – даже животные помнят о доброте и способны понимать, кто о них заботится.

В русской культуре, несмотря на то, что собака не играет ключевую роль, она также считается проводником и спутником. В толковом словаре русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова, слово «собака» имеет следующее определение: «четвероногое прирученное или домашнее животное, издающее характерные звуки и служащее человеку в домашнем быту, преимущественно для охраны имущества...» [Ушаков, 2014, с. 165]. Это подчеркивает роль собаки в качестве защитника, что находит отражение в различных устойчивых выражениях и словосочетаниях, связанных с ее охранными функциями. Например,

словосочетание «сторожевая собака» или фразеологизм «собака на сене», который означает охрану чего-то, хоть это и не нужно человеку. Данные выражения показывают, что собака воспринимается не только как друг, но и как защитник, что вносит дополнительные оттенки в понимание символики животного в языке и культуре.

С другой стороны, образ собаки в обеих культурах также воспринимается и как нечто негативное и агрессивное. Например, в корейском языке зооним «собака» часто употребляется с оценочным прилагательным «бешеная», а в русском языке, несмотря на то что подобные словосочетания встречаются редко, сам образ собаки часто предполагает агрессивный настрой и несет негативную оценку.

К подобным выражениям можно отнести русскую поговорку «собака лает – ветер носит, а караван идет», в которой лай собаки символизирует ругань, злословие и упреки. Корейское выражение «미친개는 때려잡아야 한다», которое дословно можно перевести как «сумасшедшую собаку нужно бить», означает, что для устранения проблемного человека лучше всего подойти к делу решительно, и собака здесь символизирует какие-то проблемы и зачастую угрозы.

В русской культуре данный феномен можно связать со славянской мифологией, где собака ассоциируется с нечистыми силами. Аналогично негативное восприятие собаки присутствует и в библейских текстах, где ее считают нечистым животным, а слово «пес» используется для обозначения гонителей и язычников [Кудрявцева, 2015]. Однако в самом русском фольклоре собака играет положительную роль и нередко спасает главным героям жизнь, а в более современной литературе даже может являться одним из ключевых персонажей произведения.

В корейской культуре, напротив, данное слово приобрело положительные оттенки в связи с изменениями в структуре языка. На момент появления корейского языка слово «개», которое сейчас обозначает собаку, имело значение «дикое» и «что-то низкого качества», а само животное обозначали словом «가히» [О Сок Ен, 2024]. С развитием языка, в период среднекорейского на письме слоги слились и образовали «개», в связи с чем животное тоже стало ассоциироваться с тем негативным, что изначально несло это слово [Кондратьева, 2005].

Таким образом, зоонимы, особенно в составе фразеологизмов, открывают глубокое понимание культурных установок и стереотипов, присущих различным народам. Изучение фразеологических единиц со словом «собака» в русском и корейском языках демонстрирует, что даже в разных культурах одно и то же животное может одновременно олицетворять и положительные, и негативные качества, что указывает, как культурные контексты влияют на восприятие животных, придавая им определенные символические значения, а исследование фразеологических единиц обогащает лексикон и углубляет понимание культурного фонда народа.

Библиографический список

1. Балли Ш. Французская стилистика. М.: Наука, 1977. 312 с.
2. Брилева И.С., Вольская Н.П., Гудков Д.Б. Русское культурное пространство: лингвокультурологический словарь. М.: Гнозис, 2004. 315 с.
3. Кондратьева Е.Н. Грамматика предикатива в ранненовокорейском языке: от среднекорейского к новокорейскому. Москва., 2005. 174 с.
4. Кудрявцева Е.В. Фразеологизмы с компонентом-зоонимом собака: лингвокультурологический комментарий // Вестник Костромского государственного университета. 2015. № 2. С. 131–134.
5. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Ушакова Д.Н. М.: ОГИЗ, 2014.
6. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. СПб.: Специальная литература, 1996. 187 с.
7. 오석연. 146. ‘개(犬)’의 의미 (1. 개와 인간): сайт brunch.co.kr [Электронный ресурс]. 2024. Дата обновления: 03.03.2024. URL: <https://brunch.co.kr/@dd05cb7dd85a42c/561> (О Сок Ен. 146. Значение слова «собака» (1. Собака и человек).)
8. 표준국어대사전: сайт stdict.korean.go.kr [Электронный ресурс] Дата обновления: 30.08.2024. URL: <https://stdict.korean.go.kr/main/main.do> (Словарь стандартного корейского языка).

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОБРАЗ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА ПИСАТЕЛЯ: КУЛЬТУРНОЕ И ИНДИВИДУАЛЬНОЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В.П. Астафьева)

PHRASEOLOGICAL IMAGE IN THE LINGUISTIC PICTURE OF THE WRITER'S WORLD: CULTURAL AND INDIVIDUAL (BASED ON THE WORKS OF V.P. Astafiev)

Ю.В. Шароглазова

Yu.V. Sharoglazova

Научный руководитель С.П. Васильева
Scientific adviser S.P. Vasilyeva

Ключевые слова: *фразеологические обороты, язык писателя, авторский стиль, фразеологический образ, языковая картина мира.*

Аннотация. Статья посвящена анализу фразеологических образов, содержащихся в произведениях В.П. Астафьева, и отражению через них языковой картины мира писателя.

Keywords: *phraseological units, writer's language, the author's style, phraseological image, linguistic picture of the world.*

Annotation. The article is devoted to the analysis of phraseological images contained in the works of V.P. Astafiev and the reflection through them of the writer's linguistic picture of the world.

«**П**од фразеологическим образом следует понимать возникший в результате переносно-образной интерпретации компонентов исходной единицы смысл, который закрепляет миропонимание носителей языка» [Хайруллина, 2015, с. 6131].

Ученые сходятся во мнении, что фразеологический образ – это отражение действительности в сознании человека.

«Фразеологический образ национально-специфичен. Он включает целый комплекс взаимосвязанных факторов: образ жизни и характер народа, его историю, духовную жизнь и психологию, национальные традиции и обычаи, этнический быт, темперамент, национальный менталитет» [Волошкина, 2008, с. 57]. Фразеологизмы, содержащие общекультурные образы русского народа, широко представлены в фразеологических словарях. В свою очередь, фразеологизмы, содержащие региональные фразеологические образы, представлены в диалектных словарях.

«Культурно-национальная специфика фразеологизмов чаще всего проявляется в процессе функционирования фразеологического образа» [Филоненко, 2004, с. 11].

В языковой картине мира настоящее и вымышленное, общее и индивидуальное нередко переплетаются, поэтому фразеологизмы, используемые в художественном произведении, отражают не только культуру народа, но и личность автора. Автор, используя фразеологизмы в своих произведениях, не только делает речь ярче, образнее, но и добавляет оттенки значений, уточняя тем самым образ героя или описываемую ситуацию. Такие уточнения чаще проявляются в разных видах трансформации фразеологизмов, следовательно, индивидуальные фразеологические образы не будут представлены в словарях в том виде, в котором они встречаются в текстах В.П. Астафьева.

Все рассматриваемые фразеологизмы произведений В.П. Астафьева отражены в «Словаре фразеологизмов, паремий и иных устойчивых сочетаний в произведениях В.П. Астафьева» [Шароглазова, 2008].

Рассмотрим следующие **общекультурные образы**, представленные в произведениях В.П. Астафьева:

Воля (желание):

Говорят, охота пуще неволи. Как видите, рыбалка – тоже (автор – Дядя Кузя – куриный начальник // Собр. соч.: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 1. С. 254).

Кандыба обожал волю. Воля эта пуще неволи – узнаю я после. Только «на воле», оставшись «в миру» сам с собой, он не знал унижений, чувствовал себя полноценным и полноправным человеком; умел постоять за себя, не страшился никакой борьбы и невзгод (автор – Без приюта // Собр. соч.: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 4: Последний поклон. С. 418).

Отражение в словарях:

Даль – *По своей воле пуще неволи* (т. 1, с. 239);

Охота пуще неволи. Своя страсть неволит (т. 2, с. 773).

Михельсон – *Охота пуще неволи* (т. 1, с. 776).

Зимин – *Охота пуще неволи* (с. 103).

Тимофеев – *Охота пуще неволи*. Очень хочется (С. 134).

Мокиенко – *Охота пуще неволи* (с. 136) [Шароглазова, 2008].

Судьба:

Смотав удочку, я постоял на косе, послушал ночь и реку, зная, что не скоро выпадет мне счастье быть в тайге, на реке, да еще на такой вот пустынной и дикой, – свободный художник ведь только в воображении обывателя выглядит таким баловнем судьбы и бездельником... (автор – Медвежья кровь // Собр. соч.: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 9. С. 141).

Отражение в словарях:

Федоров – *Баловень судьбы* (книжн.). Человек, пользующийся чрезвычайным успехом, удачей у женщин (с. 17).

МАС – *Баловень* (разг.). Тот, кому постоянно сопутствует успех в делах, в жизни (в сочетаниях: баловень счастья, баловень судьбы и т.п.) (т. 1, с. 59).

Жуков – *Баловень судьбы*. Человек, которому постоянно сопутствуют успех и удача (с. 36).

Зимин – *Баловень судьбы* (с. 160) [Шароглазова, 2008].

Наказание:

– *Ходют, бродют, а я вертисся тут, жарься!.. Будь мои дети, дала бы я им...*

– *И тем не ме...*

– **Березовой каши** дала бы!.. (тетя Уля – Трещина // *Собр. соч.: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1998. Т. 13. С. 677*).

Отражение в словарях:

Даль – *Накормить кого березовой кашей*. Постегать (т. 1, с. 83).

Федоров – *Березовая каша* (ирон.). Розги. (с. 275).

Михельсон – *Березовая каша* (т. 1, с. 52).

МАС – *Березовая каша*. Розги (т. 2, с. 42).

Зимин – *Накормят березовой кашей*. Дадут розог; накажут розгами (с. 204).

СРГС – *Угостить березовым пивом* (ирон.). Наказать, избить плеткой, прутом (т. 5, с. 132).

Молотков – *Березовая каша* (устар.). Розги (с. 196).

Мокиенко – *Дать березовой каши* (шутл). Побить, поколотить кого-либо (с. 49) [Шароглазова, 2008].

Время:

Я коротал время возле поселка, на галечном мысе, названном Карасинкой – хранились здесь цистерны с совхозным горючим, отсюда и название, – таскал удочками бойких чебаков и речных окуней, белобрюхих, яркополосых, наглых (автор – Капля // *Собр. соч.: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 6: Царь-рыба. С. 41*).

Отражение в словарях:

Даль – *Коротать время*. Проводить, сокращать, пробавлять (т. 2, с. 169).

Михельсон – *Коротать время* (иноск.). Приятно проводить его (так как в удовольствии кажется, что оно скорее проходит, – оно короче) (т. 1, с. 461).

МАС – *Коротать* (разг.). Заполнять, занимать чем-либо время, стараясь, чтобы оно прошло быстро, незаметно (т. 2, с. 106) [Шароглазова, 2008].

Война:

Собравшись у Вуколихи, рассказывали друг дружке о своих детях, братьях, прося Господа дать павшим на поле брани место на небе поудобнее... (автор – Прокляты и убиты // *Собр. соч.: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 10. С. 666*).

Отражение в словарях:

Даль – *Поле битвы, поле сражения*. Место (т. 3, с. 258).

МАС – *На поле брани* (высок.). В бою, в сражении (т. 1, с. 112) [Шароглазова, 2008].

Наиболее распространены в произведениях В.П. Астафьева следующие **региональные образы** (фразеологизмы представлены в диалектных словарях либо имеют помету обл.):

Время:

*Дядя Левонтий горестно облакачивался на руку, кулачищем растирал по лицу слезы, вспоминая: – Бадюги с ней по один год кололи-и-и! – И, совсем уж разрыдавшись: – Когда ни придешь... **ночь-полночь**... пропа... пропащая ты голова, Левонтий, скажет и... опохмелит (дядя Левонтий – Конь с розовой гривой // *Собр. соч.: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 4: Последний поклон. С. 56*).*

Отражение в словарях:

Сибир. – *В ночь-полночь*. В любое время (с. 41).

СРГС – *Хоть в ночь, хоть в полночь*. В любое время (т. 5, с. 230) [Шароглазова, 2008].

Бедность:

*Отец заключил договор с игарским рыбозаводом, забрал меня из тесной барачной комнатухи, где я уж поднадоел всем и устал **выглядывать куски**, которыми дед Павел иной раз не то чтобы корил меня, но как-то так проклинал отца с мачехой, что получался и я в прищепе, лишним везде себя чувствовал, особенно за столом (автор – Карасиная погибель // Собр. соч.: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 4: Последний поклон. С. 376).*

Отражение в словарях:

Сибир. – *Кусочки собирать*. Нищенствовать (с. 97).

СРГС – *Кусочки собирать* (ирон.). Нищенствовать, побираться (т. 4, с. 370) [Шароглазова, 2008].

Осторожность:

*Собаки вот напугались, отпрянули от крыльца, улеглись, **подальше от греха**, и тут же задремали, изредка, не открывая глаз, терли себя лапой по носу... (автор – Вечно живи, речка Виви // Собр. соч.: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1998. Т. 12. С. 33).*

Отражение в словарях:

Федоров – *От греха подальше* (прост.). Во избежание беды, не дожидаясь беды, неприятности (с. 452) [Шароглазова, 2008].

Наиболее распространены в произведениях В.П. Астафьева следующие **индивидуально-авторские образы**, которые проявляются в трансформации фразеологизмов и в отсутствии их в словарях:

Мужское/женское:

– *Дак че тут сделаешь? – развел руками Коля Рындин. – Отродясь так было: **бабы плачут, мужики скачут!** (Коля Рындин – Прокляты и убиты // Собр. соч.: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 10. С. 295).*

Отражение в словарях:

Даль – *Одни плачут, а другие скачут* (т. 3, с. 112) [Шароглазова, 2008].

Недуг:

Медленно, как бы пробуждаясь от душного сна, дыхнул лес, и между ним просочились только ей слышные струи воздуха, а вместе с ними страшный запах крови. Маралуха снова пронзительно крикнула и отчаянно заметалась возле солонцов.

– *Э-э, чтоб тебя, **худая немочь!** – свирепым шепотом бранился человек, напряженно всматриваясь в предрассветную мглу (Никон – Стародуб // Собр. соч.: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1998. Т. 13. С. 385).*

Отражение в словарях:

Даль – *Немочь*. Слабость, хилость, хворость, болезнь, недуг, скорбь, нездоровье (т. 4, с. 523).

Сибир. – *Черная немочь*. 1. Проказа. 2. Бранная кличка медведя (с. 201) [Шароглазова, 2008].

Война:

*...нарожала и вырастила девятерых детей. Пятерых из них взяла, изуродовала им судьбы, загнала в ранние могилы война, про которую теща часто и тихо говорила: «**Война не по лесу, а по народу...**» (теща – Как моя теща блюла нравственность // Собр. соч.: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 7. С. 217).*

Отражение в словарях:

Михельсон – *Беда (напраслина) не по лесу ходит, а по людям (найдет свою жертву) (т. 1, с. 85).*

Зимин – *Беда не по лесу ходит, а по людям (с. 161) [Шароглазова, 2008].*

*Напротив нас с размахом строился его старший сын. Лесничий. Шныряли там машины, тянули бревна лошади, отец едва кивал сыну, мне говорил: «Он еще во школе эким был, в пионеры поступил, дак иконы хотел выбросить, старуха ему: “Вот те Бог, вот те порог”. На войне в чинах был, шибко поранетый вернулся, ну, думаю, теперя человеком станет, да видать **горбатого и война не исправит...**» (Семен Агафонович – Веселый солдат // Собр. соч.: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1998. Т. 13. С. 214).*

Отражение в словарях:

Даль – *Горбатого исправит могила, а упрямого дубина (т. 1, с. 377) [Шароглазова, 2008].*

Ответственность:

*«Тертые» солдаты, те, что попали в пополнение из госпиталей, многозначительно ухмыляются, слушая эти разговоры, и на всякий случай изучают местность. Они-то знают, что **на старшину нужно надеяться, однако и самому плошать не следует** (автор – Сибиряк // Собр. соч.: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 1. С. 67).*

*– Вот теперича совсем все ясно! – бодро заключил Шорохов, взваливая на себя катушку, твердо про себя решив, что **на командование, конечно, надо надеяться, но и самому при этом не плошать** (Шорохов – Прокляты и убиты // Собр. соч.: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 10. С. 415).*

*Пошла совсем другая война, организованная. Но, как говорится, **на орудия и на командира надейся, да сам не плошай** (автор – Веселый солдат // Собр. соч.: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1998. Т. 13. С. 12).*

Вывод. В.П. Астафьев писал о людях и для людей, поэтому образ человека, различных сторон его жизни выражен во фразеологизмах на национальном, региональном и индивидуальном уровнях.

Тема войны очень значима для всего русского народа, не менее важна она и для писателя, который воевал и знает об этом не понаслышке, поэтому образ войны выражен во фразеологизмах на общекультурном уровне и на индивидуальном. Образ времени выражается в фразеологизмах национального и регионального уровней.

На национальном уровне можно отметить фразеологические выражения, принадлежащие речи автора, в то время как индивидуальные образы отмечены в фразеологических выражениях, принадлежащих речи персонажей и содержащих разговорную или просторечную лексику и трансформированные фразеологизмы.

Библиографический список

1. Астафьев В.П. Собрание сочинений: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1997–1998.
2. Волошкина И.А. Фразеологический образ как отражение характера человека (на материале французского языка) // Вестник Новгородского государственного университета. 2008. № 49. С. 55–58. EDN: MUDBHV.
3. Филоненко Т.М. Фразеологический образ в языковых моделях пространства, времени и количества (на материале фразеологии современного русского языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. 44 с.
4. Хайруллина Р.Х. Фразеологический образ: ментальная природа и языковое выражение // Фундаментальные исследования. 2015. № 2-27. С. 6129–6132. EDN: UBVDLX.
5. Шарогазова Ю.В. Словарь фразеологизмов, паремий и иных устойчивых сочетаний в произведениях В.П. Астафьева / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2007. 488 с.

КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКА

ПРОЯВЛЕНИЯ «ЯЗЫКОВОЙ ЛЕНИ» В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

MANIFESTATIONS OF “LANGUAGE LAZINESS” IN MODERN RUSSIAN SPEECH

А.Д. Васильев

A.D. Vasiliev

Ключевые слова: язык и мышление, язык и общество, экономия языковых средств, языковая лень, минимизация пространства текста, объем информации.

Аннотация. Приводятся разноуровневые примеры проявления экономии языковых средств («языковой лени») в современной русской речи. Их совокупность позволяет сделать вывод о социально-когнитивной обусловленности оформления высказываний.

Keywords: language and thinking, language and society, saving linguistic resources, linguistic laziness, minimizing text space, volume of information.

Annotation. Multi-level examples of the manifestation of economy of linguistic means (“linguistic laziness”) in modern Russian speech are given. Their combination allows us to draw a conclusion about the social-cognitive conditionality of the design of statements.

Фундаментальными в лингвистике являются положения о взаимосвязи языка и мышления, сопрягающейся с взаимосвязью языка и общества (например, [Потебня, 1976, с. 57–58]).

Язык выступает прежде всего как средство коммуникации между людьми, передачи интеллектуальных и психоэмоциональных продуктов. При всем их многообразии они суть *выражения*. «Самый термин *выражение* указывает на некое активное самопревращение внутреннего во внешнее» [Лосев, 1991, с. 45].

Коммуникативно полноценное высказывание может достигать социально значимого эффекта при упорядоченном мышлении адресата.

Довольно часто возникает объективное противоречие между значительным объемом информации, подлежащей передаче, и так или иначе ограниченным пространством текста, в который следует поместить эту информацию (*выразить* ее).

Адресант нередко пытается минимизировать свое сообщение именно в плане выражения. Для этого используются приемы, суммарно определяемые как экономия языковых средств. Этот феномен рассматривают в качестве первопричины эволюции языка. «...Коллективно-психологический фактор, который всюду <...> будет проглядывать как основная пружина <...> механизма [языковых изменений], действительно есть то, что <...> можно назвать словами “лень человеческая” или – что то же – стремление к экономии трудовой энергии» [Поливанов, 2023, с. 43]¹.

Рассмотрим некоторые современные речевые факты, иллюстрирующие данное положение.

¹ Такой подход разделяется не всеми специалистами: см. [Будагов, 1972].

Характерной чертой устной речи, и не только разговорно-бытовой, является редуцированная артикуляция (самые известные, наверное, примеры – произнесение *что* как [ч'о] вместо нормативного [шт'о] или *сейчас* как [ш'ас] [ш'а]).

В устном бытовом общении заметна частотность междометий – хотя, может быть, не столько собственно междометий (ср. *вау* из англ. *wow!*), сколько смутно определимых звукопроизведений. Среди них ставшая, кажется, общепринятой ответная реплика продавца, нечто вроде [уг'у] – речевая реакция на «спасибо!» от клиента.

В графике наиболее распространенной приметой «экономии», якобы облегчающей написание, но при этом несомненно затрудняющей точное понимание написанного, стало (впрочем, далеко не сегодня) пренебрежение употреблением буквы *e*. Из-за этого нередко возникают двусмысленности. Например: как однозначно понимать содержание фраз вроде «страна передохнет»; «правительство признает необходимость» и т.п. Неразличение букв *e* и *e*, излюбленное составителями кроссвордов и подобных интеллектуальных развлечений, оказывается серьезной причиной при отказе в верификации документа, удостоверяющего личность гражданина и сведения о нем. Это происходит, в частности, когда для оформления пенсий и социальных пособий в части справок их обладатель фигурирует как *Королев*, а в другой их части он же *Королев* (прецеденты далеко не единичны).

Кроме того, активность многих сограждан в частной электронной переписке обнажила их малоосмысленное отношение к графическому оформлению текста, выражающееся исчезновением знаков препинания. Это сказывается не только в отсутствии запятых внутри предложения (там, где они предусмотрены правилами), но особенно впечатляюще – в отказе от постановки какого-либо знака в его конце. С учетом того что русская пунктуация основывается прежде всего на логических принципах, то есть «синтактико-смысловом членении» [Ахманова, 1966, с. 159], и призвана способствовать успешному пониманию написанного адресатом, следует признать, что «экономящие» на знаках препинания авторы, во-первых, не способны (не желают?) четко оформить свою мысль (?). Во-вторых, они же откровенно игнорируют известное «право читателя» (М.М. Бахтин) безошибочно понимать содержание предложенного ему текста².

К числу наиболее распространенных приемов «языковой экономии» принадлежит аббревиация. Хотя аббревиатуры неоднократно пытались объявить уродливым изобретением большевиков и частью их вербально-магического инструментария, в действительности они возникли задолго до Великой Октябрьской социалистической революции (см. [Васильев, 2013, с. 54–55; 2024, с. 32–33]). Кроме того, этот несомненно удобный в использовании способ сокращения многословных официальных наименований не ушел в небытие вместе

² Занятно, что, судя по публикациям в социальных сетях, устранение знаков препинания с их законных финальных мест нередко своеобразно уравнивается совершенно произвольной расстановкой запятых внутри предложения.

с советской властью³. И сегодня аббревиатуры широко употребительны. Ср.: *ГД, ЦБ, РПЦ, ОПГ, СВО...* Или: *кабмин, заксобрание, минздрав, нацкпроект, капремонт, Росатом, Рособнадзор* и т.п.

Правда, иногда аббревиатуры дублируют друг друга: *УК* – и *управляющая компания*, и *уголовный кодекс* – и др. Они же могут придавать обозначению ту или иную коннотацию. Например, *ВОВ* (возникшее, возможно, не без влияния англ. *WWII*) – сигнал явного неуважения к памяти павших в Великой Отечественной войне. Любопытно также, что некорректное употребление аббревиатур может быть по-своему информативно. Так, написание *ВУЗ* вместо нормативного *вуз* кратко, но емко определяет подлинный культурно-образовательный уровень адресанта.

Свою лепту в обогащении набора аббревиатур вносят активные участники так называемых социальных сетей и прочие аййтишники (*юзеры*). Их куцые речевые продукты⁴ по большей части англоязычны: ИМХО, ЛОЛ и проч., иногда и без транслитерации: ASP, GUI и т.п.

Среди самых распространенных средств минимизации пространства текста в электронной переписке (*чатах*; впрочем, уже и в традиционной корреспонденции) употребление знаков, именуемых «смайликами» и «эмодзи». Они позволяют чрезвычайно сконцентрированно, в одном максимально упрощенном и абстрагированном мини-рисунке, выражать сложные эмоциональные переживания и скромные интеллектуальные продукты. Со строго лингвистической точки зрения такой, казалось бы, внешне эффективный прием сжатия текста – очевидное возвращение к исторически далекому прошлому письменности, то есть к пиктографии. Известно, что пиктография уступила место более высокоразвитым способам письма не в последнюю очередь вследствие нередкой множественности восприятия содержания пиктограмм из-за вариативности их осмысления.

Иногда встречаются высказывания, в том числе и дипломированных филологов, о якобы полезности максимального упрощения русской орфографии, ее неизбежной фонетизации как будто бы прогрессивной меры повышения правописной успешности масс и подобные псевдонаучные изыски и благоглупости. Но по этому поводу давно известна классическая статья 1922 г. [Щерба, 1957].

В сфере антропонимики самым заметным проявлением стремления «сэкономить» стало выпадение отчества, даже в российском официозе.

Это сто́ит комментировать несколько подробнее. Во-первых, таким образом нарушается фундамент русской трехчленной антропонимической модели: имя – отчество – фамилия, где отчество традиционно выступает в «величально-социальной функции» [Фролов, 2005, с. 94]. Иными словами, отчество используется

³ Небезынтересна в связи с этим негативная оценка представительницей старшего поколения, начавшей карьерное восхождение именно в советское время, названия *Роспотребнадзор* как «какого-то с о в к о в о г о» (www.rbc.ru. 08.11.23) – «совковский – разг. н е о д о б р . прил. к *совок*»; «*совок* разг. н е о д о б р . 1) о Советском Союзе, советском строе» [ТССРЯ, 2001, с. 736–737].

⁴ Как у свежевыструганного Буратино: «Мысли у него были маленькие-маленькие, коротенькие-коротенькие, пустяковые-пустяковые...» [Толстой А.Н. Золотой ключик, или Приключения Буратино. М., 1980. С. 448].

в составе не только официального, но вежливого и уважительного именовании человека и при таком же обращении к нему. Отчество, указывая на родителя человека, подчеркивает достоверность факта происхождения. В противном случае именуемый рискует обратиться в «ивана, не помнящего родства» и вообще в маргинала «без роду-племени». Отчество способно акцентировать возраст и социальный статус денотата, уровень его профессиональной квалификации, степень заслуг перед обществом и государством и др. Во-вторых, отсутствие отчества характерно для западноевропейских антропонимических моделей. А они иногда оказывают на другие системы заметное влияние. Так, «в XVIII в., особенно во время известной галломании, обращение по отчеству считается в дворянской среде признаком дурного тона» [Фролов, 2005, с. 95]. Следует напомнить, что с начала перестроечно-реформаторских инноваций была декларирована послушная (чтобы не сказать – подобострастная) ориентация России на «цивилизованные страны» Запада, но теперь уже – преимущественно на англоязычные⁵. Несомненно, в немалой степени отношение к употреблению отчества, признание его необязательности, что называется, явочным порядком, в большой степени вопрос этики. В самом деле, следует задуматься, насколько уважительны применительно и к самим именуемым высоким руководителям, и к великой державе, которую они в определенной степени олицетворяют (во всяком случае – представляют), их название без отчества, этой очевидной духовной скрепы.

Весьма частотной в словоупотреблении стала гиперонимия [Колесов, 2004, с. 30]. На многочисленных примерах этого явления можно наблюдать добровольный отказ множества коммуникантов от обременительных размышлений по поводу выбора точного именовании предмета высказывания (см. [Васильев, 2019, с. 52–90]). Здесь, пожалуй, наиболее примечательно широкое использование существительного *отношения* (мн.ч.). Из всего богатства лексики, служащей обозначению многообразного эмоционального мира человека, для называния сугубо положительных (по крайней мере, традиционно) самых интимных межличностных связей и переживаний единственным востребованным стало это оценочно совершенно нейтральное и семантически безликое слово. То ли носители языка теперь стесняются называть *любовью* испытываемое ими чувство, то ли не считают его таковым, то ли оно сегодня рассматривается как нечто эфемерное и мало значительное – как говорится, возможны варианты. Кажется, нельзя полностью исключать и наличие иноземного лингвокультурного влияния (англ. *relations*).

Говоря о последнем факторе существенных изменений русского прагматикона, можно сказать, что иногда замена исконного обозначения реалии скоропостижным заимствованием действительно сокращает объем высказывания. Ср. недавний пример: «водитель пускается в управляемый занос, или, **попросту, дрейфует**» (Новости. 7 канал. 14.11.24) (от англ. *a drift* – ‘смещение, занос, самотек’). Но английский

⁵ «Мы считали, что мы свои, буржуинские» [Путин, 13.06.23. tass.ru] – вероятно, с этой целью *мы*, т.е. российские властители, применяли и речекоммуникативную мимикрию [Васильев, 2024, с. 232–237].

пока не стал конституционно установленным государственным языком РФ. Кроме того, как и множество подобных заимствований, оно является сигналом утраты национального концепта – следовательно, и обеднения русской ментальности [Колесов, 2004, с. 122; Васильев, 2020, с. 122–141; 2024, с. 215–238].

Следует хотя бы упомянуть и о том, что субстандартная лексика (прежде всего уголовный жаргон) тоже участвует в своеобразной гиперонимизации. Причем это происходит довольно активно, и не в последнюю очередь как следствие известных экономических реформ, начиная с приватизации⁶. Методы деятельности в этой сфере остаются, по существу, теми же, что и в 90-е гг. (насильственные, пусть иногда и завуалированные юридическими уловками, захваты чужой, то есть ранее уже кем-то присвоенной бывшей государственной собственности, и под.). Неудивительно, что уголовные арготизмы становятся естественными элементами общеупотребительной лексики (ср. *беспредел*, *тусоваться*, *оттянуться*, *опустить* и т.д.), выступающими как гиперонимы семантически более дифференцированных слов литературного языка⁷.

На основании вышесказанного можно заключить, что при речевой реализации разноуровневых языковых элементов очевидно и интенсивно происходят процессы, в самом общем виде определяемые как «экономия языка» («языковая лень»).

Это явление чрезвычайно напоминает известный *новояз* (Newspeak), задача которого – «сузить горизонты мысли <...>. С каждым годом все меньше и меньше слов, все уже и уже границы мысли <...>. Мышления в нашем современном значении вообще не будет» [Оруэлл, 1989, с. 52]. В антиутопической Океании внедрением *ангсоца* занимается государство в целях повышения управляемости подданных. Для этого там переделываются и классические литературно-художественные тексты⁸.

Отличие фрагментов речевой мозаики, описанных в статье, от фантастического новояза состоит, в частности, в том, что формально они не навязываются государственными институтами. Однако фактически утверждаемые ими модели поведения носителя языка⁹ поощряют лишь простейшие физиологические

⁶ «...Если хочешь погубить богатую и сильную страну, то помоги прийти в ней к власти местному вору <...>. Всё остальное сделают они сами <...>. Причём ограбят свою страну и сограждан так, что ущерб превысит потери от самой лютой войны <...>. На долгие годы эталонном для программирования подрастающего поколения <...> станет ориентация на уголовные ценности» [Расторгуев, 2003, с. 373–374].

⁷ Недавний пример: дама интеллигентного вида в ходе надуманной дискуссии о якобы спорном праве женщин России на образование (!) заявляет буквально: «Это какой-то *зашквар!*» (Место встречи. НТВ. 21.11.24). Видимо, арготическое слово показалось адресанту удачным выражением негативно окрашенных эмоций.

⁸ Оруэлл Дж. 1984 // Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. М., 1989. С. 22–220.

⁹ «...Стиль языка сопряжен со стилем жизни определённых социальных групп, поэтому через пропаганду стиля жизни мы распространяем какой-то стиль языка и, наоборот, речевое поведение не может не влиять на стиль жизни» [Комлев, 2003, с. 121]. Формулировка «стиль языка» вызывает ненужные в данном случае ассоциации с термином «функциональный стиль». Если же заменить её на «модель речевого поведения», то справедливость приведённого суждения бесспорна.

реакции при отсутствии способности устанавливать причинно-следственные связи между известными явлениями. Фактическое сведение речекоммуникативных актов к «простому, как мычание» (В.В. Маяковский), хотя и несомненно комфортное для многих свидетельствует о призрачности перспектив успешного выживания этносоциума.

Библиографический список

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
2. Будагов Р.А. Определяет ли принцип экономии развитие и функционирование языка? // Вопросы языкознания. 1972. № 1. С. 17–36.
3. Васильев А.Д. Вариативные выражения универсальных оппозиций. В 2 т. Красноярск, 2020.
4. Васильев А.Д. Игры в слова. Манипулятивные операции в текстах СМИ. СПб., 2013.
5. Васильев А.Д. Манипуляции словами: управление сознанием. Красноярск, 2024.
6. Васильев А.Д. Превращения слов. Современные лексико-семантические процессы. Красноярск, 2019.
7. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб., 2004.
8. Комлев Н.Г. Слово в речи. Денотативные аспекты. Изд. 2-е. М., 2003.
9. Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991. С. 23–192.
10. Поливанов Е.Д. Где лежат причины языковой эволюции? // Поливанов Е.Д. За марксистское языкознание. М., 2023. С. 36–53.
11. Потебня А.А. Мысль и язык // Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 35–220.
12. Расторгуев С.П. Философия информационной войны. М., 2003.
13. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / под ред. Г.Н. Складчиковой. М., 2001.
14. Фролов Н.К. Антропонимика // Фролов Н.К. Избранные работы по языкознанию: в 2 т. Тюмень, 2005. Т. 1. С. 4–267.
15. Щерба Л.В. Безграмотность и ее причины // Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 56–62.

«СПОЙЛЕР» КАК РЕЧЕВОЙ ЖАНР (НА МАТЕРИАЛЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ)

“SPOILER” AS A SPEECH GENRE (BASED ON THE CONTENT OF SOCIAL NETWORKS)

Е.В. Осетрова, Е.В. Петрова

E.V. Osetrova, E.V. Petrova

Ключевые слова: *спойлер, речевой жанр, интернет-жанры, жанры повседневного общения, социальные сети.*

Аннотация. В статье с позиций лингвистической жанристики рассматривается речевой феномен спойлера как одного из современных интернет-жанров, завоевавшего популярность среди молодежи не только в виртуальной среде, но и в пространстве реального общения. Используя методики сплошной выборки, дескриптивного и лингвопрагматического анализа, автор выявляет особенности реализации речевого жанра спойлера в русском интернет-дискурсе. В результате исследования определены три режима существования спойлера: «канонический» спойлер, «контекстный» спойлер, а также оценочный контекст, маркирующий отношение к спойлеру как к специфическому типу высказывания.

Keywords: *spoiler, speech genre, Internet genres, everyday communication genres, social networks.*

Abstract. The article dwells upon the speech phenomenon of spoiler from the standpoint of linguistic genre studies as one of the modern Internet genres that have gained popularity among young people not only in the virtual environment, but also in real life communication. Using continuous sampling method, the methods of descriptive and linguistic-pragmatic analyses, the author identifies the features of the implementation of the spoiler speech genre in Russian Internet discourse. As a result of the study, three models of spoiler existence were identified: a “canonical” spoiler, a “contextual” spoiler, as well as an evaluative context marking the attitude to the spoiler as a specific type of utterance.

Ключевым понятием данного исследования является понятие речевого жанра. В филологической среде наиболее типично обсуждение жанра в контексте художественной литературы, однако современная лингвистика последних десятилетий предлагает более широкую трактовку, включая в его предметную область в том числе сферу повседневного общения. «Повседневное общение формирует первичные речевые жанры, на основе которых культивируется система вторичных, к которым относятся в том числе и упомянутые выше литературные жанры» [Шмелева, 1990, с. 21].

Владение языком – это умение осуществлять успешную коммуникацию. Овладеть языком – значит уметь задать вопрос, спросить совета, выразить благодарность, принести извинение, выступить с предложением, пригласить на встречу и т.д. Речевым жанром можно назвать и поговорку, и многотомный роман и однословное приветствие, и пространное письмо [Бахтин, 1979; Шмелева, 1995]. Все они представляют ту или иную единицу речевого жанра, который, по М.М. Бахтину, есть «типическая форма высказывания в типических обстоятельствах» [Бахтин, 1979, с. 238], или, что то же, «разновидность устных и письменных текстов, которые существуют в различных сферах общения, воспроизводятся

говорящими и пишущими и узнаются по их языковым (вербальным и невербальным) средствам» [Ладыженская, Ладыженская, 2001, с. 3].

На сегодняшний день описаны около 250 речевых жанров. Среди них особое место занимают интернет-жанры. Появившись относительно недавно, они, однако, в кратчайшие сроки были освоены пользователями, а сфера обращения некоторых из них вышла далеко за пределы интернет-среды. В центре нашего исследования один из таких жанров – речевой жанр спойлера [Балашова, Дементьев, 2022; Дементьев, 2010; Осетрова, Сквородкина, 2022].

«Спойлер» (англ. *spoiler*; от глаг. to spoil – «портить», «мешать») – информация о важной детали сюжета или неожиданной концовке чаще всего какого-то творческого (книжного, кинематографического) произведения, новинки, которую раскрыли адресату преждевременно и тем самым разрушили интригу, не дали пережить связанные с этим эмоции [Осетрова, Сквородкина, 2022]. Рассмотрим особенности реализации этого жанра, обращаясь к русскоязычному сегменту социальных сетей и мессенджеров.

Анализ материала показывает, что следует выделять три формы реализации спойлера.

«Канонический спойлер», или «непосредственно спойлер», – «та самая» специфическая информация о фрагменте сюжета, который не следовало пересказывать, обнаруживать заранее:

- *А про что «Зеленая миля»? Ужасы?*
- *Там дяденька в тюрьме сидел, потом его на электрическом стуле убили...*
- *Спасибо!.. Вот и посмотрела!* (Вконтакте, 13.12.2015).

В данном примере спойлер представлен открыто и прямо, когда адресат запрашивает только общую информацию о жанровой принадлежности фильма, однако получает подробную ссылку, касающуюся хода развития сюжета.

Вообще правила речевого этикета устной/письменной речи в социальных сетях и в условиях реального общения предполагают предупреждать о намерении раскрыть какую-либо важную информацию о сюжете так, чтобы адресат успел бы отреагировать и остановить рассказчика в случае нежелания быть посвященным в детали; см., как это сделано в следующем примере: *У Кристиана Бэйла нет ампулы, однако у целого ряда его героев можно выделить одну общую черту. А именно склонность к двуличности. Самый очевидный пример – «Престиж» Кристофера Нолана, где (осторожно, спойлер!) Бэйл играет братьев-близнецов иллюзионистов* (Вконтакте, 15.10.2024).

Случается и такое, что авторы при прямо выражаемой установке не раскрывать важную информацию о сюжете (типичны в этом отношении фразы *не буду спойлерить; сами увидите; не буду говорить; только намекну* и т.п.), тем не менее все же сообщают ее: *Закончился сериал «ATRI: My Dear Moments» <...> Финал вроде бы не трагичный, для человечества даже позитивный, но за героев грустно. Они пожертвовали своим счастьем, чтобы счастье обрели другие люди. Удалось им это или нет, увидите в этом сериале. Сюжеты VN всегда вызывают у меня слезы, даже когда концовки не всегда нравятся. Но в данном*

случае нечего добавлять, история закончена без вопросов <...> Концовка напомнила финал «Clannad: After Story». Не буду спойлерить. Намекну, что концовки схожи, но Атри и Науки судьбой отведено гораздо меньше времени (Вконтакте, 15.10.2024).

Как видно, адресат, не имеющий первоначального знания ни об одном из двух упоминаемых сериалах, тем более об их персонажах, может делать выводы о важных деталях развития сюжета.

Если спойлер в типичном, «чистом», виде чаще встречается в монологах – в постах, посвященных критике творческих произведений (фильмов, книг, игр), то в бытовых диалогах встречается модифицированный вариант данного жанра; назовем его «контекстным спойлером».

Данный режим существования спойлера можно охарактеризовать как «сообщение преждевременной информации, нередко – главного тезиса с целью завладеть вниманием адресата или же с целью создания комического эффекта, основанного на эффекте обманутого ожидания, противопоставления. Часто он используется в роли связки в бытовом/повседневном сторителлинге. Контекстный спойлер менее деструктивен, поскольку раскрывает информацию, связанную с реальной действительностью – действительностью говорящего. Именно поэтому, в отличие от канонического спойлера, часто он не вызывает негативной реакции со стороны адресата; см. примеры: *Цель встречи была как всегда поболтать, поиграть в настолки и вкусно поесть. Спойлер: все удалось* (Вконтакте, 15.10.2024); *У «Красного пицчевика» будут новогодние вкусы зефира: клубника-шампанское и латте-карамель с секретным ингредиентом (спойлер: это соль)* (Вконтакте, 15.10.2024); *Крупный красивый и ласковый пес по имени Барсик (спойлер – на имя пока не отзывается) ждет своего терпеливого хозяина без животных* (Вконтакте, 15.10.2024).

Третий из выделенных режимов функционирования спойлера несколько отличается от предыдущих двух, поскольку в таком случае данный феномен существует уже не как единица речи в процессе ее реализации, а как языковое явление – объект оценки, как выраженное отношение говорящего к спойлеру. Оценочный контекст маркирует отношение к спойлеру как к специфическому типу высказывания, провоцирует активное обсуждение, что подтверждает интерес к нему социальной группы вне зависимости от знака оценки. Сама оценка варьируется в довольно широком диапазоне: от резко негативной и даже агрессивной до крайне положительной и восторженной:

а) интенсивно-негативное (агрессивное) отношение:

Я крайне негативно отношусь к спойлерам. Меня жутко бесит, когда мне их рассказывают. Мне неважно знать конец истории сам по себе, мне важен путь к нему: эмоциональные переживания героя и мои собственные за героя, резкие повороты сюжета, что вызовут яркие эмоции – вот что важно. Ты как будто сам проживаешь этот сюжет, эту другую жизнь. Какой смысл знать заранее чем все закончится? Я бы не хотел знать, когда я умру и как это произойдет. Человек, который спойлерит – это вор моих впечатлений, вор моих эмоций, вор

моей жизни в какой-то степени! Это просто какие-то моральные уроды! Сами получили удовольствие от произведения, а других лишили его! Никогда не смогу этого понять! (Телеграм, 29.10. 2024);

б) негативное отношение:

Я могу немного прочесть описание, чтобы понять вообще, о чем собираюсь смотреть/читать. Но в остальном я избегаю максимально всех упоминаний/рилсов/мемов о том, что собираюсь потреблять, иначе мне будет скучно и я не получу максимальное удовольствие. На друзей могу обидеться, если они мне пробалтываются о каких-то моментах. Я все должна узнать сама! И друзьям своим никогда не спойлерю, даже если сильно просят, пусть сами все прочувствуют по полной. Например, когда я смотрела «Игру престолов», то я пока серию не посмотрю, вообще ни с кем не разговаривала и даже в ленту новостей не заходила – не дай Бог наткнуться на спойлер! (Телеграм, 29.10. 2024);

в) двойственное отношение:

Мне тяжело выразить свое отношение к спойлерам: с одной стороны, я вроде бы негативно к ним настроена, с другой – часто как будто бы намеренно их ищу. Знаю, что в комментариях могут быть спойлеры – но все равно продолжаю их читать. Меня бесят люди, которые спойлерят, но я зачем-то читаю их комментарии вечно! (Телеграм, 29.10.2024);

г) положительное отношение:

Я в целом отношусь положительно к спойлерам, никогда не расстроюсь, если увижу какой-то спойлер случайно в сети. Иногда, когда уже не терпится узнать концовку или разрешение какой-то ситуации, могу загуглить его сама. На мое желание дочитать/досмотреть это никак не влияет, наоборот, подогревает интерес узнать, как именно произойдет то или иное действие, описанное в спойлере (Телеграм, 29.10.2024);

д) интенсивно-положительное (восторженное) отношение:

Обожжаю спойлеры. Без шуток. Без них мне неинтересно. А так сразу вопросы появляются: «А как это было в фильме? А как вообще персонажи пришли к этому? Какие эмоции испытывали?» (Тикток, 24.12.2021).

Поражаюсь людям, которые теряют интерес к просмотру после спойлеров. Со спойлерами же только интереснее! Я, может, без них и вовсе не начал бы смотреть (Тикток, 17.07.2022).

Итак, спойлер вполне освоен современной речевой практикой. Этот тип высказывания не просто используется, но и развивается, трансформируясь и приобретая все новые содержательные оттенки, подстраиваясь под актуальные запросы носителей языка, о чем свидетельствуют три режима его реализации. Данный феномен регулярно становится объектом оценки, порождая акты экспрессии, что говорит о его особой выделенности в общем потоке речи.

Можно заключить, что спойлер занял свое место в современной жанровой системе и речевой практике молодых поколений, а потому нуждается в дальнейшем изучении.

Библиографический список

1. Балашова Л.В., Дементьев В.В. Русские речевые жанры. М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. 832 с.
2. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.
3. Дементьев В.В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 597 с.
4. Ладыженская Т.А., Ладыженская Н.В. Речевые жанры в курсе школьной риторики // Начальная школа плюс до и после. 2001. № 12. С. 3–11.
5. Осетрова Е.В., Сковородкина У.В. Спойлер: содержание речевого жанра и его детализация с учетом факторов «автора» и «адресата» // VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал. 2022. № 2 (4). С. 37–47. DOI: 10.34680/VERBA-2022-2(4)-36-46
6. Шмелева Т.В. Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка // Russistik/Русистика. 1990. № 2. С. 20–32.
7. Шмелева Т.В. Речевой жанр: опыт общелингвистического осмысления // Collegium. Киев, 1995. № 1–2. С. 57–71.

К ВОПРОСУ О СИНЕРГЕТИКЕ ТЕКСТА

ON THE QUESTION OF THE TEXT SYNERGETICS

А.Г. Торжок

A.G. Torzhok

Ключевые слова: *текст, синергетика, экстраполяция свойств, открытость, хаос, самоорганизация.*

Аннотация. Свойства нового научного направления, синергетики, (нелинейности, открытости, устойчивости/неустойчивости, хаоса и т.п.), действующие при исследовании процессов взаимодействия сложных естественных систем с окружающей внешней средой, могут быть экстраполированы к речевой деятельности и тексту, который представляет собой многослойную коммуникативную систему со сложной структурой взаимодействующих элементов.

Keywords: *text, synergetics, qualities extrapolation, openness, chaos, self-regulation.*

Abstract. The properties of a new scientific trend, synergetics (nonlinearity, openness, stability/instability, chaos, etc.), which operate in the study of the processes of interaction of complex natural systems with the surrounding environment, can be extrapolated to speech activity and text, which is a multi-layered communication system with a complex structure of interacting elements.

Известно, что понятие синергетики активно используется в различных областях знания как относительно новая методология изучения процессов самоорганизации в сложных системах различной природы. Сложной, динамичной, самоорганизующейся системой является и язык как речь, и, по мнению многих исследователей, возможно экстраполирование понятий синергетики (нелинейности, открытости, устойчивости/неустойчивости, хаоса и др.) к речевой деятельности, к тексту.

Если рассматривать язык с позиций функциональной лингвистики, т.е. как коммуникативную систему, средство передачи культурно-исторического опыта, то средой его существования становится непрерывная (контекстная) система взаимодействий. Развитие этой системы поддерживается и языком, и структурой взаимодействий, в которую включены и мышление, и психика, и культурная ткань общества, система передачи культурного опыта и прочие параметры [Гураль, 2007]. Текст приобретает дискурсивные характеристики и становится речью, погруженной в жизнь именно благодаря синергии («слиянию энергий») функциональных свойств.

Термин «синергетика», предложенный Г. Хакеном (как «сотрудничество, согласованное действие»), определялся им как «научное направление, изучающее связи между элементами структуры (подсистемами), образующимися в открытых системах, благодаря интенсивному (потокковому) обмену веществом и энергией с окружающей средой в неравновесных условиях» [Хакен, 1980, с. 351]. Возможны и более точные определения этого термина.

Например, при изучении истории английского языка и анализе изменений в период превращения языка из флективного в полностью аналитический наиболее «удобен» в применении термин «диахроническая лингвосинергетика»,

как следствие воздействия на англо-саксонский язык чужого языка французских завоевателей, сопротивления принимающей коммуникативной среды и возникшего хаоса как стимула к самовосстановлению и образованию нового порядка.

«Функциональная лингвосинергетика» изучает процесс образования синергического функционального пространства речи и рассматривает язык и дискурс как открытые самоорганизующиеся системы, которые в ходе развития образуют новые упорядоченные структуры и приобретают спонтанные функциональные свойства, присущие системе как целостному образованию, но не проявляемые отдельными элементами вне системы [Савина, 2006].

Попытка выявить свойства лингвосинергетики при анализе дискурса/текста составляет предмет данной статьи.

Свойства лингвосинергетики, такие как нелинейность (наличие устойчивых / неустойчивых стационарных состояний, создающих сложное динамическое поведение), а также ее открытость, предполагающая взаимодействие с коммуникативной средой, создают большие возможности для исследования речевой деятельности в области лингвосинергетики.

В частности, синергетическая нелинейность языковой системы может, например, проявляться в том, что компоненты языковой системы меняются неодинаковыми темпами и в различных направлениях. Нелинейность внешней среды может также быть представлена нелинейностью сознания коммуникантов и речевой ситуации или нелинейностью самой системы дискурса, при этом внешняя коммуникативная среда является не внешним фактором, а участником коммуникативного процесса.

Под открытостью системы понимается ее способность обмениваться с окружающей средой энергией, веществом, информацией. Вследствие открытости языковой системы времени данные параметры могли изменяться.

Сложность синергетической системы заключается также и в том, что система состоит из множества взаимодействующих между собой элементов, обладающих потенциалом развития и некоторой степенью непредсказуемости поведения. Именно такой сложной системой перекликающихся между собой смыслов является художественный текст, смыслообразование которого организуется диалектикой текста и контекста, новации и традиции, семантическими единицами, принадлежностью говорящего к той или иной социальной группе, где общение стилистически оформлено [Папулова, 2014].

Тот факт, что любой текст представляет не просто линейную последовательность слов, передающих какой-то один смысл, а многомерное пространство, в котором соединяются и противостоят друг другу разнообразные смыслы, можно продемонстрировать на примере:

“I can diagnose the case more bluntly if you wish,” he retorted. – “You could, but you have not. You are, therefore, not qualified to attend my sister.” (E.M. Forster).

Дискурсивное развитие ситуации подразумевает не только ее событийное продвижение, но и коммуникативное, т.е. воздействие, с одной стороны, восприятие этого воздействия и ответная реакция – с другой. Как пример может быть

представлен диалог, в котором, судя по семантике лексических единиц: *diagnose, bluntly, retorted, not qualified* и усеченным конструкциям сказуемых: *You could, you have not, not qualified*, – очевидно столкновение мнений, имплицитное с позиций синергетики переход из предположительно устойчивого состояния коммуникации собеседников в неустойчивое и непредсказуемое развитие событий. Эта неравновесность (неустойчивость и даже хаотичность) текста может рассматриваться как необходимое условие для перехода системы к новому порядку, новому смыслу. С тех же позиций синергетики упомянутые усеченные конструкции и определенная семантика лексики позволяют представить эти единицы как функциональные операторы, которые, как отмечают исследователи, способствуют комплексной модификации различных планов дискурса [Гураль, 2007]. Присутствие подобных функциональных операторов свидетельствует о системном взаимодействии компонентов дискурса.

В роли функциональных операторов могут выступать единицы различного грамматического статуса. Самое важное свойство этих элементов – способность придавать дискурсу специфические функциональные характеристики, которые без операторов отсутствуют или слабо проявляются.

1. *He said sharply “I don’t. I don’t even know what they do.” She looked at him. He saw her surprise. He had spoken too sharply, out of his tiredness. His irritation with her that she should have invited anybody home, to lay more work upon Kate. He must be careful not to speak like that again. She seemed to hesitate before speaking. Then she said, “But you should, shouldn’t you?” (P.H. Johnson).*

С точки зрения формирования смысла высказывания, особый интерес для исследования представляет глагол, так как глагол обычно определяется как самый динамичный элемент высказывания, а динамичность, по определению, является базовым свойством любой синергетической системы.

Здесь глаголы говорения – *said, had spoken, to speak, speaking, said* – выступают в роли факторов, фиксирующих коммуникативное воздействие, с одной стороны, и его восприятие, осмысление и реакцию с другой. При этом особое движение речи создает неоднократное повторение глаголов говорения, усиленное определенной эмотивной лексикой, непосредственно связанной с этими глаголами: *surprise, irritation, tiredness, to hesitate*, – конструкциями с субъективно-оценочными модальными глаголами: *should have invited, must be careful, you should, shouldn’t you?*

Переплетение этих смыслов, имплицитных образование новой семантики текста, свидетельствует о нелинейности и открытости неравновесной синергетической системы текста.

Особую функцию выполняют обстоятельства образа действия: *sharply, too sharply*, – подчеркивающие «приращение» нового смыслового продвижения дискурса как некоторую имплицитную предрасположенность к отрицательно-оценочному отношению к персонажу. Все указанные элементы, функциональные операторы, способствуют, как уже отмечалось, комплексному взаимодействию различных планов этого текста: семантического, прагматического и стилистического.

Обобщая все сказанное относительно проявления свойств синергетики в тексте, представляется необходимым отметить, что при рассмотрении текста как открытой самоорганизующейся системы был выявлен целый ряд свойств синергетики, регулирующих функциональное пространство текста и свидетельствующих о воздействии или взаимодействии коммуникантов.

Библиографический список

1. Гураль С.К. Синергетика и лингвосинергетика // Вестник Томского государственного университета. Филология. № 302, 1/3 сентябрь. 2007.
2. Папулова Ю.К. О художественном тексте как о синергетической системе // Современная филология: материалы III науч. конф. (Уфа, июнь 2014 г.).
3. Савина И.В. Глаголы коммуникации как функциональные операторы смысловой синергичности английского дискурса // Вестник Самарского государственного университета. 2006. № 10/2 (50). С. 237–242.
4. Хаген Г. Синергетика. М.: Мир, 1980. 404 с.

«УБЕЖДЕНИЕ УБЕЖДЕННЫХ» – ДИСКУССИОННЫЙ АСПЕКТ ПЕРИФЕРИИ ПОЛЯ ВЕРБАЛЬНОЙ ПРОПАГАНДЫ ТЕРРОРИЗМА

“CONVICTION OF THE CONVINCED” – A DISCUSSION ASPECT OF THE PERIPHERY FIELDS OF VERBAL PROPAGANDA OF TERRORISM

М.В. Шибает, А.В. Кипчатова

M.V. Shibaev, A.V. Kipchatova

Ключевые слова: *судебная лингвистическая экспертиза, пропаганда, терроризм, убеждение, идеология.*

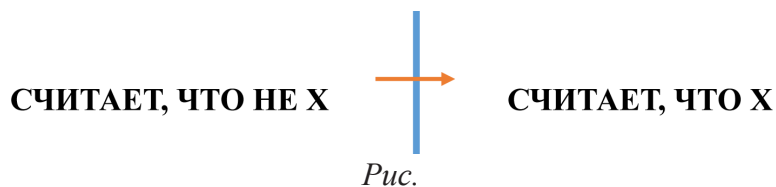
Аннотация. В статье предпринята попытка доказательства тезиса о несущественности характера оценки адресатом позитивной ценности идеологии и практик терроризма на момент начала оказания на него пропагандистского воздействия для диагностики лингвистических признаков пропаганды терроризма в ходе проведения судебной лингвистической экспертизы.

Keywords: *forensic linguistic analysis, propaganda, terrorism, persuasion, ideology.*

Abstract. The article attempts to prove the thesis about the insignificance of the nature of the addressee's assessment of the positive value of the ideology and practices of terrorism at the time of the beginning of the propaganda impact on him for the diagnosis of linguistic signs of terrorist propaganda during the forensic linguistic examination.

Значимым аспектом, касающимся периферии поля вербальной пропаганды, является образ адресата, а точнее, оценка этим адресатом пропагандируемой идеологии до начала пропагандистского воздействия. Распространена точка зрения, согласно которой пропагандистское воздействие не может быть осуществлено в отношении лиц, которые уже разделяют пропагандируемые идеалы. Лаконично сформулировать эту позицию можно так: невозможно убеждение убежденных. При всей кажущейся логичности данный тезис является, на наш взгляд, неверным и далее мы постараемся нашу позицию доказать.

Схематично динамику позиции адресата под воздействием пропаганды, построенную по этой логике, можно описать так (рис.).

Под воздействием пропаганды изначальное мнение адресата (не X) изменяется и становится иным (X). Здесь видится сразу несколько проблем.

Во-первых, сам X (в нашем случае идеология и практики терроризма) не является чем-то, что может быть строго определено. Можно ли точно и полно описать систему идей, ориентирующих человека на ведение террористической деятельности? Можно ли составить перечень всех видов террористических актов?

Можем ли мы сказать, что $X=X_1+X_2+X_3$? Если нет (а мы считаем, что нет), то как отследить момент, в котором «не X» превращается в «X»?

Смоделируем ситуацию. На момент попадания под воздействие пропаганды группа адресатов УЖЕ считает представителей других национальностей неполноценными, образ врага у них УЖЕ сформирован, они УЖЕ считают аутгрупповое насилие легитимным способом взаимодействия с объектом негативной оценки. Значит ли это, что они уже убеждены и не могут более убеждаться? Очевидно, нет: воздействию может быть подвергнута личная мотивация к совершению актов агрессии, могут быть уточнены способы совершения действий, созданы образы авторитетов, которые должны контролировать поведение адресатов. Другими словами, пропаганда может работать на дополнение мнения оттенками и нюансами, его уточнение и корректировку.

Добавим также, что убежденность лица – это категория, которая не работает по принципам бинарной логики, нельзя сказать, что человек либо убежден ($x=1$), либо не убежден ($x=0$), он может быть убежден в большей или меньшей степени, что обуславливает для пропагандиста необходимость укрепления уже существующего позитивного мнения, повышение степени убежденности в позитивной ценности идеологии и практик терроризма. Уместно здесь привести цитату автора, которого можно назвать гуру террористической пропаганды – министра пропаганды нацистской Германии Йозефа Геббельса: «Вот в чем состоит секрет пропаганды: того, кого хочешь подвергнуть пропаганде, *надо насквозь пропитать идеей пропаганды* так, чтобы он даже не заметил, что он ею пропитан» [Heiber, 1965, p. 95]. Для террористической пропаганды создать просто убежденного человека – это хорошо, но недостаточно, нужно создать человека, убежденного абсолютно и фанатично.

К тому же специфика террористической идеологии и практик заключается в их неестественности для человека как социального существа. Убедить личность в том, что пропагандируемые идеи настолько сверхзначимы, что ради них стоит пойти на массовые убийства себе подобных и другие формы радикально асоциального поведения, – это не просто трудоемкая задача, а задача, решение которой требует перманентной работы. В любой момент человек под влиянием внутренних или внешних факторов может перестать «считать, что X», а это значит, что за адресатом нужен постоянный контроль, нужно поддерживать уже сформированные мнения, взгляды, оценки, чтобы не допустить их отклонения в нежелательную для пропагандиста сторону.

Лингвоэкспертная практика авторов позволила многократно сталкиваться с коммуникацией в террористических ячейках религиозного толка, и наши личные наблюдения говорят о том, что перманентность – это нечто свойственное пропагандистской обработке в таких сообществах. С момента попадания в поле влияния идеолога группы неофит постоянно подвергается идеологической обработке, которая не прекращается и тогда, когда верность идеям сообщества у него уже сформирована. Степень убежденности должна неуклонно расти.

Сходные с нашими размышления об «убеждении убежденных» (но на материале традиционных бумажных газет) находим у французского классика теории пропаганды Жака Эллюля: «Может быть, кто-то подумает, что читатель газеты не

подвергается влиянию пропаганды, т.к. он заранее уже имеет те же идеи и то же мнение, которые находит в “своей” газете, он потому-то ее и выбирает среди других». Но этот аргумент представляет собой упрощение, далекое от реальности, так могут рассуждать лишь наивные либералы. На самом деле пропаганда тут есть, т.к. читатель переходит от туманного неясного ощущения, имеющегося у него, к четкому, жесткому и конкретному выражению. Имеет место превращение чувства или впечатления в мотив к действию, кристаллизация, уточнение расплывчатых схем. У читателя обновляются условные рефлексy, усиливается вера в мифы благодаря газете, и все это однозначно – пропаганда, правда пропаганда привычная, на свой вкус. Почему же мы все время впадаем в заблуждение, полагая, что пропаганда – всегда внушение другого мнения, совсем необязательно! Пропаганда – это также усиление уже имеющегося мнения, а также призыв к действию. Читатель сам подставляет горло под нож пропаганды, которую сам себе выбирает» [Эллюль, 2023, с. 169].

Приведем также пример из области пропаганды социально значимой в позитивном ключе – государственной пропаганды. Считается, что одними из наиболее важных задач государственной пропаганды можно назвать «поддержание и повышение легитимности власти в целом и поддержку проводимых реформ и стратегических целей» [Бредихин, Удальцов, 2020, с. 11]. Легитимность советской власти во многом формировалась за счет эффективной государственной пропаганды¹. Как отмечает доктор исторических наук Б.Н. Миронов, уже к 1931 г. не менее 83 % избирателей «были лояльны советской власти, доверяли коммунистам, общему курсу и текущей политике, удовлетворялись статусом рядового строителя социализма и верили в социалистический проект» [Миронов, 2022, с. 29]. Продолжало ли советское государство пропагандировать среди собственных граждан свою легитимность еще более полувека, прекрасно осознавая, что лояльность граждан уже сформирована? Продолжало! Мы думаем, что происходило это, потому что «убеждение убежденных» не только возможно, но иногда – необходимо.

Аналогичным образом обстоят дела и с пропагандой террористической. В экспертной практике авторов было исследование telegram-канала, содержащего пропаганду террористической организации «ИГИЛ», в котором проводился опрос пользователей с таким заглавием «Как вы считаете? Что делают праведные мусульмане с кафирами²?». Вариантами ответа были: а) «Играют в прятки» (за вариант проголосовало 0 %); б) «Живут в дружбе и строят мир» (за вариант проголосовало 30 %); в) «Ведут джихад» (за вариант проголосовало 70 %); г) «Сжигают в печи» (за вариант проголосовало 0 %). Здесь так же, как и в приведенном ранее примере, пропагандист продолжал оказывать воздействие,

¹ «Достижение легитимности происходило с помощью избирательного закона, жесткого контроля за процессом выборов и голосования, эффективной пропаганды, с одной стороны; а также своей идеологии, внутренней и внешней политики, которая во многом соответствовала интересам большинства населения (как население эти свои интересы понимало) и удовлетворяла его потребности, о чем говорят социологические опросы, — с другой» [Миронов, 2022, с. 16].

² «Неверный, неблагодарный, скрывающий, не признающий истины, не верующий в существование или единство Аллаха» [Али-заде, 2007].

несмотря на осведомленность о том, что подавляющее большинство адресатов уже заранее согласны с центральным пропагандистским тезисом.

Нам представляется, что типовыми функциями «убеждения убежденных» можно считать.

1. Обеспечение перехода от идеологии к практике, основанной на этой идеологии (такая функция реализуется, например, в ситуации пропаганды идеологии террористической организации «Легион “Свобода России”» гражданам РФ, которая предполагает, что сначала у лица будет сформировано резко негативное отношение к органам государственной власти РФ, а уже потом будет предложен желательный способ взаимодействия с представителями этих органов).

2. Поддержание и повышение градуса радикализации (типичным кейсом, в котором реализуется такая функция, является пропаганда идеологии террористической организации «Колумбайн», которая, будучи ориентированной на провоцирование суицидального поведения, вынуждена постоянно поддерживать градус неудовлетворенности жизнью у адресата).

3. Расширение и углубление идеологизированного знания (типичной ситуацией, в которой реализуется такая функция, является ситуация пропагандирования идеологии исламоориентированных террористических организаций (напр., «ИГИЛ»), которая, как правило, подразумевает внедрение на первичном этапе в сознание адресата идей салафизма⁴ и ваххабизма⁵, а уже потом, когда благодатная почва сформирована, знание дополняется актуальным политическим значением).

Подытожим наши размышления следующим выводом. Правильным, на наш взгляд, является понимание пропаганды терроризма не только как переубеждения, но и как доубеждения, что обуславливает возможность оказания пропагандистского воздействия на лицо, которое на момент начала воздействия уже убеждено в позитивной ценности идеологии и практик терроризма.

Библиографический список

1. Али-заде А.А. Исламский энциклопедический словарь. М.: Ансар, 2007. 400 с.
2. Бредихин А.Л., Удальцов А.А. Пропаганда как средство осуществления идеологической функции государства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 3 (87). С. 10–14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/propaganda-kak-sredstvo-osuschestvleniya-ideologicheskoy-funktsii-gosudarstva> (дата обращения: 02.09.2024).
3. Миронов Б.Н. О нелегитимности советской власти // Новейшая история России. 2022. Т. 12, № 1. С. 8–38.
4. Эллюль Ж.С.Э. Феномен пропаганды / пер. с фр. Г. Шариковой. СПб.: Алетейя, 2023. 410 с.
5. Heiber H. Goebbels. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1965. 393 s.

³ «Направление мусульманской мысли, которое призывает ориентироваться на пример пророка, его сподвижников и праведных предков» [Али-заде, 2007].

⁴ Салафитское религиозно-политическое движение. «Основателем этого движения был Мухаммад ибн Абд аль-Ваххаб (сер. XII/XVIII в.), который проповедовал идеи строжайшего единобожия, отказа от поклонения могилам святых (вали) и святым местам, очищения Ислама от поздних нововведений (бида)» [Али-заде, 2007].

НАБЛЮДЕНИЯ НАД БОГУЧАНСКОЙ И КРАСНОЯРСКОЙ РЕЧЬЮ

OBSERVATIONS ON BOGUCHANSKAYA AND KRASNOYARSK SPEECH

Е.П. Антипина

E.P. Antipina

Научный руководитель А.В. Михайлов
Scientific adviser A.V. Mikhaylov

Ключевые слова: *речь, село Богучаны, город Красноярск, ангарцы, лексика, местные особенности, коммуникация.*

Аннотация. В статье представлены некоторые данные включенного наблюдения над речью современных жителей Богучанского района и Красноярска. Сопоставление красноярских и ангарских текстов иллюстрирует значимость социолингвистических факторов, влияющих на речь.

Keywords: *speech, Boguchany village, Krasnoyarsk city, Angarians, vocabulary, local features, communication.*

Abstract. The article presents some data, including observations on the speech of modern residents of the Boguchansky district and Krasnoyarsk. The comparison of Krasnoyarsk and Angara texts illustrates the importance of sociolinguistic factors affecting speech.

В России, где сосредоточено множество этнических групп и диалектов, наблюдение за речью различных сообществ остается актуальным.

Настоящее исследование посвящено сравнению некоторых аспектов современного речевого поведения жителей Богучанского района и Красноярска – двух территорий, находящихся сравнительно недалеко друг от друга.

К истории ангарского «наречия». Енисейский уезд, а в настоящее время территория отчасти по реке Енисей, отчасти по реке Ангаре, обладает рядом отличающихся черт относительно языка. Ангарская часть характеризуется своеобразными признаками.

Север России являлся основным истоком происхождения русских на Енисее и Ангаре. Поморье давало поток вольных переселенцев – наиболее устойчивый элемент в освоении Сибири. При этом оно не было единственным источником людских передвижений в XVII веке. Поволжье, Юг, Запад и центральные губернии поставляли ссыльных, и не только в XVII веке.

Из торговых и промышленных людей Тотмы, Соли Вычегодской, Великого Устюга и пашенных крестьян Архангельской, Вологодской, Вятской и Пермской губерний формировалось старожильческое население Сибири. Говоры их потомков, расселившихся в последующие века в Сибири, принято называть сибирскими старожильческими говорами. Их устойчивости способствовала малая мобильность населения, о чем свидетельствуют и фамилии жителей, совпадающие

в большинстве своем с именами пашенных крестьян XVII в., и названия населенных пунктов (часто по имени и фамилии первых поселенцев), соответствующие топонимике Русского Севера. Таким образом, в течение полутора веков на этой территории сложилось стабильное ядро русского старожильческого населения, сохранившее этническую и культурную однородность и специфические черты говоров, не имеющих аналогов ни с одним из русских говоров европейской части страны. «...Знание языка предков становится важным средством для культурной самоидентификации ангарцев, это живая ниточка, связывающая ангарцев с родиной. По характерному слову, интонации ангарец сразу угадает земляка» [Карнаухова, 2019, с. 4].

Ангарский говор – язык русских старожилков Сибири – является для ангарцев-кежмарей важным средством их культурной идентификации, особенно в условиях оторванности от малой родины (Кежемский район), которую они вынуждены были покинуть из-за строительства Богучанской ГЭС с конца 1970-х годов по 2014–2016 гг.

«Безвестным народом» назвал своих земляков-ангарцев писатель Валентин Распутин. Официально такого этноса нет, а говор есть, и есть ангарская русскоязычная общность как результат взаимодействия языковых особенностей переселенцев и первопроходцев и более поздних сибирских переселенцев. На Ангаре сложилось ангарское наречие, которое живо до сих пор [Из писем...]. Когда-то здесь пролегла главная дорога из Московии. Но в начале девятнадцатого века весь грузопоток пошел по построенному на юге Сибирскому тракту, а затем и Транссибу. А обосновавшиеся в Приангарье люди остались. Примечательно, что они не познали ни феодального гнета, ни крепостного права. Их даже в рекруты не брали. Боялись, что ссылаемые сюда революционеры вконец испортят вольный народ.

Не зря опасались. В ангарцах до сих пор сохраняется чувство ревностного достоинства и... лихого бунтарства. Ангарцы умеют «в немногие словеса вложить много разума», как говорили древние славяне. Их говор побогаче «официального языка». Образнее. И по своему вокализму превосходство имеет. Присуща ему и грубость в некоторых местах. Но потому он и называется ненормированным живым языком [Там же]. По мнению богучанцев (в беседе с автором данной статьи), речь ангарцев «певучая и тягучая» (по сравнению с речью красноярцев), «протяжная и неторопливая», «идет смягчение слов». Есть специфические («чисто» ангарские) слова и производных от них, например: **лыва** (согласно словарю М. Фасмера, от финно-угор. ‘лужа’) – ‘лужа’, **обмяк** ‘сильно пересолен’; **животник** ‘приспособление для ловли рыбы’; **ярданька** (от Иордань) – (крещенская) ‘прорубь’.

Часто используются вопросительные слова **пашто**, **каво**, **чаво** (производные от что, кого, почему) с употреблением частицы **ли** (**чаво ли приперся**): «Ты **ково** тут делаешь? Оно **кто** **деется**?». Активно используются прозвища, например, Дмитрий **Налим**, Сергей **Ельчик**. Смягчен согласный **к** в существительных и глагольных формах: Ванька – **Ваньк’я**; взглянь-ка – **взгляньк’я**.

Частица **-ка**, постпозитивная в литературном русском языке, с глагола перенесена на местоимение: «подай **мне-ка** молоток».

Частица **-то** может склоняться и изменяться по родам: «Ты **Ванькю-ту** Кутольчиных-**ту** знаешь?». В словарях ангарских говоров можно увидеть и другие примеры: **вай** ‘возглас удивления, недоумения’, **крутячий** ‘о черте характера’ (неровный), **душной** ‘дурной’ (запах), **валек** ‘прямая с рубцами или изогнутая палица, которой бьют, например, при стирке половики’, **варнак** ‘хулиган, разбойник’, **угор** ‘берег’, **паря** ‘парень’, **варначина** ‘хулиганистый (человек), ‘выдумщик’, **малек, живец** ‘наживка’, **макчен** ‘человек прижимистый, с хитрецей’.

В монографии под редакцией О.В. Фельде [Фельде, 2022] и других книгах и статьях можно увидеть и другие примеры.

Как пишет исследовательница, «традиционная старожильческая лингвокультура Северного Приангарья выражается и транслируется преимущественно устными текстами повседневной и коллективно-личностной коммуникации» [Фельде, 2022, с. 59].

По ее мнению, «эстетическое чувство красоты передают не только нарративные тексты, включающие описательные контексты о месте действия, но и тексты экспозиторного типа, в которых рассказчики подробно объясняют, как что-то сделать, приготовить» [Там же].

Ею отмечается мифологичность мышления богучанцев: Река Ангара в народном сознании воспринимается как «**матушка**», «**роженица**», «Ангара жестока к пьяным. Ангара не любит пьяных». «Как река идет, не то что корочку, а калачи кидали даже [чтобы задобрить реку]», «она, Ангара, как роженица-мать».

Красноярск – город с богатой историей и самобытной культурой, которая проявляется самым неожиданным образом, например в языке. Местные жители, словно хранители древних тайн, бережно передают из поколения в поколение свои уникальные слова и выражения, которые невозможно встретить больше нигде. Они любят мысль о том, что в Сибири люди говорят «более чисто», чем в других регионах России. Под «более чисто» имеются в виду яркие диалектные особенности, прежде всего фонетические.

Действительно, в Сибири не окают, как на Севере нашей страны, не якают, как в рязанских, псковских, тульских, орловских говорах. У нас не произносят особое украинское, точнее южное, «г» и твердое белорусское «ч». В Сибири темп речи не такой быстрый, как московский («скороговорка») и без ярко выраженного безударного аканья: **спасиба**, как **ба**. Нет и петербургского подчеркнутого **чт** в словах «что», «чтобы» – в Сибири произносят **што, штобы**. Нет мягких шипящих, как в речи одесситов, и нет их вопросительно-восклицательной интонации.

Жители Красноярска обладают своим особым языком, который отличается от общепринятого русского языка. В школьных и вузовских стенах учебные пары называют «лентами», а в повседневной жизни используют слова, которые не встречаются в других регионах. Кошелек в Красноярске называют **гомонком**, мочалку – **вехоткой**. Это слово произошло от «веха» – «знак», «указатель», рукавицы – **варежками**, рабочие рукавицы – **верхонками**.

Часто красноярцам кажется, что у них нет ярко выделяющихся звучащих примет, по которым опознавался бы сибиряк. Но это не так. Есть одна специфическая лексика: и вездесущее **че**, характерное для всего огромного Сибирского региона, утвердительное «**ну**» вместо литературного «да», «всяко-разно», «то-се» и другие выразительные красноярские слова. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даль говорит о «наречиях русского языка», где описано и «наречие сибирское»: **вошкать** / **вошкаться** ‘медлить’, **запарник** ‘чайник’, **обутки** ‘башмаки’, **сродный** ‘двоюродный’ и др. В целом же, считает великий лексикограф, «в Сибири почти нигде нет картавости или косноязычия какого-либо вида» [Даль, 1852, с. 15]. Так что общий фон звучания сибирской речи действительно не режет слух. Она обладает своей неповторимой и легко узнаваемой мелодией, которую можно распознать. Это звучание порой не слышится и не замечается, потому что живем с рождения в этой речевой стихии.

Автор статьи, будучи уроженкой Богучан, считает, что ангарская речь более живая и настоящая. Различия в речи красноярцев и богучанцев подчеркивают многообразие культурных идентичностей носителей русского языка.

Местные традиции и образ жизни создают своеобразие речи, мировосприятие, а взаимодействие между различными диалектами и заимствования из других регионов обогащают речевую практику, создавая многогранное языковое пространство.

Несмотря на географическую близость ареалов отмечен ряд различий в лексике, фонетике и интонации. Эти различия обусловлены историческими, культурными и социальными факторами.

Библиографический список

1. Даль В.И. О наречиях русского языка. По поводу опыта Областного великорусского словаря. СПб.: Тип. Э. Праца, 1852. 72 с.
2. Из писем Олега Нехаева – о Кежемском говоре на Ангаре до затопления Богучанской ГЭС // Сообщество «Русская этнография». URL: https://vk.com/wall-44814844_4452?ysclid=m3fjcsq7uz1958183910 (дата обращения: 08.11.2024).
3. Карнаухова А.Ф. Краткий словарь Кежемского говора (Кежемского Приангарья). Красноярск: Амальгама, 2019. 152 с.
4. Карнаухова Л.Л. Предисловие // Карнаухова А.Ф. Краткий словарь Кежемского говора (Кежемского Приангарья). Красноярск: Амальгама, 2019. С. 3–4.
5. Фельде О. В., Смирнов Е.С., Васильев В. К. Язык и культура Северного Приангарья в зеркале устного текста. Красноярск: Амальгама, 2022. 303 с.
6. Фельде О. В. Ангарский нарратив как объект исследования // Вестник ТГПУ. 2014. 10 № (151). С. 189–192.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ СИТУАЦИИ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ СТЕНДАП-КОМЕДИИ (СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

PRECEDENT SITUATIONS IN RUSSIAN-LANGUAGE STAND-UP COMEDY (COMPARATIVE ANALYSIS)

Д.Ю. Антонова

D.Y. Antonova

Научный руководитель И.М. Кыштымова
Scientific adviser I.M. Kyshtymova

Ключевые слова: *стендап-комедия, прецедентные ситуации, прецедентные образы, дискурс, юмористический дискурс.*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности юмористического дискурса. Среди разнообразия жанров юмористического дискурса выделяют популярный жанр – стендап-комедия. Отдельное внимание уделяется структурным особенностям построения монолога в стендапе. Важным блоком анализа выступлений служит использование прецедентных ситуаций и образов. В анализируемых видеороликах дается пояснение по использованию «прецедентов» и показывается их культурная значимость.

Keywords: *stand-up comedy, precedent situations, precedent images, discourse, humorous discourse.*

Abstract. The article examines the features of humorous discourse. Among the variety of genres of humorous discourse, a popular genre is stand-up comedy. Special attention is paid to the structural features of the construction of a monologue in stand-up. An important block of speech analysis is the use of precedent situations and images. The analyzed videos explain the use of “precedents” and show their cultural significance.

Важность изучения прецедентных ситуаций в юмористическом дискурсе определяется комплексом научных и социальных обстоятельств. На современном этапе развития гуманитарного знания понятие «дискурс» используют представители различных научных областей. Существование множества определений дискурса связано с его многоаспектностью и статусом «междисциплинарности» в научных исследованиях. Несмотря на многогранность определений, существуют две основные траектории его изучения: с одной стороны, дискурс интерпретируется как речь, которая обладает сложными синтаксическими характеристиками и выражается через языковой инструментарий. С другой – дискурс изучает ментальные процессы участников коммуникации: социальные, этнические, психологические. В соответствии с данными направлениями в рамках данной работы под дискурсом понимается «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, социокультурными, психологическими, прагматическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте» [Арутюнова, 1990].

Среди многообразия дискурсов, особый интерес представляет юмористический дискурс. Юмор – это неотъемлемая часть жизни человека, использование которого показывает культурную и социальную составляющую одного языкового сообщества. В рамках данной статьи, вслед за В.И. Карасиком, под юмористическим дискурсом понимается текст, погруженный в ситуацию смехового общения [Карасик, 1992]. Актуальность исследования определена возрастающим значением юмористического дискурса в медиапространстве, усилением его роли в формировании общественно значимых установок, отношения населения к актуальным событиям.

Юмор с течением лет трансформировался, одни жанры переживали кризис, другие – набирали популярность. За последнее десятилетие в Россию пришел новый вид юмористического дискурса – стендап-комедия. На сегодняшний день у отечественных исследователей не существует четкого и универсального определения стендапа. Опираясь на работы зарубежных ученых в данной области (S. Cooper, A. Källstig), стендап можно определить как особый комедийный жанр, где стендап-комик в виде сольного выступления перед живой аудиторией в смеховой форме делится собственным мнением на злободневные темы. С течением лет за рубежом и в России появились некоторые изменения: стендап-комедия трансформировалась в медиапространство и частично возник «диалог с публикой» для установления и поддержания контакта. Данные изменения связаны с популяризацией жанра (по данным «Яндекс.Афиша» и «Comedy Club Production» за 2020–2024 гг.).

Важным фактором, который делает стендап-комедию популярной и рейтинговой, выступает тематика юмористического монолога. Зачастую стендап-комики выбирают «табуированные» темы, чем и привлекают зрителя, так как «острота» темы позволяет высмеять пороки человека и реалии социальной действительности. Как и любой юмористический жанр, стендап-комедия имеет свою структуру. Важно подчеркнуть, что у представителей разных направлений гуманитарного знания структура будет отличаться. Например, у лингвистов акцент будет смещен в сторону изучения языковых факторов, а у психологов, социологов – внеязыковых, но в самом общем виде структуру стендап-комедии можно представить следующим образом: завязка шутки (подготовительный этап, порождение ожиданий у зрителей), сама шутка, развязка шутки (разрушение ожиданий и смеховая реакция).

Для настоящего исследования особый интерес представляют этапы завязки и развязки шутки, так как зачастую именно в них стендап-комики закладывают элементы «прецедентности». Прецедентная ситуация и образ рассматриваются как коллективная социально-культурная память общества. В самом широком смысле под прецедентной ситуацией и образом понимается всем известная, хрестоматийная история, которая имеет свойство повторяемости и принадлежит к определенной эпохе. В данном исследовании под прецедентной ситуацией (ПС) понимается некая «эталонная», «идеальная» ситуация, связанная с набором определенных коннотаций, дифференциальные признаки которой входят

в когнитивную базу; означаящим ПС могут быть прецедентное высказывание или прецедентное имя [Красных, Гудков и др., 1997].

Итак, для анализа ПС в стендап-комедии были взяты выступления популярных комиков: Елены Новиковой и Надежды Джабраиловой. Важно отметить, что выступления данных комиков были взяты не случайным образом, в них содержится идентичность построения шутки и, как следствие использование ПС. Обратимся к их анализу.

В выступлении Елены Новиковой¹ использовались прецедентные образы и имена. Так, на протяжении всего выступления ярким образом выступает образ «Золушки», который можно идентифицировать по описанной ситуации: *...Обычная женщина, с обычного региона, которую все обманывают: то армяне, то Мавроди, – и на которую вдруг падает олигарх...* В данном отрывке достаточно ярко и точно совпадает образ «Золушки» с описанием современной женщины. Стендап-комик активно показывает отношение к данной ситуации, а точнее, высмеивает ее одновременную типичность и невозможность. В представленном отрывке комик призывает женскую часть аудитории избавиться от иллюзий «поиска принца», а сосредоточиться на имеющейся социальной действительности.

Стендап-комик в своем монологе использовала прецедентное имя – Мавроди Сергей. Использование данного имени было целенаправленным действием демонстрации наивности и доверчивости лиц женского пола. На протяжении всего монолога комик указывает на женское «простодушие» и пытается призвать аудиторию через смеховую реакцию к адекватной оценке социальной действительности.

Особый интерес представляют прецедентные образы, которые «помещены» в один семантический ряд. В отрывке *...Они так и называются (про типичные русские сериалы) любовная любовь, обручальный обруч, медовый инцест или просто: Вера, Надежда и Лидия...* используются православные образы «Вера», «Надежда». Выступающий использовал данный прием для демонстрации религиозной поддержки в ситуациях, которые можно отнести к категории «маловероятные». Важно подчеркнуть, что в один семантический ряд были поставлены «высокие» образы с образом «типичности», вследствие чего была вызвана смеховая реакция. Таким образом, в анализируемом выступлении стендап-комик призывает аудиторию (преимущественно женскую) посмотреть на типичность «эталонных» ситуаций и переосмыслить их в соответствии с изменившимися условиями.

Обратимся к анализу монолога Н. Джабраиловой². В выступлении стендап-комик использует механизм смехового эффекта аналогично выступлению Елены Новиковой: *У меня у мужа все товарищи, даже школьные друзья стали кем-то влиятельным: хирург-онколог, заместитель прокурора, депутат и Юра.* Использование данного элемента не является самостоятельным прецедентом, но коммуникативная ситуация предполагает «хрестоматийность», построенную

¹ URL: <https://ya.ru/video/preview/14698433527342313131>

² URL: <https://ya.ru/video/preview/15352765713316459100>

на использовании нераспространенного имени с целью указания на отличительные особенности (зачастую в худшую сторону). Сопоставив использование приема «семантического ряда» в выступлениях комиков, важно отметить, что данный прием является распространенным и зачастую в один ряд ставят «прецеденты» с «тривиальными» образами. Вместе с тем стендап-комик аналогично предыдущему выступлению использует прецедентное имя – Гудвин. В контексте анализируемого монолога данное имя используется как наименование проводника в мир получения знаний, причем проводник показывает ирреальные пути достижения интеллектуальных «высот». В анализируемых выступлениях важна гендерная ориентация, юмор стендап-комиков направлен на женскую часть аудитории. В указанных монологах выступающие высмеивают лиц женского пола через использование идентичных приемов вызова смеховой реакции у аудитории.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод, что стендап-комедия – это особый вид юмористического дискурса, который позволяет размышлять над современными социальными проблемами, высмеивать пороки человека и призывать аудиторию к поиску путей решения этих проблем. Использование прецедентных ситуаций и образов в русскоязычной стендап-комедии является распространенным методом разрушения традиционных смыслов. Через их разрушение происходит формирование новых установок и ценностей, которые требуют профессионального психолингвистического анализа юмористического дискурса.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137.
2. Карасик В.И. Язык социального статуса: монография. М.: Ин-т языкознания РАН, 1992. 330 с.
3. Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Багаева Д.В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник Московского университета. 1997. № 3. С. 62–85.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА БИЗНЕС-ТРЕНЕРА (НА МАТЕРИАЛЕ СТАТЕЙ И ИНТЕРВЬЮ И. Хакамады)

LINGUISTIC ASPECT OF THE SPEECH PORTRAIT OF A BUSINESS TRAINER (BASED ON ARTICLES AND INTERVIEWS BY I. Khakamada)

М.С. Гурова

M.S. Gurova

Научный руководитель Н.А. Бурмакина
Scientific adviser N.A. Burmakina

Ключевые слова: *речевой портрет, модель речевого портрета, языковая личность, Ирина Хакамада, бизнес-тренер.*

Аннотация. Статья посвящена описанию основных лингвистических характеристик речевого портрета бизнес-тренера. Исследование проведено на материале статей и интервью Ирины Хакамады.

Keywords: *speech portrait, model of a speech portrait, linguistic personality, Irina Khakamada, business coach.*

Abstract. The article is dedicated to description of main linguistic features of the speech portrait of a business trainer. The study was conducted on the basis of articles and interviews by Irina Khakamada.

Определение индивидуальных языковых особенностей носителя языка представляет собой одно из актуальных направлений современной отечественной лингвистики, вписываясь в устоявшуюся антропоцентрическую парадигму. Объектом исследования в этом случае выступает язык отдельной языковой личности, в котором отражаются как уникальные характеристики человека, так и влияние его возраста, происхождения, деятельности на речь. Работы в этой области, по мнению исследователей, позволяют выявить «речевые особенности той или иной социальной группы, к которой принадлежит данный человек, а значит, языковые предпочтения части носителей данного языка» [Есенова, 2020, с. 238].

При описании речевого портрета языковой личности, согласно Т.М. Николаевой, следует «фиксировать яркие диагностирующие пятна», то есть обращать пристальное внимание на специфические характеристики, выделяющие индивида среди остальных носителей языка [Николаева, 1991, с. 73]. В настоящей работе представлены результаты исследования единиц лексического уровня, используемых в речи И. Хакамады.

В рамках нашего исследования мы провели анализ лексикона Ирины Хакамады, чтобы определить основные особенности ее речи и выявить характерные черты словарного запаса бизнес-тренера. В ходе исследования было установлено,

что Ирина Хакамада в своей речи преимущественно использует нейтральную лексику, которая является основой любого языка и не имеет выраженной эмоциональной окраски. Необходимо отметить, что наряду с нейтральной лексикой Ирина Хакамада также активно использует новейшие заимствования, которые являются результатом процесса глобализации и интеграции различных культур. Далее представим список подобных лексем с толкованиями.

1. *Они несут абсолютно другие **месседжи*** – сообщение, послание, которое скрыто, закодировано в той или иной форме (например, в произведении искусства, в артефакте и т.д.) и суть которого открывается только посвященным [Шагалова, 2011, с. 182].

2. *На данный момент я **фрилансер**, это не бизнес* – работник, не входящий в штат организации, компании и приглашаемый для выполнения определенной работы или предлагающий свою работу после ее выполнения (внештатный корреспондент, журналист, писатель, переводчик и т.д.) [Шагалова, 2011, с. 348].

3. ***Ребрендинг** тоже занимает много времени* – нахождение новой позиции для бренда и модификация идентичности бренда, т.е. обновление бренда, изменение одной или нескольких его составляющих (имени товара, упаковки, цены и т.д. или того, как его рекламируют) [Шагалова, 2011, с. 237].

4. ***Селф-брендинг** зависит от тысячи обстоятельств.* Значение лексемы в словарях не зафиксировано, поэтому приведем толкование из Кембриджского словаря, а также представим собственный перевод. Слово образовано от английского «self-branding», где «self-» is used to form words that describe something or someone as doing something themselves (используется для образования слов, которые описывают что-то или кого-то как делающего что-либо самостоятельно) и «branding» – the activity of connecting a product with a particular name, symbol, etc. or with particular features or ideas, in order to make people recognize and want to buy it (деятельность по связыванию продукта с определенным названием, символом и т.д. или с определенными характеристиками или идеями, чтобы люди узнали его и захотели купить) [Branding; Self].

5. *...люди подсели как на наркотик на бесконечные курсы, **ретриты**.* Эта лексема также не представлена в русских словарях, поэтому приведем словарные статьи из Кембриджского словаря с собственным переводом: от английского retreat – a period of time used to pray and study quietly, or to think carefully, away from normal activities and duties – период времени, используемый для того, чтобы спокойно молиться и учиться, либо тщательно что-то обдумывать, находясь вдали от обычных занятий и обязанностей [Retreat].

6. *Все считают, что интуиция – это **инсайт*** – в теории познания, в психологии – «озарение», внезапное понимание чего-л. (часто ощущаемое как интуитивное, неподготовленное предыдущим опытом субъекта проникновение в суть вещей) [Шагалова, 2011, с. 118].

7. *Смотреть **бэкграунд*** – прошлое человека, его происхождение, образование, профессиональная деятельность [Шагалова, 2011, с. 63].

При помощи подобных лексем создается определенный стиль, придающий тексту оттенок современности, кроме того, использование заимствованных слов способствует созданию образа современного и прогрессивного человека, который следит за последними тенденциями и изменениями в обществе. Также заимствования из английского, могут свидетельствовать о социальном статусе или образовании. Иными словами, подобные лексемы являются некими маркерами особого социального престижа. Так, использование слов или фраз из языков, ассоциирующихся с научными кругами, дипломатией, экономикой и т.д. может указать на высокий уровень интеллекта или утонченности автора в глазах аудитории.

Помимо заимствований в текстах, наблюдаются единицы, принадлежащие к пласту разговорной лексики.

1. Ну, если не закроются страны, а вот так будут **трепыхаться** в полудемократическом состоянии.

2. Их просто **натаскивают** на определенные знания.

3. Я в своей длинной жизни **перевидела** всех начальников.

4. ...вся «**оборонка**» на этом держалась.

5. ...но там вряд ли дошли бы до прямой команды «**убрать**» неудобного политика.

Использование разговорных единиц может сделать тексты доступными для более широкой аудитории. Говоря на языке, который клиенты используют в повседневной жизни, бизнес-тренеры могут продемонстрировать, что они понимают опыт и проблемы своих клиентов. Стоит отметить, что И. Хакамада часто приходится излагать психологические идеи, экономические концепции или методы самосовершенствования таким образом, чтобы клиентам было легко их понять и применить в собственной жизни, и разговорная лексика может облегчить этот процесс.

В речевом портрете бизнес-тренера присутствуют примеры, находящиеся за пределами литературного языка. Например, И. Хакамада в своих текстах, в речи использует жаргонизмы:

1. Но я знаю одну бедную семью, где ребенок **офигенный**.

2. Вот буквально **кайф** от нее ловить!; Ловите **кайф** от каждого мгновения; И будет **кайф**, драйв и карьера.

3. Очевидно, первое высказывание принадлежит либо откровенным «**троллям**»...

4. Вас всех, большинство, интересуют тылы, **бабки**, **халява** в любом варианте.

5. Я не была «человеком политической **тусовки**».

Обращение к жаргонизмам позволяет придать текстам коучей определенную выразительность, помогая более ярко передавать эмоции и смысл. Используя красочный и вместе с тем неформальный язык, бизнес-тренеры могут сделать свои тексты более действенными и запоминающимися для аудитории. Употребление жаргонной лексики в тексте может вызвать у читателя интерес к тексту, поскольку это необычно для публицистического стиля. И. Хакамада использует подобные единицы, чтобы сделать свои идеи более доступными и понятными для аудитории.

Кроме того, в текстах бизнес-тренера присутствуют вкрапления просторечных лексем:

1. *У японцев есть закрытая комната с куклой начальника, где они могут хорошенько **отдубасить** такую куклу, пока все эмоции не улягутся.*

2. *Я как представила, что этот огромный корабль будет плыть рядом, я, по моему, **сдохну**.*

3. *Их все **достало**.*

4. *...хотя я занималась проблемами малого бизнеса и к **сваре** с олигархами не имела никакого отношения.*

Прием включения подобных нелитературных единиц в текст преследует сразу несколько целей:

– **установление контакта с аудиторией**: в определенных ситуациях использование неформальной лексики может помочь автору найти общий язык с читателями;

– **привлечение внимания**: жаргонизмы и просторечия обращают на себя внимание, ярко выделяясь в общей структуре всего текста;

– **выражение эмоций или оценки**: с помощью нелитературных слов автор может передавать сильные эмоции, давать оценку описываемым предметам и явлениям.

Таким образом, использование наряду с нейтральной лексикой заимствований, просторечий, жаргонизмов и разговорной лексики является специфической чертой речевого портрета бизнес-тренера. С их помощью коуч, с одной стороны, подчеркивает свой статус эксперта в профессиональной области, а с другой – устанавливает тесный контакт с аудиторией.

Изучение речевого портрета политиков, общественных деятелей, представителей творческих профессий и других публичных личностей является важным направлением в современной лингвистике и социолингвистике. Оно позволяет выявить особенности речи, характерные для определенных социальных групп, профессиональных сообществ и индивидуальных стилей. Результаты исследования лексикона Ирины Хакамады могут быть использованы для дальнейшего изучения речевого портрета публичных личностей, а также для разработки рекомендаций по развитию ораторских навыков и коммуникативных стратегий.

Библиографический список

1. Есенова Т.С., Гольдинова И. К изучению речевого портрета // Трудовой вклад народов юга России в Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: материалы Российской научно-практической конференции, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., Элиста, 26–27 ноября 2020 г. Элиста: Калмыц. гос. ун-т им. Б.Б. Городовикова, 2020. С. 236–240.
2. Николаева Т.М. «Социолингвистический портрет» и методы его описания // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики: доклады Всесоюзной научной конференции. М., 1991. Ч. 2. С. 73–75.

3. Шагалова Е.Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века: ок. 1500 слов. М.: АСТ: Астрель, 2011. 413 с.
4. Branding // Cambridge dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/branding> (дата обращения: 20.10.2024).
5. Retreat // Cambridge dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/retreat> (дата обращения: 15.10.2024).
6. Self // Cambridge dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/self?q=self-> (дата обращения: 20.10.2024).

ФУНКЦИЯ И ВЛИЯНИЕ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ФЕНОМЕНА НА МЕЖКУЛЬТУРНУЮ КОММУНИКАЦИЮ

THE FUNCTION AND INFLUENCE OF THE PRECEDENT PHENOMENON ON INTERCULTURAL COMMUNICATION

Лан Жуй

Lang Rui

Научный руководитель С.П. Васильева
Scientific adviser S.P. Vasilyeva

Ключевые слова: *прецедентный феномен, культура, межкультурная коммуникация.*

Аннотация. «Прецедентный феномен» является важной частью национальной культуры, и в современном быстро развивающемся обществе прецедентные феномены играют незаменимую роль в жизни людей. Только правильно понимая и применяя прецедентные феномены, мы можем точно овладеть языком и национальной культурой и в конечном счете успешно осуществлять межкультурную коммуникацию. В статье в основном рассматривается функция прецедентного феномена, его влияние на межкультурную коммуникацию и стратегии преодоления препятствий на пути межкультурной коммуникации, вызванных прецедентным феноменом, а также раскрывается важность и значимость прецедентного феномена русских персонажей и событий на русском языке.

Keywords: *precedent phenomenon, culture, intercultural communication.*

Abstract. The “precedent phenomenon” is an important part of national culture, and in a modern and rapidly developing society, the precedent phenomenon plays an indispensable role in people’s lives. Only by properly understanding and applying the “Precedent phenomenon” can we accurately master the language and national culture and, ultimately, successfully carry out intercultural exchanges. Russian Russian language This article mainly examines the function of the precedent phenomenon, its impact on intercultural communication and strategies for overcoming obstacles to intercultural communication caused by the precedent phenomenon, as well as reveals the importance and significance of the precedent phenomenon of Russian characters and events in the Russian language.

Прецедентные феномены представляют собой основное средство для передачи национальной культуры из поколения в поколение. Кроме того, прецедентные феномены отражают специфику национального языка, культуры и духа народа. В межнациональном общении важно правильно понимать тот или иной прецедентный феномен, это будет способствовать межкультурной коммуникации и овладению иностранным языком и иностранной культурой. Незнание прецедентных феноменов создает серьезные препятствия для изучающих иностранный язык и часто приводит к неудаче в межкультурной коммуникации.

Рассмотрим функции прецедентных феноменов (ПФ).

В вопросе о функциях прецедентных феноменов многие ученые высказывали различные точки зрения.

Г.Г. Слышкин выделяет номинативную, парольную, персуазивную функции ПФ [Слышкин, 2000, с. 44].

1. Номинативная функция. Прецедентный феномен в русском языке, как и другие языковые единицы, выполняет функцию сегментирования фрагментов действительности и надления их определенным смыслом [Мягкова, 2010, с. 47].

Однако у прецедентного феномена есть свои особенности в реализации номинативной функции. Прецедентный феномен – это эмоционально окрашенное, когнитивное, воспроизводимое и суперперсонализированное явление. Когда он выполняет номинативную функцию, он может не только относиться к людям, вещам и понятиям, но и нести в себе определенные эмоциональные оценки, а также включать базовые знания и когнитивный контент.

Номинативная функция прецедентного феномена заключается в двухслойной информации на содержательном уровне: первая отсылает к реальной информации, а вторая в передаче фоновой информации, когнитивной и эмоциональной. Например. Беликов – главный герой повести А.П. Чехова «Человек в футляре». Это человек, который душит дух свободы и любит доносить. Он создал для себя закрытый мир, который мог бы защитить его от внешнего мира, все его вещи были накрыты чехлами разного размера. В современном русском языке этот художественный образ используется для обозначения тех, кто опасается перемен, новых мыслей и раскованного поведения, приверженцев традиций и всего устаревшего, а также тех, кто предпочитает жить в своем замкнутом мире.

В газете «Комсомольская правда» читаем: «Все меньше становится тех, кто сторонится активной деятельности, кто не участвует в решении важных общественных задач. Если среди нас и появляется “человек в футляре”, то он кажется социальным анахронизмом».

В этом высказывании используется прецедентный феномен «человек в футляре», который используется для осуждения людей, избегающих участия в великих делах своей страны.

2. Парольная функция. В русском языке парольная функция прецедентного феномена на самом деле относится к эмоциональному сопровождающему значению, которое несет в себе прецедентный феномен, то есть говорящий выражает субъективное отношение к описываемым вещам и состояниям. «При использовании прецедентного феномена для выражения, в дополнение к выражению определенной семантической информации, также содержит определенную не-семантическую информацию, то есть эмоциональную информацию» [Мягкова, 2010, с. 47]. В обычных условиях общения люди предпочитают придерживаться «принципа экономии», использовать высокоэффективные и информативные высказывания и наименьшую лингвистическую единицу информации для выражения сложной информации, которую они хотят уточнить. Парольная функция прецедентного феномена, включает: оценку, то есть оценочное отношение говорящего к объекту речи, похвалу или умаление, – эмоции и чувства говорящего; характеристики образа, стиля речи, подчеркивающие определенное намерение, такие как сарказм, насмешка, юмор, остроумие и т.д. Например. Происходит

от исторических названий Баба-Яга и Василиса Прекрасная в сказках. Баба-Яга – это образ свирепой старухи. Современные русские обычно используют это имя для обозначения женщины с крайне порочным и неприятным характером. Василиса Прекрасная – это образ красивой женщины из русской сказки. Она была заколдована Кощеем и превратилась в лягушку, а потом вышла замуж за Ивана-царевича. В современном русском языке это имя используется для обозначения красивой, нежной и доброй девушки. В статье о женском управлении в газете «Комсомольская правда» было написано: «Стоит столько женщине прийти в политику, как она тут же из Василисы Прекрасной превращается в Баба-Ягу». Использование образа Василисы Прекрасной для обозначения женщин до прихода в политику показывает, что автор считает, что женщины до прихода в политику были мягкими и добрыми. Выражается эмоциональное отношение автора к похвале; а использование образа злобной ведьмы Бабы-Яги для описания женщин после прихода в политику показывает, что автор придерживается эмоциональной позиции неприятия.

3. Персуазивная функция. Прецедентный феномен – это явление, которое уже имело место в прошлом и может быть использовано в качестве примера или образца для подражания. Источниками прецедентных феноменов обычно служат персонажи и явления, обладающие определенными характерными чертами. Эти персонажи и явления хорошо знакомы носителям языка и культуры.

Персуазивная функция прецедентного феномена заключается в том, чтобы воздействовать на адресата, используя этот феномен, и тем самым вызвать у него чувство сопричастности. Это делает прецедентный феномен эффективным инструментом для повышения авторитета родного языка.

Использование хорошо известного прецедентного феномена с большей вероятностью вызовет у реципиента психологическую реакцию, что поможет завоевать его доверие и убедить его в чем-либо.

Например, слоган русской водки. Водка «Государев заказ»: на качестве не экономить (Аргументы и факты, 2007). В России довольно распространена форма рекламы, в которой для названия водки используются имена воинов и великих князей. Например, «Юрий Долгорукий», «Иван Калита» и т.д., цель – привлечь внимание людей, завоевать доверие покупателей.

Каково влияние прецедентного феномена на межкультурную коммуникацию?

Вербальная коммуникация – это процесс кодирования и декодирования. Если другая сторона использует прецедентный феномен в вербальной коммуникации, то только при условии правильного понимания его поверхностного значения и глубокой коннотации можно гарантировать бесперебойный процесс коммуникации (Guan Shijie, 1995). «Прецедентный феномен является основным содержанием основ национально-культурного познания и играет жизненно важную роль в межкультурной коммуникации» [Нахимова, 2007, с. 116]. Если получатель информации может хорошо понимать последовательность сведений о персонажах, событиях и явлениях, передаваемых отправителем информации, и может судить об эмоциональном отношении и намерениях отправителя информации,

это может способствовать плавному развитию межкультурной коммуникации. А если наоборот, это приведет к возникновению коммуникативных барьеров.

Положительное воздействие прецедентных феноменов на коммуникацию.

Каждый народ имеет свою уникальную культуру и историю. В процессе межкультурной коммуникации могут возникать различия в понимании [4, с. 35]. Например, в русско-китайской межкультурной коммуникации русские используют какой-либо прецедентный феномен, который отсутствует в лексике или дискурсе китайского языка, это приведет к тому, что китайцы не поймут смысл, который на самом деле хотят выразить русские. Непонимание или отклонение от смысла создадут препятствия для общения между участниками диалога.

Е.Г. Ростова утверждала, что прецедентный текст может быть интерпретирован по-разному. Для этого необходимо учитывать следующие аспекты: 1) содержание текста; 2) возможность трансформации текста; 3) происхождение текста [Ростова, 1993, с. 81].

Вот как, например, некоторые люди характеризуют творчество современного русского писателя Игоря Волгина: «Можно сказать, что он – современный Пушкин».

Александр Сергеевич Пушкин – известный русский поэт, которого называют «солнцем русской поэзии». Его произведения давно завоевали признание на мировой литературной арене и стали бесценным духовным наследием для всего человечества.

В разговоре о межкультурной коммуникации имя Пушкина используется как эталон, когда речь заходит об Игоре Волгине. Это имя вызывает положительные ассоциации и оказывает психологическое воздействие на собеседника, укрепляя взаимное доверие и взаимопонимание.

Негативное воздействие прецедентных феноменов на коммуникацию.

Хотя прецедентный феномен может играть определенную активную роль в процессе межкультурной коммуникации, следует отметить, что большинство прецедентных феноменов имеют этнические ограничения. Все прецедентные феномены делятся на явные и неявные. Некоторые прецедентные феномены, даже если мы не знаем их глубинного смысла, мы можем понять поверхностно, через буквальное значение, в то время как понимание некоторых других прецедентных феноменов должно опираться на обширные культурные знания. Кроме того, разные этнические группы могут по-разному понимать значение прецедентного феномена.

Например, заголовок: «Вот тебе, баба, и льготный день» (Аргументы и факты, 2018). Основное содержание этой статьи заключается в том, что людям, которые должны были пользоваться льготным режимом, в настоящее время трудно получить какие-либо льготные полисы и льготного режима становится все меньше и меньше. Те, кто пользовался льготным режимом в пригородах Москвы, потеряли право на бесплатный проезд. Пенсионеры думают, что они уже находятся на грани бедности. Приведенное в этом заголовке прецедентное высказывания «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день», означает «грядет несчастье».

Если полагаться только на буквальное толкование, совершенно невозможно понять значение его представителя. «Юрьев день» в этом предложении относится к церковному празднику в честь святого Юрия, отмечаемому 26 ноября по древнерусскому календарю. Кодекс 1497 г. предусматривал, что крепостные имели право переходить из дома одного помещика в дом другого в течение недели до и после этой даты. В конце XVI в. это право крепостных на праздник святого Юрия было отменено. Поговорка «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день» часто используется в современном русском языке для обозначения «внезапных трудностей и потери свободы передвижения». Автор репортажа использовал трансформированную форму прецедентного высказывания в качестве названия статьи, что может привлечь внимание читателей. Однако нельзя отрицать, что, если вы не знаете историю возникновения этого прецедентного феномена, вы не сможете понять смысл заголовка.

Из предыдущего анализа можно видеть, что прецедентный феномен может стать препятствием для межкультурной коммуникации. В этом исследовании китайские студенты, изучающие русский язык, были опрошены на предмет их знакомства с прецедентным феноменом, и на основе этого предложены соответствующие решения для преодоления такого препятствия.

Стратегии преодоления в понимании прецедентного феномена, препятствующего межкультурной коммуникации

1. Увеличивать запас знаний.

Персонажи и события являются важным источником прецедентных феноменов, и эти прецедентные феномены хранятся в фундаменте национального знания в закодированном виде. В ходе наших ежедневных занятий мы должны читать много работ о русской культуре и истории и постоянно углублять наше понимание национальной культуры и социально-культурного фона. Как важная часть прецедентного феномена, частота использования прецедентных феноменов персонажей и событий в общении очень высока. Мы должны обращать внимание на использование таких прецедентных феноменов и совершенствовать нашу способность распознавать их и точно понимать смысл, значение и эмоциональную оценку.

2. Совершенствовать свои языковые навыки и навыки межкультурного общения.

Совершенствование наших собственных языковых навыков может помочь нам глубже понять национальную культуру. В то же время из предыдущего анализа также можно извлечь урок о том, что форма использования прецедентных феноменов в процессе вербальной коммуникации не является статичной. Если понимание языка недостаточно глубокое, невозможно идентифицировать прецедентные феномены, которые употребляются в общении, и в конечном счете это все равно приведет к возникновению коммуникативных барьеров. Таким образом, улучшение языковых навыков будет иметь большое значение для снижения барьеров на пути понимания исторических явлений, связанных с людьми и событиями в межкультурной коммуникации.

3. Внедрять в преподавание прецедентные феномены.

Развитие навыков межкультурного общения тесно связано с преподаванием. Соответствующее использование в преподавании прецедентных феноменов, связанных с людьми и событиями, может быть отражено в организации учебных материалов и методах преподавания. Учебные материалы являются основным средством для понимания иностранными студентами русского языка и культуры. Прецедентные феномены, содержащие элементы культурной информации, должны быть включены в учебники и привлекать достаточное внимание в обучении.

4. Составлять словари о людях, событиях и явлениях на русском языке.

Словарь – это не только справочник, но и описание слов и выражений. Словарь представляет толкование, употребление и значение определенного слова в краткой и интуитивно понятной форме. В настоящее время в Китае отсутствует словарь, посвященный прецедентным феноменам. Поэтому составление словаря, связанного с этим контентом, имеет большое значение для преподавания русского языка как иностранного и межкультурной коммуникации.

Библиографический список

1. Мягкова Е.Ю. Прецедентные имена в сознании носителя русского языка // Вестник Московского университета. 2010. С. 43–49.
2. Нахимова Ю.Б. Прецедентные имена в массовой коммуникации // Уральский гос. пед. ун-т; Ин-т социального образования. Екатеринбург, 2007. 207 с.
3. Ростова Е.Г. Использование прецедентных текстов в преподавании РКИ: цели и перспективы // Русский язык за рубежом. 1993. № 1. С. 7–25.
4. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Академия, 2000. 128 с.

ЯЗЫКОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

LINGUISTIC IDENTITY IN THE ERA OF GLOBALIZATION

Е.С. Куколева

E.S.Kukoleva

Научный руководитель А.В. Михайлов
Scientific adviser A.V. Mikhailov

Ключевые слова: *глобализация, языковая идентичность, культура, языковое разнообразие, социолингвистика.*

Аннотация. Автор исследует взаимосвязь между языком и идентичностью в условиях глобальных изменений. Основной целью данного исследования является анализ влияния глобализации на языковую идентичность различных сообществ. В работе применяются качественные методы, включая анализ контент-материалов, что позволяет выявить особенности формирования и изменения языковой идентичности в современных условиях. Результаты показали, что глобализация способствует формированию новых культурных гибридов. Исследование подчеркивает важность сохранения языкового разнообразия как неотъемлемой части культурного наследия в условиях глобальных вызовов.

Keywords: *globalization, linguistic identity, culture, linguistic diversity, sociolinguistics.*

Abstract. The author explores the relationship between language and identity in the context of global changes. The main purpose of this study is to analyze the impact of globalization on the linguistic identity of various communities. The work uses qualitative methods, including the analysis of content materials, which allows us to identify the features of the formation and change of linguistic identity in modern conditions. The results showed that globalization contributes to the formation of new cultural hybrids. The study highlights the importance of preserving linguistic diversity as an integral part of cultural heritage in the face of global challenges.

Время, в котором мы живем, характеризуется невероятной мобильностью, взаимопроникновением культур и языков. Глобализация открывает перед нами новые горизонты, одновременно ставя под угрозу многие элементы нашей культурной самобытности.

Глобализация, представляющая собой процесс углубления интеграции и взаимозависимости экономических, политических и культурных систем на мировом уровне, оказывает значительное и многостороннее влияние на современные языки. Этот процесс, отличающийся свободным потоком информации, товаров, капитала и людей через границы, приводит к различным лингвистическим изменениям и поднимает значимые вопросы относительно сохранения и развития языкового наследия [Влияние..., 2024].

Одним из наиболее видимых проявлений глобализации в языках является распространение английского языка как мирового языка коммуникации. Английский становится доминирующим языком в международных деловых, научных, технических и культурных сферах. Это создает давление на другие языки и может привести к их постепенному вытеснению.

Глобализация также влияет на лексический состав языков. С появлением новых технологий, продуктов и культурных явлений языки активно заимствуют и адаптируют иностранные слова и выражения. Этот процесс называется лексической ассимиляцией и приводит к появлению новых терминов и синонимов в языках.

Глобализация сокращает расстояния, что также способствует более активному контакту различных языков, а также культурному обмену и слиянию, что влияет на языковое разнообразие. Люди, путешествующие и общающиеся с представителями других культур, могут заимствовать и внедрять элементы чужой культуры в свой язык. Это приводит к обогащению и динамике языкового развития, но вызывает опасения относительно сохранения национальных и культурных особенностей.

Примером такого слияния являются международные неологизмы: «интернет», «сайт», «стартап», «криптовалюта» и т.д. Заимствование лексики: «буллинг», «коворкинг», «коливинг», «локация», «рандом» и т.д. Сленг: «лол», «кек», «вайб», «изи» и т.д. Смешанные языки, такие как пиджин – упрощенный язык, который развивается как средство общения между двумя или более этническими группами, говорящими на неродственных или взаимно непонятных языках, а также креольский язык – дальнейшая ступень эволюции пиджина, который постепенно становится родным для значительной части смешанного по происхождению населения.

Глобализация также изменяет представление о языковой идентичности. Люди все чаще сталкиваются с необходимостью использования нескольких языков в повседневной жизни. Это приводит к формированию мультиязычных идентичностей, где люди считают себя частью нескольких языковых и культурных общностей.

Языковая идентичность – это аспект индивидуальной и коллективной идентичности, который определяется и формируется через использование языка или языков, с которыми человек или группа идентифицирует себя. Она включает в себя не только осознание своего языка как средства общения, но и привязанность к культурным, социальным и историческим контекстам, связанным с этим языком. Этот термин также подразумевает сложные взаимодействия между языком, культурной принадлежностью и социальной средой, что делает языковую идентичность динамичным и многогранным понятием, способным изменяться с учетом социальных, политических и экономических факторов, таких как миграция, глобализация и языковая политика [Акавова и др., 2019, с. 3].

Дэвид Кристал в своем труде «Языковая смерть» вычислил, что существует приблизительно 6000 различных языков, на которых люди говорят в мире сегодня, и половина из них исчезнет за следующие двадцать или тридцать лет. Уже 95 % населения в мире говорят на китайском, английском, хинди, испанском, русском языках [Crystal, 2000]. С положительной точки зрения можно смотреть на это развитие и видеть в нем новую возможность улучшения диалога между различными народами земли, где язык и идентичность в эпоху глобализации становится

актуальной темой в современных исследованиях, но мы не должны забывать, что с этими языками исчезают традиции, мифы и знания других народов, целый способ видеть, осознавать и создавать мир. Каждый исчезающий язык – это потеря уникальных взглядов, традиций и историй. Например, язык коренных народов имеет множество слов и выражений, которые отражают их уникальные отношения с природой, и с его исчезновением эта ценная информация уходит навсегда.

Языковая идентичность важна, поскольку она является ключевым компонентом культурного наследия и самосознания, формируя связь человека с его корнями и сообществом. Она способствует разнообразию и богатству человеческой культуры, позволяя передавать уникальные значения, традиции и мировоззрение, которые выражаются через язык. Сохранение языковой идентичности также укрепляет чувства принадлежности, гордости и взаимопонимания среди людей, что особенно важно в многонациональных и многокультурных обществах, где уважение к различиям может способствовать гармонии и сотрудничеству.

Сохранение языковой идентичности в условиях глобализации – это сложная задача, но она важна для поддержания культурного разнообразия. К ряду таких мер относятся внедрение программ, которые поддерживают изучение родного языка в школах и университетах, создание учебных материалов на родном языке и подготовка преподавателей, способных вести уроки на этом языке.

Также важна поддержка культурных мероприятий, таких как фестивали, выставки и театральные представления на родном языке разных культур.

В цифровую эпоху осуществляется разработка контента на родном языке в интернете, включая сайты, блоги, подкасты и видео. Социальные сети могут быть использованы для соединения носителей языка и их активной практики.

В заключение необходимо подчеркнуть важность понимания языковой идентичности как динамичного и многослойного процесса. В эпоху глобализации у нас есть шанс не только сохранить, но и обогатить нашу идентичность, используя все доступные ресурсы. Мы должны позаботиться о том, чтобы в нашем стремлении к единству и взаимопониманию не потерять богатство языкового разнообразия, которое делает наш мир уникальным.

Библиографический список

1. Акавова А.И., Хочавова Ю.У., Исаева Р.И. Язык и идентичность в эпоху глобализации // Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 4. С. 3–4.
2. Влияние глобализации на развитие современных языков // Fastfine. Сайт. 2024. URL: [https://fastfine.ru/readyworks/referaty/filologiya/vliyanie-globalizacii-na-razvitie-sovremennyh-yazykov#:~:text=Глобализация % 20также % 20способствует % 20культурному % 20обмену,чужой % 20культуры % 20в % 20свой % 20язык.](https://fastfine.ru/readyworks/referaty/filologiya/vliyanie-globalizacii-na-razvitie-sovremennyh-yazykov#:~:text=Глобализация%20также%20способствует%20культурному%20обмену,чужой%20культуры%20в%20свой%20язык.) (дата обращения: 26.10.2024).
3. Crystal, D. Language death [Языковая смерть]. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. Pp. 208. Digital resource. URL: <https://doi.org/10.1177/13670069010050030401> (дата обращения: 26.10.2024).

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ТЕКСТОВ, СГЕНЕРИРОВАННЫХ *ChatGPT* (НА ПРИМЕРЕ ТЕМЫ «ЛЕГКО ЛИ БЫТЬ МОЛОДЫМ» ИЗ УМК М.М. РАЗУМОВСКОЙ, 8-й КЛАСС)

ABOUT SOME PROBLEMS WITH TEXTS
GENERATED BY *ChatGPT*

(USIN THE TOPIC AS AN EXAMPLE “IS IT EASY TO BE YOUNG?”
FROM M.M. RAZUMOVSKAYA’S TRAINING
AND METODOLOGY COMPLEX, 8TH GRADE)

А.В. Седова

A.V. Sedova

Научный руководитель Е.В. Осетрова
Scientific adviser E.V. Osetrova

Ключевые слова: *ChatGPT, сгенерированные тексты, коммуникативный подход, УМК М.М. Разумовской, 8-й класс.*

Аннотация. Статья посвящена анализу языковых характеристик текста, сгенерированного ChatGPT. В качестве материала исследования отобраны тексты, созданные искусственным интеллектом на заданную тему – «Легко ли быть молодым?».

Keywords: *ChatGPT, generated texts, communicative aspect, M.M. Razumovskaya’s training and methodology complex, 8th grade.*

Abstract. The article is devoted to the analysis of the language characteristics of the text generated by ChatGPT. The research material includes texts created by artificial intelligence on a given topic – “Is it easy to be young?”

В современных условиях одним из основных и легкодоступных источников информации становится информационная база сети Интернет. Роботизированные самообучаемые системы, так называемый искусственный интеллект, как часть ее инструментария способны обрабатывать текстовые продукты, созданные на базе различных знаковых систем, анализировать текстовое содержание, определять его семантику, релевантную для каждого конкретного случая. При этом динамика подобных процедур по качеству и скорости многократно опережает мыслительную деятельность человеческого мозга [Воейкова и др. 2023].

Под **искусственным интеллектом** здесь понимается «способность технической системы имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных практически значимых задач обработки данных результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека» [ГОСТ, 2020].

Несмотря на все обозначенные выше положительные и результативные характеристики искусственного интеллекта, использование нейросети привело к появлению проблем и трудностей в ряде предметных областей. Выделим три из них: образование, прикладную лингвистику и медиапространство.

К текстам медиа в качестве ключевых предъявляются требования четкости и конкретики, в частности преобладание доли фактуальности изложения, избегание канцеляризма и клишированных конструкций, умеренное использования синонимии. Сгенерированные тексты не всегда отвечают соответствующим критериям.

В сфере прикладной лингвистики, занимающейся в том числе идентификацией человека по голосу и речи, соответствующая проблематика связана не только с феноменом искусственно создаваемого текста, который в потенциале может содержать следы речевых преступлений, но и со стремительно расширяющимися возможностями подражания голосу индивида, его манере общения в целом. Синтезированная речь становится все более трудно отличимой от естественного ее варианта. Так, на данном этапе развития искусственного интеллекта специалисты сталкиваются с копированием речи человека в аспекте перцептивных характеристик, а также на фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях языка. В сложившейся ситуации в качестве важнейших маркеров дифференциации естественной и сгенерированной речи следует рассматривать ее коммуникативные и синтаксические характеристики.

Наконец, в сфере среднего общего и профессионального образования ключевой проблемой сегодня является частичное и/или полное делегирование обучающимися написания текстов различных жанров (школьные сочинения, эссе, курсовые работы, выпускные квалификационные работы и др.) искусственному интеллекту. Типична ситуация, когда, получая такой текст, обучающиеся некритично относятся к его содержанию и структуре, не проводя его анализ и правку.

Исходя из всего вышесказанного, исследование практического «поля» применения языка при генерации текстов искусственным интеллектом становится актуальным, более того, необходимым, удовлетворяя запросы социума.

В границах данного исследования проведена работа над текстами, сгенерированными по одной из школьных тем, задаваемых УМК, под редакцией М.М. Разумовской за 8-й класс «Легко ли быть молодым?». Актуальная выборка составляет 12 текстов в жанре сочинения, созданных тремя ботами ChatGPT4.

Важно отметить, что искусственный текст (текстовый материал, созданный нейросетью) в последние годы регулярно становится объектом научного внимания. Его лингвистические особенности с разной степенью тщательности, глубины и на основе разнообразных методологий и методов изучаются на языковом материале. Например, в работах К.А. Студеникиной рассматривается способность нейронных сетей к моделированию грамматики русского языка [Студеникина, 2022]. Н.А. Багрова изучает возможности нейросети применительно к воспроизведению и преобразованию идиоматических выражений русского языка, а также практическое применение данных разработок в сфере преподавания РКИ

[Багрова, 2024]. В работах Р.Е. Тельпова и С.В. Ларциной – с учетом принципов компаративистики и количественного варьирования – внимание акцентировано на употреблении слов различных тематических групп в сгенерированной и естественной речи [Тельпов, Ларцина, 2023].

А.Р. Айдагулова конкретизирует особенности созданных ChatGPT текстов, выделяя среди прочих: 1) повторы словосочетание и слов; 2) повторение одной и той же мысли в разных предложениях; 3) отсутствие связи сгенерированного фрагмента с остальным текстом; 4) поверхностные примеры; 5) искажение фактов, наличие недостоверной информации; 6) отсутствие цитат [Айдагулова, 2023].

Проиллюстрируем наличие первых двух из приведенных характеристик на следующих примерах из отобранных текстов сочинений, созданных нейросетью. Ср.: *Молодость – это время безграничных возможностей и энергии. <...> С одной стороны, молодость дарует свободу и возможность экспериментировать; Не менее важным аспектом молодости является поддержка со стороны близких. Друзья и семья играют важную роль в нашей жизни, помогая справляться с трудностями и разделять радости. Данное наблюдение справедливо не только в отношении лексических повторов, но и повторов синтаксических конструкций. Ср.: *Вопросы о выборе профессии, построении отношений и ожиданиях окружающих могут вызывать тревогу и неуверенность. <...> Конкуренция на рынке труда, необходимость получать образование и стремление к финансовой независимости могут создавать давление.**

Отметим, что даже при использовании команд «напиши по-другому», «напиши другими словами», «напиши иначе» итоговые варианты имеют весьма небольшое перифрастическое разнообразие.

В отдельный блок языковых несоответствий автор статьи выделяет отклонения, связанные с нарушением сочетаемости слов по линии предсказуемости/непредсказуемости, необходимости/факультативности синтаксической связи. К примеру: *бытие молодым сопряжено с рядом трудностей и испытаний; мы имеем возможность путешествовать; молодость предоставляет нам свободу выбора; конкуренция на рынке труда, необходимость получать образование и стремление к финансовой независимости могут создавать давление.*

В процессе анализа материала обнаружена, кроме того, целая серия характеристик сгенерированных текстов, связанных с их коммуникативной структурой.

Так, выделенным признаком искусственных текстов является «закольцованность» одной и той же темы, то есть повтор темы без ввода рематического компонента. Например: *Неуверенность в себе, страх неудачи, давление со стороны общества, желание быть «как все» – все это давит на плечи молодого человека. Ты стоишь перед выбором: быть собой или подстроиться под ожидания? Мир полон соблазнов, сложностей и противоречий. Ты сталкиваешься с непониманием родителей, с давлением сверстников, с неуверенностью в будущем*. Данная иллюстрация демонстрирует еще одну особенность сгенерированных текстов – наличие множества рем, ни одна из которых в дальнейшем не трансформируется в тему и не продолжает таким образом свое текстовое развитие.

Коммуникативным по природе следует признать и нарушение исходной целеустановки текста. В одном из текстов в заключительной части отмечены побудительные конструкции, тогда как заданная тема их наличие не подразумевает: *Не бойтесь трудностей, не сдавайтесь. В каждом новом дне вас ждет новое открытие, новый опыт, новая возможность. Будьте смелыми, дерзайте, творите, и тогда молодость станет для вас не временем испытаний, а временем раскрытия своего потенциала и поиска своего собственного счастья.*

В целом проблему соответствия/несоответствия сгенерированных текстов «естественной» языковой норме и связанные с этим задачи их идентификации, поиска специфических характеристик и признаков «искусственности» следует признать важными и требующими разрешения в условиях современной социальной практики.

Библиографический список

1. Айдагулова А.Р. Особенности текстов, сгенерированных искусственным интеллектом // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. 2023. № 4. С. 154–156.
2. Багрова Н.А. *Ежу понятно*: идиоматические выражения русского языка глазами нейросети // Бархударовские чтения, РАУ. 2024. № 1. С. 25–28.
3. Воейкова А.А., Долгова Е.Г., Данилина Е.А., Федорова А.В. Инновационные исследования в области семантики и семиотики // Современное педагогическое образование. 2023. № 2. С. 230–234.
4. ГОСТ Р 59276-2020. Системы искусственного интеллекта. Способы обеспечения доверия. Общие положения: утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 23 декабря 2020 г. № 1371-ст: дата введения 2021-03-01. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200177291> (дата обращения: 22.10.2024). Текст: электронный.
5. Русский язык 8 класс: учебник / М.М. Разумовская, С.И. Львова, В.И. Капинос, В.В. Львов. М.: Дрофа, 2019.
6. Студеникина К.А. Оценка языковой способности нейронных моделей на материале предикативного согласования в русском языке // Труды Института системного программирования РАН. 2022. № 34 (6). С. 179–184.
6. Тельпов Р.Е., Ларцина С.В. Типовые различия естественных и сгенерированных нейронной сетью текстов в квантитативном аспекте // Научный диалог. 2023. Т. 12, № 7. С. 47–65.

ТРИГГЕРНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫМ МНЕНИЕМ¹

TRIGGER STATEMENTS AS A TOOL TO MANAGE PUBLIC OPINION

А.А. Струзик, Г.А. Цатурян

A.A. Struzik, G.A. Tsaturyan

Ключевые слова: *речевой триггер, триггерные высказывания, окно Овертона.*

Аннотация. В статье на материале медиадискурса о квадроверах доказывается, что триггерные высказывания, являясь способом влияния на эмоции людей, непосредственно участвуют в формировании социальной оценки как главного компонента общественного мнения. Они отвлекают внимание от других проблем, продвигают новую идеологическую установку и, главное, способны поляризовать российское общество.

Keywords: *speech trigger, trigger statements, Overton window.*

Abstract. The article based on the media discourse on quadrovers proves trigger statements to be a way to influence people's emotions, directly participate in the formation of social assessment as the main component of public opinion. Such statements divert attention from other problems, promote a new ideological attitude and are capable of polarizing Russian society.

Проблема формирования общественного мнения во все времена была одной из самых актуальных, и она не может не волновать ученых в эпоху информационно-психологических и когнитивных войн, поскольку имеет отношение к вопросу о власти. Лингвистический аспект проблемы связан с изучением языка как средства влияния на людей и конструирования социальной действительности: именно «язык используется для создания и поддержания властных отношений и, как следствие, является средством контроля и управления обществом» [Мельничук, Стародубцева 2022, с. 63]. Поэтому исследование воздействия с помощью языка по-прежнему актуально.

Объект нашего изучения – высказывания, вызывающие у адресата такие ценностные ассоциации и эмоциональные переживания, которые могут способствовать переосмыслению события/явления и тем самым мотивировать на совершение какого-либо действия, поступка. Такие высказывания мы называем триггерными [Копнина и др., 2024, с. 924]. Примером может служить высказывание *Правительство решило повысить зарплаты бюджетникам на 5,1 %* (<http://surl.li/ermhdx>), которое запускает обсуждение соответствующей проблемы и формирует социальную оценку действиям правительства. В публичной коммуникации, по нашим наблюдениям, триггерные высказывания могут служить инструментом управления общественным мнением.

¹ Исследование осуществляется за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01350 (<https://rscf.ru/project/24-28-01350/>).

В качестве объекта общественного мнения (того, по поводу чего оно складывается) выбраны квадроберы, поскольку о них сейчас много говорят и пишут в дискуссионном ключе.

Источником материала исследования послужили массмедийные тексты, объединенные темой, связанной с избранным объектом мнения.

Цель статьи – на материале дискурса о квадроберах доказать, что триггерные высказывания, являясь способом влияния на эмоции людей, их переживания, непосредственно участвуют в формировании социальной оценки как «главного компонента общественного мнения» [Кирсанова, Гонашвили, 2021, с. 10].

Социологи утверждают, что социальная оценка вырабатывается на базе двух компонентов: рационального (это информированность людей, т.е. «обладание ими определенными сведениями как об объекте оценки, так и о различных событиях, фактах и т.д., связанных с ним») и чувственного, или эмоционального (он «определяет выразительность общественного мнения, придает общую направленность переживаемым в нем идеям, взглядам, знаниям») [Кирсанова, Гонашвили, 2021, с. 10]. Триггерные высказывания в силу их влияния на эмоции непосредственно участвуют в формировании чувственного компонента.

Прежде чем перейти к изложению результатов исследования, отметим, что изначально квадробика (от лат. *quattuor* – «четыре» и англ. *aerobics* – «аэробика») возникла как неформальный вид спорта, подразумевающий уподобление животным за счет передвижения на четырех конечностях на определенные дистанции. Этот вид спорта нашел широкое распространение сначала за рубежом, причем среди детей и подростков в возрасте 7–14 лет. Людей, занимающихся квадробикой, называют квадроберами (КВД). Увлечение превратилось в игру и стало проникать в неигровые сферы жизни. С появлением идентифицирующих их атрибутов (маски животных, ушки, хвосты и т.д.) в медиа стали говорить о рождении «новой субкультуры». В этом году идеология квадроберства активно обсуждается в российских СМИ, и возникает вопрос «почему?».

Таким образом, термин «квадробер» в переносном значении обозначает человека, поведение которого по каким-либо признакам (игровым/неигровым) уподобляется действиям и повадкам животного.

Триггерные высказывания сыграли важную роль в популяризации движения квадроберов с помощью «окна возможностей Овертона». Эта технология активно используется актерами как инструмент разрушения базовых традиционных ценностей, в частности российской семьи [Мишучкова 2019], для подмены их на ценности деструктивные. Она предполагает поэтапное продвижение в дискурсе какой-либо немислимой, т.е. не принимаемой обществом, идеи до ее признания на законодательном уровне.

Интересно, что в дискурсе о квадроберах первый (нулевой) этап, связанный с привыканием, оказался очень коротким: *квадробер* как наименование участников спорта выступило своего рода нейтрализатором возможной негативной реакции на развитие молодежной субкультуры. Если посмотреть статистику поисковых запросов (Wordstat), тема квадроберов начала интересовать людей

с 10 октября 2022 г. В 2023 г. наблюдается рост запросов: 1200 в сентябре, 6000 в ноябре, 12 000 в феврале, 200 000 в мае, 435 000 в августе и 1 324 000 в сентябре. Формируется рациональный компонент общественного мнения о квадро-берах и переносное значение слова.

На втором этапе идея переходит в разряд «радикальных». Появляются триггерные заголовки о нападении квадроберов на прохожих или других животных. Поскольку однотипные заголовки почти одновременно (с небольшой разницей) появляются в разных городах России, о них можно говорить как об организованных вбросах, например: *Квадроберы нападают на людей. Чем опасно новое развлечение вартовских детей?* (<https://muksun.fm/news/2024-06-04/kvadrobery-napadayut-na-lyudey-chem-opasno-novoe-razvlechenie-vartovskih-detey-5101199>), *Дошло уже и до этого: Квадробер напал на депутата* (<https://cont.ws/@zrenoes/2909513>); *«Представилась собакой»: Девочка-квадробер укусила ребенка на детской площадке в Краснодаре* (<https://www.kuban.kp.ru/daily/27642/4992440/>); *В Николаеве квадробер сбил велосипедиста* (<https://www.yaplakal.com/forum3/topic2833276.html>) и другие. Эти заголовки являются триггерными, поскольку направлены на формирование отрицательных оценок и эмоций (от неодобрения до негодования), о чем свидетельствуют комментарии в разных сообществах, например: *Это же умственно отсталые?; Как легко проходит дебилизация человека* 🙄 (<https://www.yaplakal.com/forum3/topic2833276.html>). В адрес квадроберов используются различные негативаторы (ярлыки, инвективы и т.д.): *квадробика головного мозга, агробиеры, детский БДСМ, кусачие, сбежавшие пациенты из больницы Кащенко, сбежали из дурки*.

В результате развития дискуссионного дискурса квадроберы подразделяются на «правильные» (агроквадроберы, агрКВД) и «неправильные», которые «заигрались» и являются угрозой социуму, то есть создается «градация серого». Например: *Сходки, буллинг и фейкньюс: чем живут настоящие квадроберы* (<https://media.2x2tv.ru/quadrobery/>). Обычно на этом этапе создается эвфемистическое название, но в случае квадроберов используется аббревиатура КВД.

Чтобы еще больше «подогреть» интерес, о квадроберах говорят уже не только массмедиа, но и представители научных областей знания, эксперты, политики и т.д. Например, *Психиатр объяснила, когда квадробика может быть опасна для детей* (<https://news.ru/society/psihiatr-obyasnila-kogda-kvadroberika-mozhet-byt-opasna-dlya-detej/>). Обратим внимание, что высказывание не констатирует факт, а выражает мнение, дает интерпретацию явления. В дискуссиях ставится под сомнение сам факт немыслимости идеи, например: *Короче, там сказано, типо какими родителями будут они? ДА ОБЫЧНЫМИ! Забудут про это и станут нормальными; Люди, поймите, квадробика по сравнению с избиванием детей и порчи личного имущества – это еще нормально* (<https://t.me/Kvadroberri>); *А что здесь не здорового? Ну дети кисами претворяются. Мы в детстве тоже претворялись мушкетерами, роботами или ниндзя. Ничего в этом страшного не вижу* (https://vk.com/video-41811107_456246229).

На третьем этапе делается попытка перевести идею в разряд «приемлемое» («возможное»). Рассказывают, что из-за непонимания и страха представители квадробики подвергаются унижениям, что можно увидеть на примере формирования онлайн-сообществ в поддержку квадроберов. Но появляются и сообщества противников (антиквадроберов). Тех, кто выступает против квадроберов, начинают клеймить как противников толерантности и т.д.

Четвертый этап – «разумное» («рациональное») – связан с созданием «поля боя» за проблему и оправданием явления. Так, очень много оправдывающих комментариев дается под постами про красноярского учителя-квадробера. Выходит спецвыпуск ТВК о квадроберах. Это поле помогает сдвинуть идею в разряд «популярное».

На этапе «популярное» появляются песни, клипы, мемы, анекдоты и другие развлекательные и малоформатные жанры. Например: вывеска на двери магазина «можно с квадробером», товары на маркетплейсах с пометой «для квадроберов». Далее тема входит в сферу актуальной политики, о чем свидетельствуют заголовки новостей, которые вы видите на слайде.

На последней стадии «окна Овертона», даже если идея не продвинется до легализации, общество уже поляризовалось и было отвлечено от других проблем (повышения цен, например).

Заключение. Таким образом, триггерные высказывания в публикациях масс-медиа по тематике квадроберства, с одной стороны, отвлекают внимание и служат импульсом передачи и закрепления в общественном сознании деструктивных смыслов, с другой – являются маркером перехода от одной стадии «окна Овертона» к другой. Целевое воздействие на общественное мнение посредством этой технологии продвигает определенные идеологические установки, сопровождается эмоциональным давлением и способно привести к значимым социальным, культурным, политическим изменениям и спровоцировать долгосрочный эффект поляризации российского общества.

Библиографический список

1. Кирсанова Н.П., Гонашвили А.С. Технологии управления общественным мнением: учебное пособие. СПб.: Университет при МПА ЕврАзЭС, 2021. 66 с.
2. Копнина Г.А., Роу (Забродина) А.Н., Цатурян Г.А. Триггерные высказывания как объект лингвистических исследований: проблема определения и критерии идентификации // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2024. № 17 (5). С. 916–925. EDN: QJRUGR.
3. Мельничук М.В., Стародубцева Е.А. Использование языка как инструмента управления обществом (опыт зарубежных стран) // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. № 12 (6). С. 63–71. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-63-71
4. Мишучкова А.В. Технология «Окна Овертона» как инструмент разрушения базовых традиционных ценностей российской семьи // Медиа. Информация. Коммуникация. 2019. № 28. С. 1–7.

СОДЕРЖАНИЕ ОБЩЕНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ ТЕКСТОВ О РУССКОМ ЯЗЫКЕ

THE CONTENT OF COMMUNICATION IN THE SPACE OF POPULAR SCIENCE TEXTS ABOUT THE RUSSIAN LANGUAGE

К.Н. Шахура

K.N. Shakhura

Научный руководитель Е.В. Осетрова
Scientific adviser E.V. Osetrova

Ключевые слова: *содержание общения, научно-популярные тексты, научный объект, лексика, семантика, языковые явления, грамматические вопросы.*

Аннотация. В статье представлен анализ содержательного аспекта общения в научно-популярных текстах на материале сборника «Сто текстов о языке». Цель работы заключается в выявлении типичных объектов внимания и обсуждения лингвистов-популяризаторов. Методологической основой исследования становятся при этом анализ и синтез, обобщение и систематизация полученной информации. В результате выявлено, что основу содержательного компонента лингвистического научно-популярного текста составляют наблюдения за лексическим уровнем (слова, категории слов) и грамматикой, а также семантический анализ языковых единиц (новые значения, модификация имеющихся значений слов). Менее частотными объектами лингвистов-популяризаторов оказываются фонетические единицы, а также орфоэпическая и пунктуационная проблематика.

Keywords: *communication content, popular science texts, scientific object, vocabulary, semantics, language phenomena, grammatical issues.*

Abstract. The article presents an analysis of the substantive aspect of communication in popular science texts based on the material of the collection “One Hundred Texts about Language”. The aim of the work is to identify typical objects of attention and discussion of linguists-popularizers. The methodological basis of the study is the analysis and synthesis, generalization and systematization of the information obtained. As a result, it was revealed that the basis of the substantive component of a linguistic popular science text is observations of the lexical level (words, categories of words) and grammar, as well as semantic analysis of language units (new meanings, modification of existing meanings of words). Less frequent objects of linguists-popularizers are phonetic units, as well as orthoepic and punctuation issues.

В статье представлен анализ содержательного аспекта общения в научно-популярных текстах на материале сборника «Сто текстов о языке» [Сто текстов..., 2021]. Цель работы заключается в выявлении типичных объектов внимания и обсуждения лингвистов-популяризаторов.

Анализ показал, что преимущественно внимание лингвистов-популяризаторов сосредоточено на **слове**. В фокус научно-популярного внимания, как правило, попадают актуальные слова и их словоупотребление, которые нередко

рассматриваются с учетом морфологических категорий, их «обслуживающих», а также в контексте морфемного, словообразовательного семантического и коммуникативного анализа. Приведем несколько конкретных примеров.

Частотны случаи, когда содержание научно-популярного анализа составляет целое лексических групп слов; имеются в виду:

– агнонимы, способные стать причиной коммуникативной неудачи; опасность их употребления состоит не только в их неверном понимании/употреблении, но и в неправильном словоизменении агнонима, образовании от него не существующих в речевой практике дериватов;

– омофоны, так же как и агнонимы, рассматриваемые с учетом коммуникативной ситуации: их неразличение приводит к риску быть непонятым;

– регионализмы, важные для понимания языковой практики жителей разных регионов России и разнообразия русского языка.

Однако в большинстве случаев авторы-популяризаторы сосредоточены все же на конкретных лексемах. В фокусе внимания лингвистов-популяризаторов часто оказываются слова, способные вызвать массовый интерес читателей в связи с весьма ощутимым эмоционально-оценочным потенциалом, заключенным в их семантике. При этом рассуждения о словах «галиматья», «белиберда» и под., обозначающих что-либо бредовое, абсурдное, совмещены с изложением неоднозначной и вызывающей много вопросов историей их происхождения.

Типичным объектом филологического внимания в границах исследуемого материала становятся лексические единицы, которые используются общественностью в живой обиходной речи, к примеру: *по кочану, от верблюда, в Караганде*. Их предназначение в речи – реализация функции фразеореplik: отклонение вопросительной реплики как неуместной, нежелание отвечать на вопрос, замена табуированной лексики.

Для авторов научно-популярного текста важно, как видно, активизировать у читателя отношение сопричастности к языковому объекту и языку в целом. С учетом этого понятно, почему предметом научно-популярного комментария могут становиться те или иные языковые явления, которые составляют ежедневное существование самой широкой аудитории. В данном контексте внимание уделено явлению «спунеризма», своеобразному, часто произвольному процессу, состоящему во взаимной замене частей слов, связанных в пределах одного словосочетания и расположенных рядом. Употребление в речи *филиного кури* вместо *куриного филе*, *мачки пасла* вместо *пачки масла* и т.п. создает, кроме прочего, и эффект каламбура.

Важный аспект, раскрывающийся на лексическом материале, – семантические комментарии значений слов и их взаимосвязей; см., например, один из фрагментов книги «Сто текстов о языке» посвященный концепту *хипстер*. Семантический анализ может проходить и с подключением операций сравнения и сопоставления. Так, в текстах «Как кошка может стать банкой», «Как гривы превратились в лес и горы» их авторы делятся с аудиторией размышлениями об этимологической и содержательной связи между словами, различными по их

актуальным значениям, с опорой на сведения из толковых, энциклопедических и этимологических словарей.

Эволюция значения конкретного слова, выбранного филологом в качестве объекта обсуждения, также дает почву для семантических комментариев. Так, для В. Пахомова как председателя филологического совета «Тотального диктанта» значимым оказывается слово *диктант*: рассуждения касаются изменения значения слова в исторической перспективе: от 'диктовки' к 'школьному упражнению' и до 'масштабной образовательной акции по проверке знаний в какой-либо области' (Тотальный диктант).

Слова приобретают новые значения и с развитием различных технологий. Например, исконно русским словом *мать* в связи с появлением в стране персонального компьютера стали называть одну из его комплектующих частей – *материнскую плату*.

Иногда семантический анализ касается не единичных слов, а целых лексических групп: так организовано рассуждение о соотношении в русском языке слов с положительной и отрицательной семантикой. Е. Тупицына, поднимающая эту тему, обращает внимание читателей на то, что в русском языке множество «хороших» глаголов, при том что «некоторые словообразовательные модели продуктивны именно для образования слов», называющих носителя, лишённого того или иного признака [Сто текстов..., 2021, с. 204].

Значительная часть содержания анализируемых текстов посвящена **грамматическим вопросам**.

Словообразовательный уровень оказывается затронутым, в частности в процессе рассуждений над такими словами, как «молочка», «кондитерка», «канцелярка», образованными от *молочная продукция, кондитерские изделия, канцелярские товары*. Данные слова образованы по продуктивной словообразовательной модели (ср.: *электричка, открытка*), однако воспринимаются многими носителями как отклонение от норм литературного языка. Причина отрицательного отношения общества к таким словам заключается в их новизне – относительно небольшом временном периоде, который они существуют в языке: «Можно не сомневаться, что придет время, когда слово *молочка* – если, конечно, оно закрепится в языке – будет совершенно спокойно восприниматься всеми или почти всеми его носителями» [Сто текстов..., 2021, с. 159]. Об образовании слов, о возникновении производных слов от личных имен собственных задумывается и В. Пахомов, отмечая появление в русском языке у существительных особой звательной формы *Лен!*, *Саши!*, *Петь!*, повлекшей за собой орфографические трудности, связанные с написанием мягкого знака на конце слова после шипящих.

Морфологическое знание как часть грамматики популяризируется, когда авторский интерес сосредоточен на определении частеречной принадлежности языковой единицы *в смысле* (существительное с предлогом? / производный предлог? / служебная единица в союзной функции?). Без филологического внимания не остается также вопрос о «несклоняемости» именных частей речи: с развитием языка «постепенно перестает склоняться то, что раньше очень хорошо

склонялось» [Сто текстов..., 2021, с. 96], например, это касается составных количественных числительных.

Показательно, что вопросы **пунктуационной, орфоэпической и фонетической грамотности** затронуты в «Ста текстах о языке» в наименьшей степени: автор статьи выявил лишь по одному случаю обращения к этим предметным областям в аспекте нормы. Пунктуационная тема связана с использованием запятой после формальных реплик *С уважением, Искренне ваш* и *С наилучшими пожеланиями*; при этом автор статьи проявляет себя как некатегоричного субъекта, оставляющего решение нормативной проблемы за читателем: «Именно за вами остается решение о том, ставить запятую или нет». Фонетический вопрос касается четырех типов «мутаций» [Сто текстов..., 2021, с. 58], происходящих на звуковом уровне: когда один звук меняется на другой по той или иной внешней причине; когда меняется внутренняя структура слова; когда количество звуков уменьшается или увеличивается. Наконец, орфоэпическая тема, размышления над которой опираются на закон аналогии и закон экономии речевых усилий, организована вокруг прогноза о смене акцентологической нормы для слова *звонит*.

В результате выявлено, что основу содержательного компонента лингвистического научно-популярного текста составляют наблюдения за лексическим уровнем языка (слова, категории слов), лексико-семантическим устройством языка (новые значения, модификация имеющихся значений слов) и грамматикой. Менее частотными объектами лингвистов-популяризаторов оказываются фонетические единицы, а также орфоэпическая и пунктуационная проблематика.

Библиографический список

1. Сто текстов о языке: сб. научн.-поп. ст.: в 2 кн. М.: Городец, 2021. Кн. 1. 272 с.

**ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ
РУССКОГО ЯЗЫКА И РКИ**

АСПЕКТЫ СОДЕРЖАНИЯ УЧЕБНЫХ ПОСОБИЙ ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

ASPECTS OF THE CONTENT OF TEXTBOOKS FOR INTERNATIONAL STUDENTS

Д.С. Потылицына

D.S. Potylitsyna

Научный руководитель И.В. Ревенко
Scientific adviser I.V. Revenko

Ключевые слова: учебные пособия, иностранные студенты, высшее образование, содержание учебных пособий.

Аннотация. В статье рассматривается необходимость разработки эффективных учебных пособий для иностранных студентов, изучающих русский язык как иностранный. Увеличение контингента иностранных обучающихся требует учета их культурных, языковых особенностей и образовательных потребностей при разработке пособий для организации обучения и повышения его эффективности. Для отбора содержания учебных пособий особую важность приобретает анализ потребностей целевой аудитории (в частности, учет профиля их подготовки).

Keywords: *study guides, international students, higher education, content of study guides .*

Abstract. The article discusses the need to develop effective textbooks for foreign students studying Russian as a foreign language. Increasing the number of foreign students requires taking into account their cultural, linguistic characteristics and educational needs when developing manuals for organizing training and improving its effectiveness. For the selection of the content of textbooks, an analysis of the needs of the target audience (in particular, taking into account the profile of their training) is of particular importance.

Увеличение числа иностранных студентов, обучающихся в российских университетах, делает необходимым создание эффективных учебных пособий, которые учитывают культурные, языковые и образовательные особенности этой категории студентов.

Философия и методология обучения должны основываться на современных образовательных практиках и технологиях, которые предполагают интеграцию междисциплинарных знаний. Важно, чтобы учебные пособия содержали актуальные темы и соответствовали современным условиям образовательного процесса. Кроме того, современные учебные пособия должны способствовать развитию критического мышления, повышать уровень межкультурной коммуникации и компетенций, необходимых для успешной профессиональной деятельности в области филологии. Также необходимо, чтобы учебные пособия не только обеспечивали формирование языковой компетенции, но и способствовали глубокому пониманию русской культуры [Лаптева, Умербаева, 2012].

Таким образом, становится очевидно, что содержание учебных пособий для иностранных студентов имеет свои особенности и они заслуживают тщательного изучения, поскольку от этого зависит как качество их образования, так и степень интеграции в новую языковую и культурную среду.

Мы можем выделить основные задачи, которые должно выполнять учебное пособие для иностранных студентов.

1. Овладение языком. Иными словами – все, что написано в пособии должно помогать студенту в изучении русского языка.

2. Культурная адаптация. Учебные материалы должны содержать элементы, помогающие студентам понять культурные особенности и традиции страны, в которой они учатся.

3. Профессиональная подготовка. Для студентов, обучающихся по специальностям, связанным с профессиональной деятельностью, пособия должны включать специализированные термины и профессиональный лексикон.

Рассмотрим аспекты содержания учебных пособий для иностранных студентов исходя из задач:

Языковые аспекты включают в себя необходимость использования разнообразных типов упражнений для развития всех компонентов языковой компетенции: эффективные учебные пособия должны включать аудиоматериалы и сценарии для практики разговорной речи, что поможет студентам улучшить произношение и понимание на слух. Учебные пособия также должны содержать задания, связанные с использованием ключевой лексики и основных грамматических структур. Примеры контекстуальных заданий могут включать заполнение пропусков, создание предложений, чтение и анализ текстов [Сабитова, Исаева, 2014].

Культурные элементы в содержании учебных пособий могут выглядеть следующим образом:

– изучение культурных норм: включение информации о социальных обычаях, традициях и праздниках страны. Это может быть достигнуто через использование текстов, видео и инфографики;

– сравнительный анализ культур: учебные пособия могут содержать задания, позволяющие студентам сравнивать свою культуру с той, которую они изучают, что способствует лучшему пониманию различий и сходств [Вьюгина, Галимзянова, 2020].

Для иностранцев, обучающихся будущей профессии, содержание учебных пособий должно включать специфическую лексику, связанную с профилем их профессиональной подготовки. Такая лексика может быть представлена в виде глоссариев, тематических лекций и упражнений. Использование в качестве элементов содержания реальных примеров из сферы будущей профессиональной деятельности способствует повышению практикоориентированности пособий.

При отборе содержания для пособия, ориентированного на иностранных студентов, важно провести анализ потребностей целевой аудитории, чтобы выяснить, какие аспекты обучения являются наиболее актуальными для студентов.

Также обязательно проверять успешность пособия на пилотных тестированиях с группами студентов, таким образом легко выявить плюсы и минусы учебного материала. К тому же регулярный сбор отзывов от студентов и преподавателей позволяет постоянно улучшать содержание и структуру учебных материалов [Кириченко, 2019].

Содержание учебного пособия для иностранных студентов должно быть структурировано: иметь четкое разделение на главы, пометки к каждой главе и глоссарий к ней, вводную теоретическую часть, и практическую часть с заданиями, причем структура отдельных уроков или тематических блоков в пособии должна быть единообразной, т.к. это снимает лишние трудности, связанные с восприятием материала.

При написании учебного пособия необходимо помнить, что в языковом отношении оно должно соответствовать учебно-научному стилю, однако не следует забывать и о том, что использовать эти пособия будут иностранные студенты, далеко не всегда в совершенстве владеющие русским языком. Поэтому необходимыми являются все элементы, которые будут способствовать лучшему пониманию информации: упрощение сложных конструкций, использование визуальных материалов и примеров и др. Важной составляющей процесса обучения русскому языку как иностранному является организация самостоятельной работы, поэтому пособие для иностранных студентов также должно содержать ссылки на дополнительные ресурсы. Книжки, статьи, видео и веб-ресурсы помогут студентам углубить свои знания и улучшить навыки самостоятельного обучения [Хвалина, Михайлов, Суханова, 2009].

Для эффективного обучения русскому языку как языку профессиональной деятельности необходимо языковые материалы обосновывать на каком-то страноведческом материале, чтобы студенты могли узнать больше о России по адаптированным текстам [Вьюгина, Галимзянова, 2020, с. 205]. Использование таких текстов в соответствии с уровнем языковой подготовки обучающихся в учебных пособиях позволяет формировать адекватное представление о современной России и актуальных вопросах, значимых для профессионального сообщества.

Аспекты содержания учебных пособий для иностранных студентов играют важную роль в процессе их обучения и интеграции в новую культурную среду. Языковые, культурные и профессиональные элементы содержания должны гармонично сочетаться, создавая комплексный подход к обучению. В условиях многокультурного мира необходимо разрабатывать и учебные пособия, содержание которых, с одной стороны, отражает современные российские реалии, а с другой – учитывает специфику иностранных обучающихся. Можно сделать вывод о том, что «для успешного формирования профессиональной компетентности иностранных выпускников следует использовать специальные технологии подготовки учебной литературы, разрабатывая такие методы и формы обучения, которые способны создать необходимые условия для успешной адаптации и успешной учебы иностранного студента» [Сабитова, Исаева, 2014, с. 376].

Библиографический список

5. Вьюгина С.В., Галимзянова И.И. Русский язык как иностранный: особенности организации преподавания // НиКа. 2020. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-yazyk-kakinostrannyy-osobennosti-organizatsii-prepodavaniya> (дата обращения: 17.10.2024).
6. Кириченко А.М. Критерии отбора содержания обучения иностранному языку магистрантов педагогического направления // Современное педагогическое образование. 2019. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriterii-otbora-soderzhaniya-obucheniyainostrannomu-yazyku-magistrantov-pedagogicheskogo-napravleniya> (дата обращения: 17.10.2024).
3. Лаптева Н.Г., Умербаева Р.Е. Методические рекомендации по написанию учебно-методического пособия // Эл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық университеті хабаршысы. Заң сериясы. Алматы, 2012. № 1. 306 с.
7. Сабитова Р.Р., Исаева Л.Б. О подготовке учебников и учебных пособий для иностранных студентов по дисциплинам, изучение которых предусмотрено ФГОС ВПО: лингводидактические особенности // Вестник Казанского технологического университета. 2014. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-podgotovke-uchebnikov-i-uchebnyh-posobiy-dlya-inostrannyh-studentov-po-distiplinam-izuchenie-kotoryh-predusmotreno-fgos-vpo> (дата обращения: 17.10.2024).
8. Хвалина Е.А., Михайлов А.В., Суханова Т.В. Особенности разработки учебных пособий для иностранных учащихся // Успехи современного естествознания. 2009. № 10. С. 64–65; URL: <https://natural-sciences.ru/ru/article/view?id=13100> (дата обращения: 17.10.2024).

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ РУССКОЙ И ИНДОНЕЗИЙСКОЙ КАРТИН МИРА¹

GENDER ASPECTS OF THE RUSSIAN AND INDONESIAN PICTURES OF THE WORLD

И.В. Ревенко

I.V. Revenko

Ключевые слова: языковая картина мира, гендер, биологический пол, категория рода, имя существительное.

Аннотация. В статье рассматриваются гендерные аспекты языковой картины мира в двух языках. Репрезентация гендера в языке связана прежде всего с отражением биологического пола. На основе уровневого анализа выявляются средства представления семантики пола в русском и индонезийском языках.

Keywords: *linguistic picture of the world, gender, biological sex, gender category, noun.*

Abstract. The article examines the gender aspects of the linguistic picture of the world in two languages. The representation of gender in language is primarily related to the reflection of biological sex. Based on the level analysis, the means of representing the semantics of gender in the Russian and Indonesian languages are identified.

Развитие антропоцентрического начала в лингвистике породило ряд «понятий, которые представляют психические, лингвистические, логические, философские модели объективного мира» [Конопелько, 2019, с. 33]. Одним из таких понятий является картина мира.

Картина мира интегрирует информацию о способе познания окружающего мира и культурную информацию, связанную с национальной спецификой когнитивного компонента и средствами его фиксации и репрезентации.

Широкая функциональность термина «картина мира» привела к необходимости детализации понятия и породила появление терминов, относящихся к определенной области научного знания, а также дополнительной детализации внутри направления науки. В результате такой детализации в лингвистике сформировался термин «языковая картина мира» (ЯКМ), обозначающий ментально-лингвальное образование, элементами которого являются концепты (означенные информемы), а экспонентом служит этнический язык [Гончарова, 2012].

Одним из важнейших компонентов ЯКМ является представление о «мужественности» и «женственности», реализуемое на уровне языкового сознания носителей и репрезентируемое в этническом языке. «Языковая картина мира содержит в себе гендерные доминанты сознания, воздействующие на способ

¹ Исследование выполнено по проекту «Создание и развитие поликультурной цифровой образовательной среды в странах Азиатско-Тихоокеанского региона как средства мотивации к изучению русского языка на примере Республики Индонезия», который реализуется при финансовой поддержке Министерства просвещения РФ в рамках государственного задания № 073-00017-24-02).

восприятия реальности. Язык отражает социокультурные традиции, представления и ценности общества, а следовательно, и гендерные стереотипы» [Тимченко, 2023, с. 6].

При всей значимости гендера как культурной и языковой универсалии нельзя не отметить, что его конкретная репрезентация является этноцентричной. В связи с чем представляется важным сопоставительное изучение гендерного аспекта разных ЯКМ. В центре нашего внимания в данной статье находятся гендерные аспекты русской и индонезийской ЯКМ.

Гендер – это «социально-психологическая и познавательная категория, в которой учитывается фактор биологического пола, но в котором осуществляется выход за его рамки» [Стрекалова, 2011, с. 7]. Гендер является многокомпонентной категорией и учитывает социальное поведение человека, создаваемые и культурно-исторически поддерживаемые обществом социальные и познавательные модели, включающие социальные роли, внешность, стиль поведения, систему жизненных ценностей и ориентиров и т.д.

Активизация интереса к проблемам репрезентации гендера в языке привела к появлению гендерной лингвистики, которая исследует, «с одной стороны, как гендер влияет на картину мира языкового субъекта, а с другой – какие гендерные представления закрепились в сознании носителей конкретного языка и соответственно в самом данном языке» [Стрекалова 2011].

Языковая репрезентация гендера связана с «гендерными стереотипами». К таковым ученые относят структуры знания о гендерных ролях и нормах в обществе, гендерно обусловленном поведении и границах его вариативности; гендерных психологических чертах человека, включая их оценку как пороков, так и добродетелей мужчин и женщин; знания о гендерной идентичности человека, гендерно обусловленных эмоциях, отношениях, интересах и умениях, гендерно обусловленных познавательных стилях [Anderson, 2004].

Указанные проявления гендерных стереотипов находят отражение в этническом языке и подтверждаются собственно языковыми данными.

Так, например, в русском языке к числу гендерно маркированных языковых явлений следует отнести прежде всего категорию рода, в которой гендерным маркером является биологический пол. Для одушевленных существительных *nomina sexsus* идея биологического пола встраивается в грамматическую семантику и образует ее номинативный компонент, в большинстве случаев отражательный по функции. Существительные, у которых формальные родоустанавливающие показатели не соответствуют их семантике: существительные типа *доктор, лектор, экскурсовод*, – по формальным показателям однозначно относятся к м.р., однако их семантика не ограничивается указанием на лицо муж. пола, поскольку они также способны называть лицо без указания на пол или указывать на лицо женского пола.

Универсальным родоустанавливающим средством для склоняемых существительных в русском языке является флексия, на основании которой можно определить родовую принадлежность как неодушевленных, так и одушевленных существительных. У последних флективный показатель усиливается за счет семы пола.

В отличие от русского языка, «имя существительное в индонезийском языке не имеет формантов для выражения частных грамматических категорий» [Теселкин, Алиева, 1960, с. 20]. Как самостоятельная грамматическая категория род в индонезийском языке отсутствует, однако финаль в некоторых словах может указывать на пол. Это справедливо, прежде всего в отношении заимствований из санскрита, но «применяется также к единичным исконным словам или сложениям корней индийского происхождения: *suadara* – собрат, гражданин – *suadari* – согражданка, гражданка» [Оглоблин, 2008, с. 65].

В русском языке родовая отнесенность существительных находит отражение на уровне словообразовательной структуры слова. Так, суффикс *-тель* указывает на принадлежность к м.р.: *строитель, выключатель*. Причем словообразовательный родоустанавливающий фактор может подкрепляться семой пола (*строитель, учитель, преподаватель*) или являться самостоятельным (это справедливо в отношении неодушевленных существительных).

В индонезийском языке аналогичную функцию выполняет приставка *ре-* (варианты *reng-*, *rem-*, *rep-*, *repu-*), которая образует от различных частей речи имена существительные со значением деятеля или орудия действия, например от глагольные существительные: *pelukis* – художник (от *lukis* – рисовать), *penggali* – лопата (от *gali* – копать). «Префикс *PeN-* образует имена от интранзитивов, транзитивов и аффиксальных основ переходного глагола...», например, со значением деятель по типичному действию, лицо по свойству характера: *rembeti* (от *beti* – купить) – покупатель; *relaksana* (*laksana* – *kan* – исполнять) – исполнитель; *reminum* (*minum* – пить) – пьяница [Оглоблин, 2008, с. 49]. Указанная приставка в индонезийском языке также образует отыменные наименования лица по виду деятельности или ее предмету: *retenis* (теннисист), *regolf* (гольфист, игрок в гольф).

У большинства существительных *nomina sexsus* формируются словообразовательные пары, в которых актуализируется семантическая оппозиция «мужской пол» / «женский пол». Между элементами таких пар устанавливаются отношения словообразовательной производности, при этом производящим является существительное мужского рода, а производным – женского: пионер → пионерка, ткач → ткачиха, внук → внучка и под.

«В большинстве случаев у слов с номинацией лиц категория рода соотносена с категорией пола. В пределах пары слов оппозиции, имеющих дифференцированный признак, слово, обозначающее женщин, формируется на основе присоединения суффикса к соответствующему слову с обозначением мужчин. Следовательно, слово с номинацией женщин становится маркированным членом, а соответствующее слово с денотацией мужчин превращается в немаркированное слово. Например, *учитель* – *учительница*, *преподаватель* – *преподавательница*, *артист* – *артистка*» [Яо Сяои, 2022, с. 2057]. В подобных рядах слов наблюдается «неполнота гипонимов маркированных слов по сравнению с немаркированными словами. Например, *учитель* еще имеет значение “руководитель”, а *учительница* имеет значение только “женщина-учитель”» [Там же].

Однако коррелятивность форм муж. и жен. рода в русском языке непоследовательно выраженный признак: для ряда одушевленных личных существительных характерна родовая коррелятивность: *учитель – учительница, супруг – супруга*. Наряду с ними в русском языке существует «значительное количество широко употребительных слов мужского рода, с давнего времени не имеющих параллелей женского рода, поскольку женщины не занимались данной деятельностью, например, *борец, воин, делец*» [Янко-Триницкая, 1966, с. 170]. Их наличие в языке отражает социальные реалии прошлого – занятость в некоторых видах деятельности только мужчин и, соответственно, их доминирующее положение в обществе в плане профессиональной деятельности.

Кроме того, можно выделить и третью группу, куда следует отнести слова мужского рода, лексическое значение которых позволяет иметь корреляты женского рода, но в языке такие единицы отсутствуют, например: *весельчак, враг, глупец, едок, ездок* и др.

Следует отметить, что носители языка стремятся снять указанную диспропорцию коррелятивности по роду. Свидетельством тому активное образование таковых от наименований лиц муж. пола посредством морфем с семантикой «женскости» (*докторша, физичка, врачиха, авторка, блогерка*), однако функционально-стилевые характеристики свидетельствуют об их маргинальном положении в языковой системе в сравнении с производящими словами муж. Рода.

На уровне синтагматики также наблюдается диспропорция при употреблении собирательных числительных, которую можно охарактеризовать как более «сильное» положение мужского начала в языке по сравнению с женским: возможным является сочетание *четверо мужчин, пятеро мальчиков*, но невозможно *четверо женщин, пятеро девочек* [Шанский, Тихонов, 1987, с. 141].

Сопоставительное рассмотрение гендерных аспектов ЯКМ русского и индонезийского языков позволяет установить отличия в их представлении на языковом уровне. В русском языке гендерные аспекты (прежде всего биологический пол) отражаются на разных уровнях языковой системы: лексическом, словообразовательном, грамматическом, тогда как в индонезийском языке биологический пол не получает последовательного выражения. В свете выявленных отличий можно заключить, что при обучении русскому языку индонезийских студентов данный аспект потребует особого внимания преподавателя.

Библиографический список

1. Гончарова Н.Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2012. С. 396–405.
2. Конопелько И.П. Сопоставительный анализ в исследовании и преподавании языка. Воронеж: РИТМ, 2019. 226 с.
3. Оглобин А.К. Грамматика индонезийского литературного языка. 2008.
4. Стрекалова У.С. Семантика гендера в русской языковой картине мира (на материале поговорок): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2011. 24 с.

5. Теселкин А.С., Алиева Н.Ф. Индонезийский язык. М.: Изд-во восточной литературы, 1960. 58 с.
6. Тимченко Е.И. Гендер в языковой картине мира (на материале немецкого языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2023. 25 с.
7. Шанский Н.М., Тихонов А.Н. Современный русский язык. М.: Просвещение, 1987. Ч. 2: Словообразование. Морфология. 256 с.
8. Янко-Триницкая Н.А. Наименование лиц женского пола существительными женского и мужского рода // Развитие словообразования современного русского языка. М.: Наука, 1966. С. 167–210.
9. Яо Сяои Гендерно-маркированная асимметрия в русском и китайском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15, вып. 6. С. 2056–2061.
10. Anderson E. (2004). Feminist Epistemology and Philosophy of Science. In E.N. Zalta (ed). Stanford Encyclopedia of Philosophy.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНТИПИНА Елизавета Петровна – студентка института социального инжиниринга, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнёва (Красноярск); e-mail: antipinaelizaveta04@gmail.com

АНТОНОВА Дарья Юрьевна – аспирант, Иркутский государственный университет; e-mail: darya_a35@mail.ru

ВАСИЛЬЕВ Александр Дмитриевич – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: vasileva@kspu.ru

ВАСИЛЬЕВА Светлана Петровна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: vasileva@kspu.ru

ГУРОВА Мария Сергеевна – магистрант филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: bzrm16@yandex.ru

ЕРКИНА Вероника Сергеевна – студентка института филологии и языковой коммуникации, Сибирский федеральный университет (Красноярск); e-mail: erkina_veronika@mail.ru

КИПЧАТОВА Алла Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; эксперт, АНО «Союз экспертов “Контекст”»; e-mail: allakipchatova@mail.ru

КУКОЛЕВА Екатерина Сергеевна – студентка института социального инжиниринга, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнёва (Красноярск); e-mail: Kukoleva_K@bk.ru

ЛАН Жуй (КНР) – аспирант кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: 1595974208@qq.com

ОСЕТРОВА Елена Валерьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: osetrova@kspu.ru

ОСМАНОВА Аида Музаффаровна – студентка филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: aida.osmanova.02@bk.ru

ПЕТРОВА Екатерина Владимировна – магистрант филологического факультета; Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: kati-shush@mail.ru

ПОТЫЛИЦЫНА Дарья Сергеевна – магистрант филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: potylitsina_ds@mail.ru

РЕВЕНКО Инна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и методики, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: inna.revenko@mail.ru

САВЕЛЬЕВА Полина Андреевна – учитель начальных классов, МАОУ СШ № 159 (Красноярск); e-mail: polina.savelieva2014@yandex.ru

САЗОНЧИК Елизавета Сергеевна – магистрант филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: elliedrum@yahoo.com

СЕДОВА Анна Вячеславовна – магистрант филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; эксперт, ЭКЦ ГУ МВД России по Красноярскому краю; e-mail: sanyas99@mail.ru

СТРУЗИК Анна Александровна – аспирант кафедры теории германских и романских языков и прикладной лингвистики по специальности, Сибирский федеральный университет (Красноярск); e-mail: annnastruzik@gmail.com

ТОРЖОК Альбина Григорьевна – кандидат филологических наук, доцент, Белорусский государственный университет; e-mail: atorzhok@mail.ru

ЦАТУРЯН Грета Агвановна – студентка института филологии и языковой коммуникации, Сибирский федеральный университет (Красноярск); e-mail: tsaturyan3003@mail.ru

ШАХУРА Кристина Николаевна – магистрант, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: Shkn5@yandex.ru

ШАРОГЛАЗОВА Юлия Викторовна – аспирант кафедры общего языкознания, старший преподаватель, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: yulijavsh@kspu.ru

ШИБАЕВ Михаил Валерьевич – эксперт, АНО «Союз экспертов “Контекст”»; e-mail: shibaev.m.v@mail.ru

СВЕДЕНИЯ О НАУЧНЫХ РУКОВОДИТЕЛЯХ

БАШКОВА Ирина Венадьевна – доктор филологических наук, профессор института филологии и языковой коммуникации, Сибирский федеральный университет (Красноярск);
e-mail: IBashkova@sfu-kras.ru

ВАСИЛЬЕВА Светлана Петровна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева;
e-mail: vasileva@kspu.ru

ГРИШИНА Ольга Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и методики, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: grishina@kspu.ru

КОПНИНА Галина Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой журналистики и медиалингвистики, Сибирский федеральный университет (Красноярск);
e-mail: okopnin@mail.ru

КЫШТЫМОВА Ирина Михайловна – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии образования и развития личности, Иркутский государственный университет

МИХАЙЛОВ Алексей Валерианович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой общественных связей, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнёва (Красноярск); e-mail: avm_2006_64@mail.ru

ОСЕТРОВА Елена Валерьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: osetrova@kspu.ru

РЕВЕНКО Инна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и методики, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: inna.revenko@mail.ru

СПИРИДОНОВА Галина Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методики начального образования, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: spiridonova_gs@kspu.ru

Осенняя научная сессия КГПУ им. В.П. Астафьева
«Система педагогического образования –
ресурс развития общества»

ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЯЗЫКЕ
И ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Сборник статей
по материалам IV Международной
научно-практической конференции
посвященной 100-летию со дня рождения
профессора В.Н. Роговой

Красноярск, 30 октября 2024 г.

Электронное издание

Редактор *М.А. Исакова*
Корректор *А.П. Малахова*
Верстка *Н.С. Хасанишина*

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Отдел научных исследований и грантовой деятельности КГПУ им. В.П. Астафьева,
т. 8(391) 217-17-82

Подготовлено к изданию 19.12.2024.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 13,4